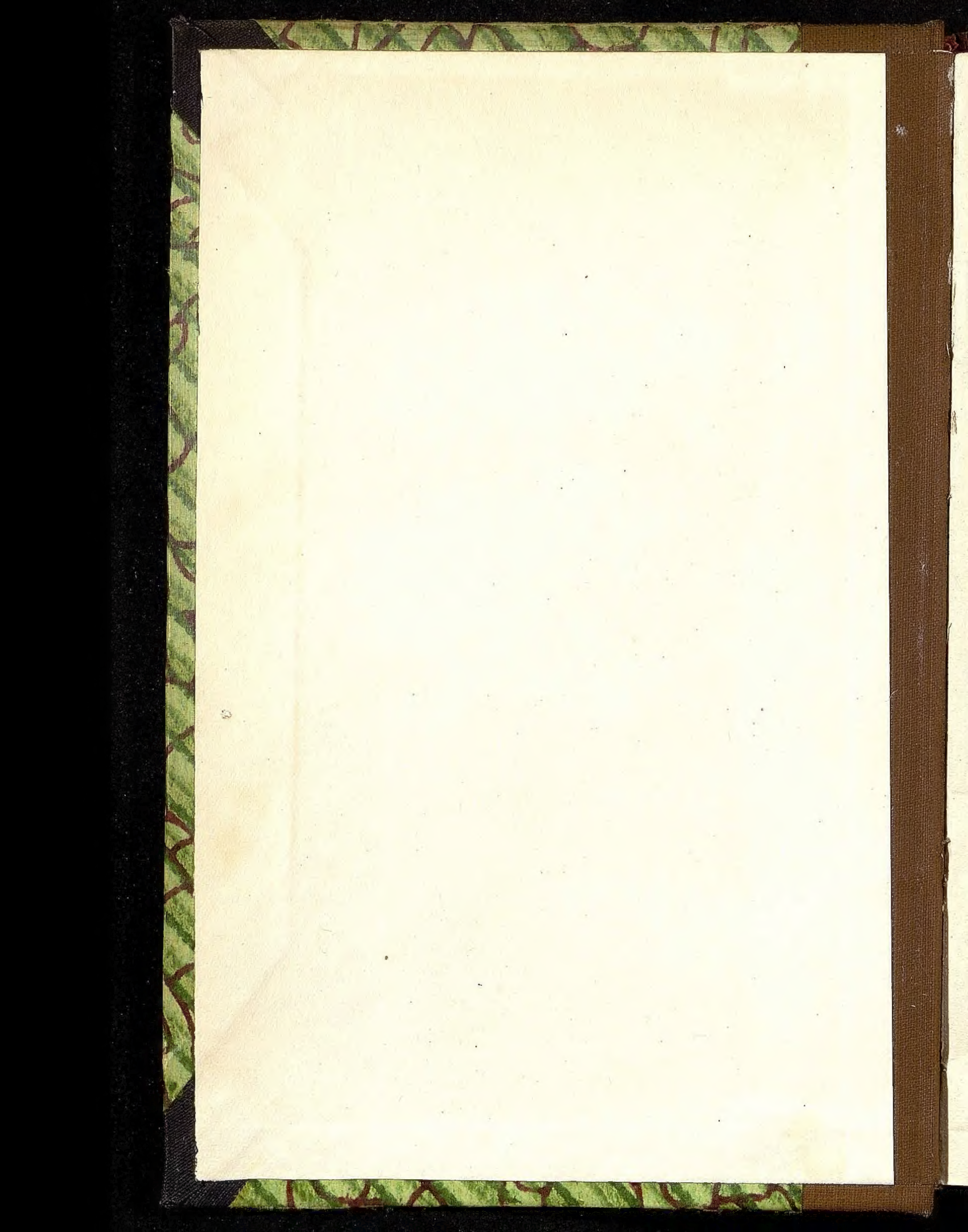
теодор
пливье

кули кайзера

ТЕОДОР ПЛИВЬЕ

КУЛИ КАЙЗЕРА

РОМАН ИЗ ЖИЗНИ
ГЕРМАНСКОГО ВОЕННОГО ФЛОТА

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО ИР. БАЙКИНОЙ и Е. ЧЕРНЯК

ПРЕДИСЛОВИЕ Д. УМАНСКОГО.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1 9 3 1

Главлит № А—69861. Тираж 5 000.

8-я типография «Мосполиграф» ул. Фр Энгельса, 46.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Империалистическая война отображена в целом ряде литературных произведений. Эти «военные произведения» далеки от «об'ективно-мемуарного» материала: они вскрывают отношение той или иной социальной прослойки, того или иного писателя к наиболее активному проявлению капитализма—к империалистической войне. Вопрос об отношении современного писателя к войне определяет в то же время его отношение к целому комплексу социально-политических проблем. В этом глубокое значение военной литературы, воскрешающей перед нами батальные картины 1914—18 гг. во всем их историческом смысле.

Обильнее всего эта литература представлена в Германии, стране побежденной, стране с медленно, но настойчиво развивающимися неоимпериалистическими тенденциями. Немецкие романы о войне можно разделить на три группы. Первая, приобретшая особый вес за последнее время в связи с фашизацией Германии, проникнута идеями реванша, идеями об «освободительной» войне, «войне 1960 г.», которая восстановит попранное национальное могущество вильгельмовской монархии и вернет Германии территории в Европе и колониях. Это военная литература с ярко выраженными империалистическими тенденциями; слова о геройстве, о романтике войны имеют здесь сугубо практический, политический смысл. Они являются выражением фашистского призыва к милитаризации страны в завоевательных интересах крупнопромышленного капитала.

Ко второй группе относятся произведения мелкобуржуазных пацифистов, «идейно» борющихся против «всякой» войны. Но эти же мелкобуржуазные пацифисты отступают от борьбы с войной, как только требуется установить характер войн и причины их возникновения и скатываются в лагерь буржуазных вдохновителей империалистических авантюр. «Военная романтика» в романах этих писателей дана в картинах глубочайших человеческих страданий, материальных и моральных жертв. Литература этой группы, никак не разрешающая вопроса о причинах и целях войн, а наоборот, об'ективно отдаляющаяся от разрешения вопроса, для нас, при том в данный момент, наиболее опасна, потому, что она облечена в форму псевдопротеста псевдоборьбы. Наконец, третья группа — революционные писатели — ближе всего подошла к вопросу о причинах и целях войны, ибо вскрыла движущие пружины военных катастроф и указала в каком вопиющем противоречии находятся интересы буржуазии и трудящихся особенно в эпоху империалистической войны. В книгах этих писателей «военная романтика» отступает перед социальным анализом военных событий. Классовые силы расставлены здесь так, как это диктует правильная расшифровка причин империалистической войны. Эта правильная расшифровка приводит писателя и к тому, чтобы анализировать перспективы империалистической войны и сделать вывод о том, что социальные противоречия, коренящиеся в капитализме, должны привести к перегруппировке сил и протянуть фронт не между нациями, а между классами, — обратить войну

империалистическую в войну гражданскую. Две книги, относящиеся к этой группе,—Адама Шаррера «Без отечества» и Теодора Пливье «Кули кайзера»—являются поэтому не только военными романами, но и одновременно романами о классовой борьбе. События доведены здесь до ноябрьских дней 1918 г. до свержения монархии и вооруженных выступлений рабочих.

Роман Пливье—матроса, непосредственного участника морских сражений важен как материал о войне, бичующий и разоблачающий империалистическую бойню, как материал о военном флоте Германии и его крушении и, с другой стороны, как материал революционного движения во флоте, ставшего частью единого целого—германской революции 1918 г.

Флот вильгельмовской монархии является ярким выражением всей политики этой державы до и во время войны. Создание крупных военно-морских сил Германии имеет свои экономические корни К концу XIX века Германия стала одной из могущественных колониальных держав Осуществление колониальных стремлений и удержание захваченной территории были бы поставлены под удар, если бы параллельно с экспансией территориальной не шла бы и экспансия военная. Недостаточно было прокладывать пути торгового мореходства, надо было создавать средства их защиты—военный флот. В 90-х годах началось создание германского флота. Адмирал Тирпиц—идеолог милитаризации Германии и крупного военного флота—утверждал, правда, что Германия далека от агрессивных тенденций. Флот будет, мол, лишь обеспечивать стране пользование материальными богатствами колониальных стран. Но такая теория весьма неубедительна, ибо само собой разумеется, что в этой «оборонительной» программе содержались наиболее агрессивные тенденции по отношению к другим странам, в первую очередь—Англии. Первое десятилетие XX века показывает, как лихорадочно вооружались обе империалистические державы; весь этот период, вплоть до об'явления войны прошел под знаком военного соперничества. Правда, расходы Германии на флот чуть ли не вдвое меньше затрат Англии на военно-морские вооружения, что и сказалось на том материале, с которым обе державы вступили в войну. Германский флот был значительно слабее по конструкции судов, чем английский. Германия слишком поздно начала постройку подводного флота. Однако, политическое значение флота в Германии было ни чуть не меньше, чем в Англии. Вопросы подводной войны, которые затрагивает Пливье в своем романе, относятся к наиболее существенным вопросам империалистической войны. С подводной войной, связана не только внутренняя, но и внешняя политика Германии во время войны. Об'явление «беспощадной подводной войны» весной 1917 г. является по существу последним, наиболее значительным актом Германии в мировой войне. «Если эта карта («беспощадная подводная война» Д. У.) окажется битой, тогда мы погибли»—сказал тогдашний статс-секретарь Гельферих. Но подводная война не могла спасти Германию, в борьбе против целой коалиции могущественных империалистических держав. Найти выход из этой бойни, остановить войну, порождавшую

с каждым днем все новые и новые противоречия внутри государств, были не в силах империалистические державы, ни совместно, ни каждая в отдельности. «Только одна, единственная сила призвана историей и была бы в состоянии затормозить бешеный бег общества в пропасть анархии и одичания: международный социалистический пролетариат» — писала в апреле 1917 г. Роза Люксембург. «Другого выхода из войны, кроме революционного восстания международного пролетариата, борющегося за власть, больше нет». (Письмо Спартака № 4).

Об'явление «беспощадной подводной войны, февральская революция, вступление Америки в войну, — все это знаменовало собой новый этап в истории мировой войны, а вместе с тем и рабочего движения, активизацию его сил и обострение внутреннего положения империалистических государств — в частности истощенной Германии.

Беспорядки, возникшие в первую очередь на почве голода, отсутствия топлива и проч., участились в 1917 г. настолько, что перестали быть единичными явлениями. Все тяжелее ложилось бремя войны на обнищавшее и голодавшее рабочее население, все громче пробивалась наружу воля солдатской и матросской массы к миру, и, чем дальше, тем стремительнее рассеивались надежды на военные успехи, которые должны были «оправдать» миллионы жертв. Великий пример русского пролетариата служил неизмеримой агитационной силой. В частности во флоте идея о мире, о борьбе с виновниками войны крепла еще и благодаря тому состоянию, в котором находился флот, в особенности за последние годы войны Достаточно просмотреть мемуары и документы того времени, чтобы убедиться в каком диком противоречии стояли речи о военной доблести с моральным состоянием командования и издевательствами, которым подвергалась вся масса матросов. Снова в истории должны были повториться факты известные нам по восстанию на броненосце «Потемкин» Однако, в данном случае, они приобретали особое значение, ибо развертывались в условиях войны.

Во многих частях германской армии и флота в 1917 г. организовывались ячейки, пропагандировавшие идеи мира, распространявшие запрещенные газеты и листовки. Особенно энергично работа таких ячеек шла во флоте, который в силу специфических условий военно-морской службы еще сильнее сплачивал роптавших матросов. Флот был опорой германского империализма—но именно здесь революционная борьба ширилась быстрее и в июле 1917 г. приняла внушительные размеры. Организация матросов с Рейхпичем и Кебисем во главе вступила в контакт с независимыми социал-демократами и при поддержке вождей независимцев начала расширять сеть своих ячеек. Организация, охватившая большинство судов германского флота, насчитывала в июле 1917 г. несколько тысяч человек. Но уже на самой заре германской революции «левые» социал-демократы показали свое истинное лицо: они, с одной стороны, воспользовались революционным брожением во флоте и через ячейки матросов стремились вести пропаганду в пользу своей партии, с другой же стороны, организующе никак не спаивали революционную волю матросов, их стремление к миру. Революционное возбуждение достигало своего апогея, об'являлись голодные стачки,

совершались акты военного саботажа, преследования, аресты стали повседневными явлениями И вот, в конце июля на корабле «Принцрегент Луитпольд» произошли первые революционные события, а 1-го и 2-го августа на этом же корабле и на «Пиллау» были устроены внушительные демонстрации протеста против наказания матросов. Матросы покинули суда и сошли на берег. Вожди движения были арестованы и движение подавлено. Месяц спустя шесть матросов предстали перед военным судом. Двое из них — Рейхпич и Кебис были казнены, остальные брошены в тюрьмы. Главари этого движения не сумели создать тесно спаянное целое из среды восставших матросов, связаться с пролетариями города, с солдатской массой, они не смогли придать этому движению организационную силу. В них была сильна прежде всего революционная воля и стремление к миру. Но у них не было опыта классовой борьбы. Этот опыт они надеялись почерпнуть у тогдашних независимцев, в частности у Дитмана и Гаазе. Вожди независимцев поддерживали, повторяем, связь с матросами, являлись известным образом идеологами нелегального движения во флоте. Но вместе с тем они, эти идеологи, не только не сумели действительно организовать движение и защитить его вождей от классового суда, не только не подняли голоса протеста против дикой расправы военщины, но впоследствии даже официально отказались от этого движения, ибо «не санкционировали насильственных актов, произведенных матросами». Они предали восставших пролетариев. «Борьба независимых социал-демократов была борьбой политической» — писал впоследствие Дитман — «она не имела ничего общего с военным саботажем, ни с пропагандой в пользу дезертирства и организации восстания солдат и матросов. Каждого, который заявил бы нам тогда о своем отказе исполнять военные обязанности, мы встретили бы как шпиона, настолько далека была от наших взглядов, сложившихся на десятилетнем социалистическом опыте, мысль о военном саботаже». Таков был ответ независимцев на первое открытое выступление матросов в 1917 году. Движение было подавлено, однако, оно явилось только началом тех революционных событий, которые получили в ноябре 1918 г. свое определенное политическое выражение.

«Кули кайзера» — это роман о «зашанхаенных» пролетариях, наперекор своим классовым интересам согнанных на корабли военного флота, осужденных участвовать в гигантских военных состязаниях империалистических держав. Пливье вскрывает, как постепенно осознавали матросы смысл своего положения и как крепло в них это сознание, вооружая их против действительности; как эти кули кайзера восстали, но были разбиты, а их вожди уничтожены. Пливье показывает и агонию империалистической державы, спорившей о мировом могуществе на море, проводит нас через различные фазы морской войны, дает картины пиратской работы флота в период беспощадной подводной войны. Он доводит свое повествование до момента развала монархии. «Кули кайзера» — это роман об империалистической войне, о германском флоте, роман о накоплении опыта революционной борьбы.

Д. Уманский

Памяти:

Альвина Кебиса — кочегара с крейсера «Принц - регент Луитпольд»,

Макса Рейхпитча — старшего матроса с броненосца «Фридрих Великий»,

приговоренных к смерти 26 августа 1917 года морским военным судом в Вильгельмсгафене, и расстрелянных взводом ландштурмистов на стрельбище Ван в королевском Кельнском округе 5 сентября.

«ЗАШАНХАЕНЫ»

— Дирк!—и снова:—Дирк! Вставай скорее.

Спящий стряхнул руку с плеча, тяжело повернулся к стенке койки. Пусть его оставят в покое,—он и без того знает, что он на борту старой калоши. Даже во сне мысль об этом не покидает его.

Сам боцман пришел в кубрик, чтоб разбудить подвахтенных:

— Дирк! Ян! Подымайтесь! Протрясите зад-то!

Наконец он их поднял: двух матросов и юнгу. Это стоило ему немалого труда: они не пролежали и часа! А предшествующие дни... И это длится уже четверо суток.

Они сидят на койке, свесив ноги и еще охваченные сном. Им не надо надевать сапог—они спали в них. Лампа, висящая на палубном бимсе, попрежнему порывисто раскачивается. Всякий раз, когда она качнется по направлению к бакборту и достигнет наибольшего наклона, слышно, как волна набегает на палубу, а затем шум стекающей воды. Судно уже четвертый день носится по Бискайскому заливу, потеряв способность управляться, с попорченными машинами.

Юнга скорчившись сидит на одеяле, опустив голову на грудь, снова закрыв глаза. Пока матросы еще сидят и дремлют, ему тоже незачем шевелиться. Один глазами, полными сна, уставился на лампу. Другой, которого боцман назвал Дирком, закуривает трубку и два-три раза наспех затягивается. Наверху курить нельзя—ветер.

— Было семь баллов, когда мы улеглись на койках!

— Семь, и ветер еще усилился.

Люк в кубрик быстро открывается. Этого отверстия достаточно—рев наверху подымает матросов. Короткий и отрывистый голос боцмана:

— Где вы застряли? Скорее,—бочки!

— Так оно и есть, палубный груз,—говорит Дирк.

— Керосиновые бочки!—кричит Ян.

Они взбираются по трапу, вылезают через люк. Сначала, как слепые, они бредут ощупью несколько шагов вперед, затем видят светящиеся гребни пены, высоко вздымающиеся волны, набегающие на корабль.

Виднеются небольшой кусок неба, тусклые звезды. Предметы на палубе выступают из туманно-голубого света—масса бочек, вахтенные.

Около пятидесяти бочек тесно сдвинуты к фальшборту, в десять раз больше стоит на баке. Они пусты, но они из тяжелого металла и почти в человеческий рост. Вахта занята тем, что подтягивает ослабевшие крепы. Матросы повисли на стальном тросе. «...Хой-хо, хой-хо! Еще раз! И еще раз! Pull, boys, come on!» Вместе со штурманом их трое.

Теперь Ян и Дирк тоже принимаются за работу. Юнге еще нет пятнадцати лет.

— Берегись! Не порежь рук!—кричит передний.

Трос местами заржавел и колет ладони разошедшими-

ся концами проволоки. Надо быть внимательным, сперва осторожно прижать колючки, затем уже налегать всей тяжестью тела: «Все сразу! Pull, boys! Come on!»

Когда волна набегает на палубу, все стоят по пояс, по грудь в воде. У судна крен на бакборт. Волны бьют в поднявшийся штирборт, ленивый и неподвижный, похожий на кита.

Дирк работает вместе с юнгой, который завертывает трос, сперва подтянув его. Вдруг он замечает, что с штурманом и боцманом здесь всего трое вахтенных.

— Где же двое остальных?—спрашивает он.

— На мостике!—отвечает штурман. И немного спустя—ведь Дирк Бутендрифт всегда может пригодиться—он даже поясняет:

— Им отдавило ноги.

На гребне волны, через которую судно переваливается укачивающим движением, начинается: одна куча бочек разорвала трос. Освободившиеся бочки с грохотом покатились, стукаются о люки и подъемники, фальшборт, снова катятся обратно и тем самым ослабляют крепы других бочек.

Матросы работают как сумасшедшие; под плотной промасленной одеждой они все в поту. Их шесть против пятидесяти вырвавшихся чудовищ, может быть, уже против сотни. Хуже всего то, что бочек не видно. Они возникают только в последний момент, голубые и призрачные, несутся мимо, пока не натолкнутся на препятствие. Качка одарила их жуткой жизнью и сокрушительной силой. Работать можно лишь в короткие перерывы, когда судно находится в равновесии,—тогда удается схватить бочку, другую и швырнуть за борт.

Теперь команда укрылась на люк II.

Но приподнятое местоположение может быть опасным из-за волн, перекатывающихся через палубу.

— Три рейса назад...—начинает кто-то из команды. Эту историю все знают. Вся вахта была смыта тогда за борт.

Бледно мерцающие в темноте лица окружают Яна. У Бутендрифта широкая кость, он силен. Но Ян Гойлен самый подвижный из всей команды. В начале рейса его единогласно выбрали headman'ом.

— За работу!—командует штурман.

Никто не двигается. Бочки производят адский шум, железо ударяется о железо.

— Нет, мы больше не хотим. Баста!—говорит Гойлен.

— Отказ от исполнения служебных обязанностей,— бесстрастно констатирует штурман. Собственно говоря, он доволен; у него есть основание покинуть опасную палубу. Он взбирается по лестнице на мостик для рапорта.

Над фальшбортом вздымается пенный гребень, набегает на люк II, разбивается и, разлетаясь водяной пылью, сбегает по палубе, как пылающий желтый огненный язык, слизывающий все вокруг... Судно того типа, какие строили двадцать лет назад; единственное приподнятое место—это мостик, покоящийся на железных подпорках.

Капитан—человек спокойный. В левантийских гаванях, где команда и штурман занимались всякими темными торговыми делишками, он спокойно сидел в салоне и плел сети для своего отца, плавающего на рыболовном катере в Балтийском море. Но теперь капитан выражается литературным языком: «Так они не хотят? Я занесу это в вахтенный журнал». При этом он особенно напирает на слово «журнал». В качестве капитана он распо-

лагает на борту полицейской властью. За него — суд и тюрьма.

— Нет, мы не будем работать, пока не рассветет.

На этом и порешили. Они бодрствуют до рассвета; капитан, первый и второй штурманы — с подветренной стороны мостика; команда — с наветренной, сбившись в кучу.

Посредине, перед штурманской рубкой и темной вздымающейся трубой, мерцает слабо освещенный нактоуз. Когда ветер на минуту затихает, слышно, как внизу в котельном отделении шумят кочегары.

Боцман, занимающий на судне промежуточное положение, — его не причисляют ни к офицерам, ни к команде, — стоит один. Через некоторое время он переходит на сторону команды. Он узнает лицо Яна, стоящего ближе всего к нему.

— Последнее судно с палубным грузом, — говорит боцман Карл Клеезаттель.

— Если я только снова буду на суше, — отвечает Ян, — никто больше не заставит меня взойти на такую калошу.

Матросы втягивают головы, стараются сделаться как можно ниже, чтобы подставить ветру меньшую поверхность. Упорный нордвест! Каждые полчаса кто-либо идет на смену в штурманскую рубку и остается при обоих придавленных.

Несколько гремящих банок консервов могут испугать лошадей. Здесь же бочки, керосиновые бочки с двойными ободами; качка швыряет их, как метательные снаряды. Тысяча тяжелых ударов молота при каждом взмахе бортовой качки. Как долго смогут люки противиться такому напору?

Пять часов утра.

Рассветает. День подымается снизу, из моря, тяже-

лым свинцовым светом. Теперь можно разглядеть палубу. Шканцы уничтожены, края фальшборта срезаны, так же как и металлическая крыша над кубриком. Кубрик полон воды.

— Я знал, что что-нибудь случится!

Уже несколько недель у Дирка Бутендрифта в костях дурацкое расслабляющее ощущение, предчувствие событий. Так вот это что! Если бочки разобьют люк, судно должно затонуть, как дырявое жестяное корыто.

Когда стало светло, Бутендрифт первый оказался внизу на палубе. Своими длинными руками ловит он мчащиеся взад и вперед железные колонны, хватает каждый раз одну из этих опасных штук, подымает ее вверх, и она дугой летит в море. Другие работают группами, человека по три. Напряженные и невыспавшиеся за последние дни, они выполняют работу титанов.

В тот же день привели в порядок машины. Из наклонной трубы стелется над водой черная и грязная полоска дыма. «Старая калоша снова пущена в ход!» Правда, всего с одним котлом, но все же движется. Медленное плавание. Достаточно и того, что судном можно управлять.

На следующую ночь появляется маяк «Бишопрока». На тридцать морских миль отбрасывает этот мощный маяк, находящийся на самой крайней из «Scillies», сноп света в Атлантический океан.

Плавание продолжается без осложнений.

В Ламанше дует попутный ветер. И в Северном море, лежащем под дрожаще-жарким июльским небом, как какое-то большое зеркальное чудо, забываются дни Бискайского залива.

При тихой погоде снова очистили дорогу в трюм. Там внизу дела хватит—веревки, все необходимое для выгрузки тюков товара. Боцман в свое время не смог

найти другого места для сохранения груза, кроме люка I куда составлено в кучу самосское вино. Совершенно случайно была обнаружена течь в одной из бочек. Сейчас же принесла ведра, одно для кочегаров, другое для матросов. Ведра наполняются и относятся в пустой бункер. Штурманы приказывают наполнить кувшины их умывальных приборов. Параграф корабельных правил: «Присвоение чего-либо из груза карается тюрьмой...» не имеет с этим ничего общего. Где нет обвинителя, нет и судьи. Капитан сидит в кают-компании и укладывает в сундук сети, сплетенные дорогой.

У судна небольшой крен, оно слегка наклонилось на бакборт. Одна сторона повреждена, и палуба разрушена. Судно тащится по широкой сверкающей поверхности все время в середине изумрудно-зеленого круглого зеркала со скоростью медленно идущего товарного поезда.

Часы, ночь, день...

И снова солнечный шар врывается в помещение, и забываются космические расстояния до звезд, и кажется, что вдыхаешь раскаленные массы газа. Такие дни бывают не часто в Северном море, но когда они начинаются, то кровь стучит в висках.

Бутендрифт сидит впереди на якорном шпиле. Его косматая голова облита лучами солнца. Он в свободной смене, он нежится в горячем воздухе,—компенсация за прошедшие сырые дни.

Значит, в Бискайском заливе это было не то. Так что же это? Странное чувство нарастающей жути все еще не оставило его. Неподвижно скорчился он на носу судна и уставился в сияющую пустоту.

Странные глаза у Дирка Бутендрифта. Порой, когда он взглянет, они должны раньше «собраться», сконцентри-

роваться,—они странно не соответствуют уверенности и ясности его могучего тела.

Волны, которые разрезает нос корабля, теряют свою зеленую прозрачность, становятся тусклыми и молочными. Это—от близости земли, от ила и грязи из широких пастей речных устьев. Со стороны штирборта видна плоская полоса песка. Спереди, из-за горизонта, высоко подымается дым, не узенькая полоска парохода, скорее широкая полоса мглы, как над городом, но черная и волнующаяся, вгоняющая дымный клин в дрожащее летнее небо. Военные корабли!

— Маневры!—говорит боцман.

Он отбыл свой срок. Сначала он служил во втором флотском экипаже, затем на легком крейсере «Нимфа». Бутендрифт никогда не попадал на проверку. Не то чтобы он «укрывался», нет, но до этого судна он плавал на иностранных парусниках.

«За четыре года первый немецкий порт!»

Кочегар из свободной смены тоже прошел на нос; он в деревянной обуви, с платком на шее. У всех троих грязный и запущенный вид, угольная пыль на лицах, руках и одежде. С тех пор, как кубрик наполнился водой, они спят и живут в пустых бункерах.

Эскадра приближается со скоростью метеора. Броненосные крейсеры с миноносцами с обоих флангов.

— Моисей,—кричит с мостика штурман юнге,—к флагу!

Юнга бежит на корму, останавливается у флагштока. Выкрашенные в серый цвет дредноуты идут в кильватерной колонне, вздымая могучие волны. Карл Клеезаттель знает их названия: «Зейдлиц», «Мольтке», «Фон дер-Танн»! Они всегда впереди флота, и им влетит больше всех, если что-нибудь начнется!

Теперь передний броненосец стоит на траверс «Лесбоса».

— Спустить флаг!—рычит штурман.

Моисей спускает, подымает и спускает снова, три раза. У флагштока дредноута ничего не видно. Под дулами орудий на баке переднего корабля длинными рядами стоят «кули» в ослепительно белых матросских формах, на мостике—офицеры в синих застегнутых на все пуговицы мундирах. Военный флаг на корме неподвижен. Приветствие разбитого и накренившегося бродяги остается без ответа.

Сын рыбака на мостике «Лесбоса» сквозь зубы плюет далеко в воду. Это его комментарий. Моисей снова поднимает флаг, медленно и без всякого приказания.

— Полный ход, двадцать восемь узлов!—говорит Клезаттель.

А кочегар:

— Эх, парень, если только он встретится с англичанином!.. Все газеты были полны войной, когда мы находились в Леванте. В истории с австрийцем что-то не чисто.

Бутендрифт ничего не говорит. Его взгляд рассеянно скользит по пенной полосе, оставленной за собой эскадрой.

Теперь и с другой стороны видна земля. Темной, словно вычерченной полоской протянулась она под солнечным шаром. Проходят мимо идущих пароходов, навигационных знаков, мимо буев, бакенов. Парусник с лениво повисшими парусами плывет вниз по течению. Все теснее сдвигаются берега.

Затем фарватер становится блестящей металлической лентой. На берегах—яблони, луга, загородные рестора-

ны. Первые камни города. Красное кирпичное фабричное строение. Кучи угля, скудная трава, играющие дети. Женщины смотрят вслед идущим судам.

В воздухе стоит дым и сверкающая пыль. Амбары. Словно однорукие, краны. С одной стороны—постройка океанского исполина, гудящего под целой толпой хлопотливых рабочих, маленьких, как муравьи. С другой стороны—лабиринты нагроможденных друг на друга рабочих казарм. Два буксира—один сзади, другой спереди— тащат «Лесбос» в гавань.

Второй штурман стоит с бакбортной вахтой на юте, первый с штирбортной на баке, чтобы во-время отдать концы. Канаты и стальные тросы с шумом проходят через клюзы, раньше спереди, потом сзади. «Прими кормовые!»

Судно ошвартовано у пристани.

Двести бочек самосского вина, двести пятьдесят тонн сладкого миндаля, триста тонн смирнских винных ягод и тысяча тонн картофеля с Мальты.

На следующее утро голос штурмана кричит вниз в бункера:

— На проверку!

Горячая вода, жидкое мыло, одежда для берега.

На портовом катере, который отвозит их на городскую сторону, все толпятся вокруг Гойлена и Бутендрифта: «За это должны заплатить!»—«Компания не должна была брать палубного груза!»—«У штирбортной вахты сорок часов переработки!»—«У бакбортной—тридцать шесть!» «Ханесу придется ампутировать ногу!» Обоих пострадавших отправили в портовую больницу сейчас же по прибытии.

В пароходном агентстве выкликают названия проверяемых судов; вот и «Лесбос». Матросы и кочегары подхо-

дять к окошечку. Одному за другим вручают им матросские книжки и жалованье—шестьдесят марок в месяц. За керосиновые бочки, выброшенные за борт, за переработку, благодаря которой они спасли судно и груз, они не получают ничего.

— От Гибралтара до «Skillies» сорок часов переработки!—говорит Бутендрифт. Служащий открывает книгу и монотонным голосом читает параграф корабельных правил: «Не рассматривается как часы переработки... если стихийные бедствия...».

Затем, не изменяя голоса, едва заметно глядя из-под очков:

— Вашу книжку и деньги вы получите в главной конторе.

Одного из кочегаров тоже посылают в главную контору.

Войдя, Дирк сразу же признал в сидящем за письменным столом человеке с потной лысиной и коротким коренастым туловищем полицейского в штатском, агента сыскной полиции.

— Ваша матросская книжка не в порядке. Предъявите документ о вашем отношении к воинской повинности! Потрудитесь пройти в комендатуру!—говорит он.

Шагах в пяти впереди него идет кочегар в сопровождении двух агентов. Человек слева от Дирка в шапке, справа—в котелке. Полное, мясистое лицо; вместе с высоким котелком он Дирку как раз по висок. Оба агента обучены боксу и джиу-джитсу. Дирк может, если нужно, один поднять брамсрею; он знает, что достаточно решительно схватить обоих за жирные затылки и стукнуть их черепами. Он знает такие примеры, но он этого не делает; его ведут по пыльным, людным улицам. Его глаза снова неопределенно глядят вдаль.

«Папаша Лампель» должен сам тоже взяться за работу. У его помощника хлопот полон рот. Он бежит, нагруженный напитками, к столикам и с пустыми стаканами назад к стойке.

— Пива! Водки! Грога!

Когда раскрашенные стеклышки электрического оркестриона вспыхивают красным светом, лампы над столами гаснут, и кабачок погружается в полутьму,—лица тускнеют, запах женщин кажется жарким и дурманящим. Когда снова светлеет, из облаков густого табачного дыма вылезают отдельные предметы—группы людей, деревянные столы, на стенах—модели кораблей. У мужчин кожа насыщенного бронзового тона, который дает только океан, мягкие пассаты и муссоны тропических морей и резкий ветер, дующий с полюсов в умеренные широты.

Суматра, Борнео, Ява
И Большие, и Малые
Зондские острова в Тихом океане,
Суматра, Борнео, Ява...

Матросы сидят вокруг круглого стола и без конца тупо повторяют тот же припев; только время от времени кто-нибудь прерывает пение, когда поднимает стакан, чтобы чокнуться с остальными и выпить.

Команда с парусника, сегодня только прибывшего. Десять месяцев в плавании—с балластом в западную Америку, а затем обратно в Гамбург с грузом селитры. В карманах у матросов деньги.

— За твое здоровье, Аллан!

— За твое здоровье, Ян!

— Помнишь длинный песчанный берег, всякий хлам, под который мы заползли ночью, старую измятую коробку

из-под консервов, в которой мы варили суп! Фред, Фатти, Тинбокс...

Ян Гойлен с «Лесбоса» встретил старого знакомого, с которым вместе был «on the beach» на западном берегу Америки.

— Проклятое время,—говорит ирландец.

— Да, времечко!—отвечает Гойлен.

Между столиками движутся пары, тяжелые, потные тела. Неуклюжий парень с лицом тюленя обнял танцовщицу, исполнявшую пляску живота; у нее светло-коричневые спина и плечи, на руках и ногах—блестящие браслеты. Матрос в полосатой блузе, француз-южанин, танцует с голландкой, показывающей дрессированных голубей, негр—с девушкой в красном, как мак, платье.

— «Лесбос», левантийский рейс!—кричит громким голосом Гойлен, чтобы товарищ понял его среди шума. Девушка, танцующая в этот момент возле стола, оборачивается к Яну. Она высокая блондинка. У ее партнера огненно-рыжий хохол; он без куртки, с засученными рукавами. Его руки бросаются в глаза: мускулы, как у гориллы.

. . . . и Большие и Малые
Зондские острова в Тихом океане...

С улицы приходят рабочие с верфей с пустыми кофейниками в руках. Они останавливаются у стойки и заказывают водку.

— Проклятая каторжная работа!

— Чертовы смены!

— Я загнал сегодня тысячу восемьсот!

Он со своей партией заклепал тысячу восемьсот заклепок. Работа и сейчас не стоит... На верфях, в плавучих и сухих доках продолжается она без перерыва, днем

и ночью. Суда, пришвартованные к набережным, нагружаются и выгружаются с лихорадочной поспешностью.

— В воздухе что-то носится!

Это говорит рабочий, заклепавший тысячу восемьсот заклепок, высокий, широкоплечий парень с переломленным носом; он берет рюмку водки, его рука, в которую въелись сажа и масло, выглядит как большие черные щипцы.

— Он прав! Читали уже извещение?

Матросы ничего не читали и ни о чем не знают, да им и некогда о чем-нибудь подумать: они заняты исключительно тем, чтобы «просадить» свои деньги. Шестьдесят девять дней они были в пути из западной Америки. Оркестрион играет; тут и черная Лиза, и Фрицы, и все остальные. «Тюлень» знаком с давних времен с исполнительницей пляски живота; когда она на несколько минут подходит к нему,—его лицо сияет.

К Яну Гойлену подсаживается длинноногая блондинка.

— «Лесбос» опять в гавани?—спрашивает она.

— Да, пришвартовались вчера в полдень; стоим у Левантийской пристани.

— А где же остальные? Здесь еще не было никого с «Лесбоса».

— Двое в больнице. А двоих сцапали сегодня утром в агентстве. Их военные делишки не в порядке!

Девушки заинтересованы в прибытии судов не меньше любого судового маклера.

— Меня зовут Лена!

— Работаешь?

— Да, тоже... я продавщица в универсальном магазине, в парфюмерном отделении. Раньше я шила, вместе с сестрами, но мне надоело сидеть дома.

— Вечерний выпуск! — кричит газетчик, — вечерний выпуск! Французский депутат Жорес убит!

Песня о Зондских островах обрывается. Газеты раскупаются. Матрос в полосатой блузе оставляет девушку, сидевшую у него на коленях, встает и начинает говорить, три-четыре фразы, не понятные никому, за исключением его соотечественников. Но руки поднимаются. Снимают шапки.

— Крайний левый!

— Он выступал против войны.

— Жореса убили!

— Хозяин, круговую!

Это крикнул громовым голосом через всю комнату рабочий с переломленным носом. Все поднимаются с полными стаканами в руках — матросы с парусников, шведы и финны с русского парохода, рабочие с верфей, французы и женщины.

— ...здоровье!

— В добрый час!..

И все снова: «Жорес!»

Отодвигаются стулья. Составляют столы. Ян угощает всех, потом один из шведов, потом ирландец: «Skool Swencka» — «Good lusk, Ireland!» — «Держитесь вместе!» Грубые лица расправились; все чувствуют себя, как один человек. Кажется, что огромный крокодил под потолком трактира просыпается от долгого сна. Запыленные модели кораблей на стенах, пироги людоедов-островитян; паруса старинных каравелл надулись, словно для новых приключений.

Хозяин пускает оркестрион, делает знак помощнику убрать со столов пустые стаканы. Настроение хорошее — все угощают друг друга.

— Здесь мне больше всего нравится,—говорит Лена.— Обычно я хожу еще в «Эльдорадо» или в танцовальную залу Вахтмана. Там очень шикарно. Ковры. Гардероб. Но здесь больше жизни! Будь я мужчиной, я бы тоже пустилась в море. Ты все так хорошо объясняешь!

Ян рассказывает: кальяны, лай собак, женщины в чадрах в одном порту; шляпы величиной с колесо, караваны мулов, веселые дома—в другом! Подымающиеся из моря острова с кокосовыми пальмами, свайными постройками и голыми туземцами.

— Но жизнь на судне имеет и обратную сторону. Иногда судно берет палубный груз, керосиновые бочки или что-нибудь в этом роде. Другой раз плавание длится долго. Тогда жрать нечего, кроме солонины и сухого картофеля. Да, я обязательно подыщу себе место на суше, у подъемного крана, может быть, на портовом пароходе. Я брошу плавать!

Снова загораются красные стеклышки оркестриона, снова кружатся пары, топают по полу. За столиками барабанят в такт кулаками. Вращающееся крыло вентилятора кажется в сумерках огромным экзотическим насекомым.

Ян Гойлен остался один.

Лена танцует с другим.

Этот проклятый фокус со светом, дурацкие лампы! Лена, право, недурна. Теперь она стоит у стойки с прежним парнем. Рыжий в чем-то убеждает ее...

— Кочегар уже давно на берегу... Нет больше охоты плавать.

Только бы прекратилась музыка и снова бы загорелся свет в лампах! Что за крепкая грудная клетка у этого парня! Тише, тише! Что произошло?.. Что он, с ума сошел, что ли?..

Ян вскакивает; те, что поблизости, тоже подбегают. Но все происходит так быстро, что они успевают только подхватить падающую девушку; лицо у нее все в крови и в осколках от запущенного в нее пивного стакана.

— Я могу с ней делать, что хочу. Вас это ни чорта не касается!

Словно дьявол вселился в парня. У него не только силы, но и ловкость дикого зверя. Тяжелыми ударами защищается он от напирающих на него моряков. Кажется, что лицо его сейчас разорвется на-двое. Видны только глаза, горящие мрачным огнем. Хозяин ревет что-то в телефон. Летят стулья и пивные стаканы. Весь кабачок встревожен. Как пружина вылетает рыжий кочегар из кольца рук и кулаков, подпрыгивает к потолку, разбивает лампу.

— Вечные истории с бабами!

— Становится жарко!

— Ну же, Хейни!

Топот тяжелых сапог. Все проталкиваются к дверям, на улицу. Но уже слишком поздно. Цепь здоровенных фигур—в котелках, кепках, с дубинками—загораживает дорогу.

— Фараоны!—вскрикивает одна из девушек.

— Фараоны!..

Сыскная полиция!

Переулок тоже оцеплен. Среди котелков поблескивают острия касок. В трактирах гасят свет, закрывают и запирают двери. Раздается резкий свисток. Компания из кабака Лампеля приходит в движение.

— Полиция нравов!

— Им просто нужны бабы!

«Тюлень» взял танцовщицу под свою защиту.

— Кудль, сюда!—кричит ему кто-то.—Захвати и свою барышню. На углу мы попробуем прорваться.

Кудль едва ворочает языком.

— Прорваться!—повторяет он. И прибавляет:—Джимми!—Это звучит как обещание: на меня можешь положиться.

— Хода нет!—кричат агенты.

— Дорогу!—ревет «Тюлень» Кудль.

Вместе с Джимми бросается он на цепь полицейских, за ними вклинивается масса лиц, плеч и рук. Под буйным натиском цепь разрывается. Джимми прорвался, другие следуют за ним. Но Кудль неповоротлив. Кого-то он свалил наземь, двух других отодвинул в сторону. «Фараоны» окружают его и загораживают дорогу. «Каски» держатся крепко, получают подкрепление. Всю партию загнали обратно и окружили.

Длинный полицейский офицер:

— Женщины могут пройти!

— Мужчины вперед!

Полицейский офицер проверяет загнанную добычу. Негра, француза-южанина и двух-трех итальянцев он отпускает. Всех крепких блондинов, похожих на немцев, расставляют рядами друг за другом.

— Марш вперед!

Колонна отправляется.

Они просыпаются в пехотной казарме, в помещении для учебных занятий,—все, задержанные в агентстве, в трактирах и в танцовальных залах. Принудительно собранный на основании § 78 военного устава человеческий материал! В обычное время для нерегулярных проверок, при помощи которых наряду с регулярными весенними и

осенними наборами пополняется состав военного флота, бывает достаточно большой комнаты. Но сейчас время не обычное, и все происходит судорожно и в больших масштабах.

После проверки документов все улеглись на полу и лежали, пока не захлопали двери, не загудел корпус напротив и не затопали тяжелые сапоги. Военная рутина водворяется сразу среди неожиданно захваченной кучи людей.

— Встать!..—Среди них нет никого, кто бы не знал гнетущей силы этих слов со времени службы на судне и вахт. Но здесь—это не рука из собственной среды, не кто-то из палубной вахты, кто трясет за плечо:—Вставай! пора!—Это что-то другое: громко топающие казенные сапоги, чужие, властные голоса!

Они подымаются друг за другом: тело одеревянело от лежания на твердом, жестком полу.

— На этот раз нас зацапали!

— Будь я, по крайней мере, пьян! Трезв как рыба; и сегодня приезжает жена!

— Однажды, это было в Ньюкастле, в Нью Соус Уэльсе! Весь день переходил я из одного кабачка в другой! Напоследок я только фонари и видел. И когда я проснулся на следующее утро с тяжелой головой, я находился уже на борту проклятого парусника! Зашанхаен! Матрос за три с половиной фунта в месяц, это когда на берегу пять платили! Но то, что было вчера вечером и вот здесь сейчас,—это самая худшая продажа в рабство, какую я когда-либо видел!

Фельдфебель подымает последних.

— Приготовиться к медицинскому осмотру!

Моются. Пьют кофе. Раздеваются.

Это было в пять часов утра. Только после девяти начался осмотр. Штабной врач, ассистент, майор, заносящий в списки, писарь, медицинский персонал. В одном конце помещения—кочегары, в другом—матросы. Две кучи голых тел, лица, отупевшие от ожидания.

Измеряют, взвешивают, все заносят в определенные графы.

— Следующий!

От кучи откалывается комок, движется на неуклюжих ногах, как молодой бык. Профессия—матрос с рыболовного судна, был на проверке после четырех рейсов в Исландию.

— Скорей!—торопит фельдфебель.

— Метр семьдесят восемь сантиметров,—докладывает писарь.

— Сто шестьдесят фунтов.

Врач выстукивает легкие, слушает сердце, отмечая синим карандашом на груди его границы.

— Присесть три раза!

Ах, этот увалень с рыболовного судна! Ноги приспособлены для качающихся палубных досок; приседать же он никогда не пробовал.

— Годен!—говорит врач.

— Флот,—записывает майор.

Штабной врач вытирает пот со лба.

— Ну и материал, господин майор! Лучший материал—эти забранные в нерегулярные призывы.

— Дальше, следующий!

— Рост: один, семьдесят две сотых; вес: шестьдесят и пять десятых кило; объем груди: девяносто к девяносто восьми.

— Откуда этот шрам?

— Во время погрузки попал между двумя ящиками.

Врач щупает пах.

— Кашляните, еще раз!

— Повернитесь!

— Подымите ногу!

— Другую!

— Годен!

— Флот,—записывает майор.

На дворе часы бьют одиннадцать.

— В одиннадцать часов четыре минуты жена будет на вокзале.

Это говорит мужчина с серой кожей и длинными волосатыми руками; кочегар, проведший шесть месяцев в плавании в Восточную Азию. У него такое ощущение, словно чей-то кулак сжимает ему желудок. Это ощущение подступает к горлу.

— Банда!—хрипит он.

И еще раз:

— Проклятая банда!

И словно он ничего не говорил. Перед ним стоит мужчина с татуированной спиной, задом и ногами и даже не оборачивается. В помещении тесно и душно: в воздухе стоит запах потных тел, от него все сильней дурманится сознание.

Тяжелая работа, а штабной врач уже не молодой человек. Его мучает невроз сердца. Колени у него дрожат, холодный пот выступил на лбу. Он выстукивает и выслушивает, щупает шею, осведомляется о половых заболеваниях, о болезнях родителей, испытывает остроту зрения и способность различать цвета.

— Повернитесь! Ногу! Другую!

— До сих пор ни одной плоской стопы. Сердце, лег-

кие—первоклассные. Ни грамма лишнего жира!

— Как вас зовут?

Парень слегка неуклюжий, но кости—как у лошади, и мускулы!.. Голова обернута ватой и бинтами; виден только один глаз.

— Что с головой?

— Вчера вечером...

Больше он ничего не говорит, только смотрит свободным глазом на штабного врача,—Кудль Бюлов, который защищал на углу улицы танцовщицу и вместе со своим другом Джимми свалил с полдюжины полицейских.

— Годен! Флот. На «серые корабли».

Господин штабной врач вынужден попросить стакан воды. Он чувствует, как у него под форменным воротничком бьется пульс. Как сквозь туман видит он обнаженные тела, не лица, только тела, крепкие и здоровые. Мускулы, окрепшие и приобретшие монументальность в борьбе с ветром и морем. Матово светятся коричневые крепкие спины, плечи и руки матросов; у кочегаров кожа серая и пергаментная.

— Дальше, следующий!

— Легкие 49. Порок сердца. Годен для гарнизонной службы.

Кучка тает. Осмотренным разрешается одеться. Штабной врач расстегнул верхние пуговицы форменного сюртука; вялая кожа на скулах покраснела.

— Годен!

— Годен!

Двое забракованы, шесть признаны годными для гарнизонной службы, вся остальная масса нерегулярно призванных—во флот Северного моря. Майор подписывает

требование в железнодорожное управление на три вагона.

Ян Гойлен получил несколько ударов кулаком в плечо и в висок. С повышенной лихорадочной остротой видел он потом тонущие во тьме провалы улиц, гаснущие транспаранты, серые и бесцветные флаги, приклеенные порывами ветра к стенам, длинные гирлянды уличных фонарей, мимо которых их вели.

Когда его подняли утром, он смутно помнил, что произошло. Его голова была как карусель. Толстый хозяин, белокурая девушка, рыжий кочегар, лица матросов и полицейских—все шло кругом.

Хоть бы стравило, что ли! В этом все дело! Если бы его вырвало, он бы избавился от этой проклятой тяжести в голове. Но не рвало, и гул не прекращался. Оглушенный стоял он в куче потных людей, опустив голову на грудь, с тупой тяжестью в ногах. Как скотину толкнули его на весы, свесили, измерили, выстукали.

Он стоит в переднем ряду. Напротив, за меловой чертой—множество кочегаров. Ноги, животы. Они не знают, куда деть руки, то подымут их, то снова опустят вдоль бедер. Руки, ноги, лица, серая бесцветная масса.

Гойлен прислушивается.

— Дирк Бутендрифт—один метр восемьдесят три сантиметра!

Врач подзывает майора и заставляет измерить еще раз.

— Невероятно, такой объем груди! Замечательно! Единственный случай в моей практике!

Все одеваются, ждут, пока прибывшие последними принесут с постоялых дворов или с судов свои пожитки. Затем они отправляются на казарменный двор, по четыре человека, ряд за рядом.

— Шагом марш!

По улицам к вокзалу!

Ян и Дирк сидят вместе.

Поезд идет по знойным летним полям. Двери вагонов не заперты, но на станциях вдоль окон ходят часовые. В отделениях поют солдатские и матросские песни. Многие разукрасились жестяными и бумажными цветами, как деревенские парни после набора; инструменты у них импровизированные, из гребенок и папиросной бумаги.

Ах ты, Анна,
Милая Сусанна!

Мимо окон проносятся маленькие станции, пыльные сараи, крытые железом, далекие цветущие поля. У шлагбаума стоят дети, девочка с худыми руками и длинными хорошо развитыми ногами. Дети машут солдатам.

В Бремене в поезд садятся несколько вызванных обратно отпускников. Двое с «Короля Альберта» и один с «Принца-регента Луитпольда» входят в отделение к Яну и Дирку. У того, что с «Принца-регента Луитпольда», на шапке серебряная ленточка.

— Вот мы опять тут, через три часа в «грязном городе»!

«Грязным городом» моряки называют Вильгельмсгафен и всю местность вокруг за сырость почвы.

— Где ты был, Альвин?

— В Берлине,—отвечает кочегар с «Принца-регента»,—первый отпуск за полтора года. На две недели, но уже через пять дней я получил эту бумажонку: немедленно возвращаться!

— С нами совсем то же самое. Хотел бы я знать, что происходит!

— У вас уже опять новый старший офицер на «Принце-регенте»?

Новобранцы притихли и слушают. Три отпускника призыва 1911 года скоро отбудут свой срок.

— Еще три месяца—и все будет кончено!

— Вы тоже в Вильгельмсгафен?

— Да, во второй флотский экипаж.

— Бараны!—замечает один из матросов с «Короля Альберта», гордый, что его срок приходит к концу и что он может причислить себя к «старичкам».

— Чепуха!—говорит кочегар.—Мы на «Принце-регенте» не делаем разницы между новобранцами и старыми матросами. Мы все за одно! Да это и необходимо,—обращается он к Дирку и Яну,—служба на этих махинах и без того достаточно трудна.

Матрос с «Короля Альберта» опять вступает в разговор.

— Вот так глыба!—говорит он, указывая на Дирка Будендрифта.—Плавал?

— Да, на парусниках. В последний раз на пароходе, рейс на Левант!

— Вильгельмсгафен! Вылезай!

— До свиданья, ребята! Меня зовут Альвин Кебис. Когда вас отпустят из экипажа, приходите-ка к нам на «Принца-регента» или вечером в «матросский погребок».

В экипаже много народа. Помещения переполнены. Новобранцев устраивают в подвалах, набитых соломой.

Ночью Ян вскакивает. Тепло. От свежей соломы и испарения тел исходит сладковатый запах, как в коровнике. В полосе света, которую луна бросает в подвал, видит он вспухшие лица, руки как в рукавицах. Кто-то храпит у стены. И Ян не может больше заснуть. Обрыв-

ки мыслей проносятся в голове, как водяные пузыри, подымаются из неизведанных глубин и лопаются на поверхности сознания.

Керосиновые бочки... Военные корабли с густым черным дымом... рука со скрюченными пальцами, словно хочет что-то удержать! Такой была рука его матери, когда он бежал из дому. Он должен был пробраться ночью через ее комнату. Как давно он уже не вспоминал об этом... Сегодняшний кочегар с «Принца-регента», его зовут Альвин Кебис. «Приходи-ка в матросский погребок...» А рука была такая худая!

Наконец Ян Гойлен снова погружается в сон и в беспокойные картины своей фантазии. И так до утра. Пока его не разбудила возня трех тысяч проснувшихся молодых людей, гул в коридорах, умывальнях, уборных и крикливые голоса дежурных унтер-офицеров.

В первый день новобранцев внесли в флотские списки. Все получили один и тот же значок A. G. и одинаковый «1914 год». Затем их обмундировали, всунули в одинаковые рубахи, штаны, сапоги. Обрили. Черепа выглядят, как светлые блестящие шары, один почти как другой.

Господин капитан-лейтенант шагает вдоль шеренги. Он видит длинные и круглые черепа, прижатые и оттопыренные уши, энергичные рты и срезанные скулы, смелые и выдающиеся носы и совсем скромные носы-пуговицы: пугающее разнообразие, слепой произвол природы, не подчиняющейся системе и подлежащей исправлению.

— По порядку номеров рассчитайсь!

— Первый!—начинает Бутендрифт на правом фланге.

— Второй!

— Третий!

Каждый резко поворачивает голову и кричит свой номер соседу в ухо.

— Фельдфебель, новобранцев надо отшлифовать!

И фельдфебель инструктирует обучающий персонал— унтеров, бацманматов и младших унтер-офицеров

— Шлифуйте, шлифуйте вдвойне, ведь вы имеете дело с призванными не в срок. Ненадежные люди, кочующие по морям. Их пришлось вылавливать!

Работа начинается: матросы, построенные по отделениям, маршируют на месте, прыгают через препятствия, маршируют по кругу.

— Колоннами марш!

— Кругом марш!

— Стой!

Ряды останавливаются среди песчаного казарменного двора под палящим солнцем болотистых низменных берегов Северного моря.

— Налево кругом! Направо кругом! Ложись! Подымайсь!

Движения повторяются часами, от тел исходит пар, мускулы дрожат, глаза и рты залеплены пылью и потом, всякая мысль, всякое самостоятельное движение прекращается, не остается ничего, кроме тупого реагирования цирковой лошади на бич.

Затем «словесность» в подвале экипажа.

Разрешается сидеть. Глаза закрываются. В опустошенные, не способные реагировать мозги вдалбливаются статьи, уставы и параграфы, чины, военная дисциплина. Младшие унтер-офицеры и унтер-офицеры без конца монотонно повторяют все те же внушения: «Запрещается, подлежит наказанию, простой арест, строгий арест, крепость, разжалование, тюрьма, расстрел!»

— Унтер-офицер, ведь эта банда заснула!

И унтер, весь покраснев:

— Встать!

— Сесть!

— Встать! Вольно!

Уходят новобранцы не достаточно быстро: в помещении всего одна дверь. Унтер ничего не хочет видеть, кроме ленточек на шапках и каблуков. Оставшиеся последними снова назначаются на учение, снова выходят на казарменный двор. И снова входят в дверь. Пять раз, десять раз. Многие приходят в околоток, кто с ушибами рук, кто с ушибами ног.

Занятие продолжается: различение чинов. Воздвигается золототканная пирамида. У боцманматов на рукавах золотые якоря, у лейтенантов—золотая полоска, у капитан-лейтенантов—две и так далее, до сверкающего золотом пугала, властителя жизни и смерти.

— Его величество кайзер, главнокомандующий и генерал-адмирал морских сил Германии!—отвечает новобранец, тараща глаза.

Употребление местоимения «я» запрещено. Матрос Бюлов, матрос Гойлен, матрос такой-то отвечает, просит, исполняет. Говорит о себе в третьем лице, делается, наконец, безыменным номером человеческого содержимого флота.

— ...триста, господин унтер-офицер! На броненосном крейсере тысяча, на линейном корабле тысяча четыреста человек команды!

На следующий день—то же самое. Ученье, пока поверхность казарменного двора не вымерена и не перерыта их телами, пока не кажется, что красные кирпичные здания, окружающие плац, падают за край земли и начина-

ют вертеться в диком бреде. Затем осмотр сапог, брюк, одежды, «словесность». Так и на третий, четвертый, пятый день. Те же движения, та же пища, ночью—та же вонь.

Шестой день. Короткий послеобеденный перерыв между казарменным двором и «словесностью». Матросы лежат на соломе, пропотевшая одежда липнет к телу. Многие погрузились в глубокое оцепенение без сновидений, другие лежат с открытыми глазами. Двести пятьдесят человек свободны, и под сводами не слышно ни одного слова.

За низкими решетчатыми окнами горит пыльная дорога, теряется среди пустырей. Внезапно в сон и духоту врывается слово, полное тревоги. Его крикнул кто-то, выглянувший в окно. Все вскакивают, бросаются, тяжелые гроздья людей повисли на окнах подвала. Видно не всем, но все ощущают неестественную тишину, все слышат бой барабана.

Три моряка, справа и слева по барабанщику; у того, что посредине, в руках лист бумаги. Они идут по пустой послеполуденной улице. Парадная форма, отрывистые движения, три огромные марионетки на фоне сияющего летнего неба. После каждых пятидесяти шагов они останавливаются, и тот, что в середине—лейтенант,—читает громким голосом:

— «Объявление: Сим повелеваю: германскому войску и имперскому флоту, согласно мобилизационному плану для германского войска и флота, быть готовым к войне. 2 августа 1914 года назначается первым днем мобилизации. Берлин, 1 августа 1914 г. Вильгельм. Император, rex».

Трактир и гостиница «Old Capetown» тоже вывесила флаг, черно-бело-красное полотнище, ниспадающее с

крыши чуть не до тротуара. Все дома в городе украшены. Всюду флаги и гул патриотических песен. Пехота в маршевых колоннах, с розами в петлицах и ружейных дулах, запах пота и кожи в воздухе. Женщины в блузках и летних шляпах бегут около идущих войск и раздают подарки—шоколад, папиросы, спички. На стенах домов расклеены военные сводки; бородатый ветеран войны семидесятого— семьдесят первого года с железным крестом, плакаты красного креста,—сотни поводов собрать фланирующие массы людей в спорящие группы:

— Нет больше партий! Все мы немцы! Наша армия! Флот! Ура!

У двери «Old Capetown» стоят постояльцы, моряки, которые в ближайшие дни тоже будут мобилизованы.

— Льеж взят!—Да, армия! Флот совсем другое дело. У нас слишком мало кораблей. Английский флот, к тому же еще французский и русский! Ничего не значит. Как только они придут—по всей линии будет дым коромыслом!

— Алло! Эй, «Адмирал»!

— Здорово, Туру!

Боцман Клеезаттель с «Лесбоса» и рыжий кочегар из трактира Лампеля трясут друг другу руки.

— Завтра начнется? Может быть, мы опять попадем на ту же «калошу».

По мостовой грохочет артиллерийская часть.

— Бабы совсем одурели!

— Взгляни только на эту бабенку!

— На которую?

— Вон ту, с зонтиком!—Кочегар показывает на женщину, чуть-чуть не попавшую под копыта лошади. Она сует верховым цветы в портупеи, при этом чуть не выворачивает руку. Блузка на ней пропотела. Груди выпирают

и ясно обозначаются над линией корсета. Ее супруг с тросточкой и газетой в правой руке, затянутой в перчатку, бежит за ней, задыхаясь, но непрестанно приветливо скаля зубы.

— Уж с ней бы я повозился!—говорит Туру.

Собственно его зовут Туруславский.

— Пойдем выпьем на прощание по стаканчику!

— Я пойду дальше, у меня еще много дела!

Станислав Туруславский поворачивается и идет раскачивающейся эластичной походкой по оживленным улицам, не отклоняясь ни вправо, ни влево. Клеезаттель смотрит ему вслед:

— Мы были вместе на «Нимфе». Он в котельной, я на палубе. Забияка! В Вильгельмсгафене он однажды совсем один разогнал кино!..

«Old Capetown», «Филадельфия бар», Coneu Island». Из одного трактира в другой.

Не поспеваешь пить,—так много угощают. Угощают все. Даже хозяева не отстают; а поздно вечером, когда маленькие кабачки на пристани уже закрыты, веселье продолжается в С. Паули.

Всюду полно. Вообще мир вдруг переменился. Весь город стал одной семьей. Все знают друг друга. Вот стоят угольщик, бледный подмастерье столяра и толстый коммерсант—«оптовая кожевенная торговля».

— Еще по стаканчику, господа! Куда вы отправляетесь?

— В Арис, в Восточную Пруссию: против русских, против царя!

Карл Клеезаттель с компанией. Один—заведующий мастерской, в новой походной форме с золотым унтер офицерским галуном. С ним его тесть—булочник:

— Мое дело идет, как никогда раньше. Собственно говоря, мне бы надо сейчас быть в булочной. Но так как мой зять завтра уезжает...

Они вылезают из трактира снова на улицу. В воздухе стоит запах густо наполненных подвалов и перенаселенных домов.

В гавани ревет сирена, долгий, слабо доносящийся звук. Судно передвигается тросами на другую стоянку. Нет больше прибытий и отбытий судов. Вчера ушли последние.

Подвесная железная дорога—центр развлечений С. Паули.

Пивные, кофейни. Из темноты верхних этажей свешиваются транспаранты и флаги, почти задевают за головы прохожих.

Клеезаттель, человек в походной форме, его тесть и жена пробираются в большой ресторан. С трудом отыскивают они четыре свободных стула. Музыка играет без перерыва, патриотические песни подпевают все. Посторонние чокаются, трясут друг другу руки. Унтер-офицер точно осведомлен о продвижении немецких войск в Бельгии.

— К Рождеству мы снова будем дома, Лотте!

— Достижения нашей культуры в опасности! Мы должны защитить жен и дома!

Клеезаттель не может подавить мысль, что ему, собственно, надо защищать только мешок, набитый сапогами и промасленной рабочей одеждой. Чорт знает, таков уж он! Город горит одушевлением. А он не может выбраться из узкого круга личных интересов.

— Дело идет о будущем нашего народа! О будущем немецкой мысли!

— Мы должны укрепить свое положение на мировом рынке.

Булочник развязал галстук и ослабил воротник.

Оркестр играет туш.

На сцену выходит человек с брюшком под белым жилетом:

— Экстренный выпуск. Немецкий корабль «Королева Луиза» поставил мины у устья Темзы. Английский крейсер «Амфион» с экипажем в сто тридцать один человек затонул при его преследовании!

Человек с брюшком вытирает пот со лба. По залу проносится буря восторга. Все вскакивают и поздравляют друг друга. Клеезаттель чувствует на щеке мокрые от пива усы булочника. К чорту! Он бы дал как следует этому парню. Но весь город одушевлен или опьянен. А тут еще эта «фрау Лотте»! Она сидит за столом с мучительно напряженным, отсутствующим взглядом.

— «Амфион» затонул! Ладно!—холодно говорит Клеезаттель и освобождается от булочника.

— Да, наши моряки! Вот молодцы!

Ему трясут руки, словно он привел корабль к Темзе.

— Уж наши моряки покажут англичанину!

Клеезаттель думает о дредноутах, которые он несколько недель назад видел у острова Мальты, о разинутых жерлах тридцатичетырехсантиметровых орудий, длинный, почти необозримый ряд. Одна такая граната весит тысячу триста тридцать фунтов.

— Английские дредноуты тоже ведь не картонные,— говорит он.

Пораженные, внезапно ставшие враждебными лица.

— Что он хочет сказать... не картонные? Какие же они? Да и вообще моряк ли он?

Клеезаттель вынужден защищать свое утверждение:

— У англичан втрое больше кораблей, чем у нас. Их орудия большего калибра. У них есть даже тридцативосьмисантиметровые!

— Зато наши корабли из лучшего материала! —успокаивает возбуждение булочник.—И немецкие гранаты бьют дальше. У них большая разрывная сила! Немецкие броненосцы самые лучшие! Немецкий дух!

— Это все так!—говорит Клеезаттель.—Во время обучения на военном корабле «Нимфа» младший унтерофицер говорил то же самое.

Потный оберкельнер, с пенящимися стаканами пива в обеих руках, пробирается между столиками. Духовая музыка, литавры и барабаны. Германский национальный гимн. Все вскакивают. Клеезаттель тоже. Они поют стоя, так громко, что звуки достигают до стеклянных люстр на потолке:

— ...Deutschland, Deutschland über Alles! [1].

Транспорт за транспортом призванных из запаса вливается в приморский город Вильгельмсгафен. Экипажи, помещения для учения, танцовальные залы переполнены. Клеезаттель помещен в казарму второго флотского экипажа.

В первую же ночь в темных коридорах раздаются крики, свистки: воздушная тревога!

Корпуса доверху переполнены призванными. В подвалах лежат новобранцы, проходящие первоначальную военную выучку. Все бросаются во двор. Карл Клеезаттель в одних носках попадает в лужу.

— Вот! Там они! Над тем темным облаком! Нет, левее!

---

[1] Германия, Германия превыше всего...—германский национальный гимн (прим. перев.).

Ничего не видать, кроме тяжелых громад туч, идущих с запада; за ними скрылась луна. Когда Клеезаттель возвращается в помещение, его мешка нет. Он проводит ночь на полу.

Так проходят дни.

Однообразная сторожевая служба, прерываемая истерической охотой на шпионов, налетами аэропланов или стрельбой по прибитой к берегу мине. Иногда по утрам всех собирают в рабочие команды и посылают в порт грузить пароходы углем.

В свободное время новобранцы бродят по кабачкам Вильгельмсгафена или торчат в экипаже. Некоторые пишут письма, играют в карты или судачат о военных событиях. Некоторые пошли добровольцами на корабли, но таких мало. Большинство остается в экипаже и выжидает.

— Пойти добровольцем? Нет, этого я не сделаю! Если меня возьмут—это другое дело! Взят, так взят, тогда, по крайней мере, не в чем себя упрекать, если будет плохо.

На тринадцатый день утром при проверке фельдфебель отсчитывает сорок два человека с правого фланга. Среди них и Клеезаттель.

— Приготовить мешки! Стройся перед канцелярией!

Перед канцелярией уже стоят матросы из других рот; вместе с кочегарами двести восемьдесят человек. Экипаж легкого крейсера.

Офицер держит речь.

— Матросы, кочегары... на вашу долю выпала почетная задача... привести в боевую готовность легкий крейсер «Ариадна»... Его величество кайзер, урра!

— Урра... рра... ра!

Штабной оркестр играет гимн.

— Шагом марш!

Легкий крейсер «Ариадна» шесть лет назад выбыл из строя и покоится среди железного лома императорского флота на корабельном кладбище.

МОКРЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Боевая вахта!

— Все по местам!

Клеезаттель—наблюдатель на марсе в вороньем гнезде. Оттуда ему открывается широкий вид во все стороны. Судно сверху имеет форму удлиненного элипсиса, заостренного спереди. Прислуга у орудий кажется кучкой, придавленной.

«Ариадна» несет сторожевую службу. Четыре дня в гавани, четыре дня в море.

Они миновали третью бригаду линейных кораблей. Это суда новейшей системы с могучими башенными орудиями. Они стоят на якоре, защищаемые спереди мелями, минными заграждениями и сторожевыми миноносцами, выдвинутыми широкой дугой в Северное море. «Ариадна» продвигается вперед со скоростью двадцати узлов в час.

Полоса земли налево—остров Вангероог. Старая колокольня на его западной оконечности,—уже несколько сот лет служила она береговым знаком для всех судов, идущих с моря,—разрушена и превратилась в плоскую кучу. Ее сносят, чтобы она не служила для ориентировки неприятелю. На запад от Вангероога расположены: Шпикероог, Дангероог, затем Бальтрум, а дальше—цепь Восточных Фрисландских островов до Боркума, за ними начинаются голландские владения.

Передовые сторожевые суда—миноносцы и траллеры—крейсируют поперек Северного моря широкой дугой от Боркума и устья Эмса, до Сильта у Голштинских берегов. За ними патрулируют легкие крейсера.

Линия «Боркум—Сильт» представляет собою основание «мокрого треугольника», одну из сторон которого образует Восточно-фрисландское, другую Голштинское побережье. Вершина же его лежит у устья Эльбы у Куксгафена; это мрачная местность, обычно окутанная клубами тумана; вода мелкая, с наносными песками, опасными мелями и короткими резкими волнами. Кажется, что водяные массы больших рек—Эльбы и Везера, вливающиеся здесь в Северное море, сейчас же переходят в пар от соприкосновения с более холодной морской водой. Клубы тумана плоско липнут к воде; ветер сгоняет их в воздушные острова и треплет взад и вперед.

«Ариадна» болтается с востока на запад. Каждые полчаса она берет обратный курс.

Часовые сменяются через каждые два часа; каждые четыре часа—вся вахта. Для свободной смены введена починка. Матросы сидят по десять человек у стола, штопают белье и нашивают на платье лоскутки с именами. Некоторые под прикрытием наваленных узлов отваживаются на партию в скат.

— Гейну сдавать!

Гейн Матизен, бывший в мирное время котельщиком у «Блом и Фос» в Гамбурге, тасует и сдает карты.

— Пики козыри! Валет треф!

— Не ори так!—останавливает кто-то.

— Не беда, сегодня дежурит боцманмат Вейс. Он ничего не скажет!

У соседнего стола сидит Карл Клеезаттель, окруженный гроздью голов. Он разъясняет некоторые тактические вопросы.

— С горстью наших «хлопушек» мы не многое можем сделать, да это и не нужно. Мы, как и другие легкие крейсера, только вытянутые щупальцы. Наше дело только осведомлять. После нас выйдут броненосные крейсера, а за ними линейные корабли.

Как и во время действительной службы, снова Клеезаттеля называют «Адмиралом» за то, что он знает толк в технике морского дела.

— Коли отсидел свои три года в этаком сером ящике, да, кроме того, еще и книгу нюхнул, то в этом нет ничего мудреного,—говорит он.—Инструкцию ты, конечно, в руки не бери, в ней только и говорится, что о том, как держаться перед начальством, как важна присяга да сколько нашивок на вице-адмиральском рукаве и всякий прочий вздор.

— Да, дурацкая инструкция! Лучше бы нам объяснили, что на самом деле делается. Особенно теперь, когда война.

«Адмирал» снисходительно улыбается.

— Держи карман шире! Этому не бывать. А то ты станешь таким же умным, как офицеры, а они этого не желают. Где твое место во время боя? Ты замковый второго бакбортного орудия! Правая рука на рукоятке, левая внизу, полоборота направо при выстреле, полоборота налево при открывании. Вот что ты должен знать. Ну, и еще, пожалуй, как всунуть гранату в отверстие, так как заряжающий может и выбыть!

Боцманмат Вейс, приземистый человек с эластичными движениями, ходит вокруг столов. На минуту он оста-

навливается и прислушивается. Рябое лицо, широкие скулы и где-то в глубине скрытое выражение добродушного малого. «Будьте разумны, ребята!»—говорит он и бредет дальше. Клеезаттель понимает, почему у боцманмата Вейса за почти девятилетнюю службу всего один якорь на рукаве.

Вдруг карты незаметно исчезают.

Матросы склоняются над шитьем.

Дивизионный офицер вошел в дек. Форма непривычно висит на его длинном, тощем теле.

— Из запасных, из Силезии, чиновник!

— Слушай!—Оберлейтенант взобрался на снарядный ящик и стоит на нем, как на подмостках. В руках у него приказ командующего флотом, переданный по радио.

— ...английские разведчики крейсируют только между норвежскими и шотландскими берегами. В остальной части Северного моря пока не обнаружено ни одного англичанина. Английский военный флот окончательно избегает Северного моря и держится вне достижения наших боевых сил. Но он все же должен будет явиться и явится. Тогда мы посчитаемся. К этому событию все наши военные суда должны быть готовы.

Кроме того, чтобы развлечь свою команду, лейтенант принес с собой последний номер иллюстрированного журнала. Он читает из него два стихотворения, одно о «Гебене» и «Блеслау», которые пробились у Мессины, другое об одном лейтенанте, который бросился с обнаженной шашкой в огонь и, сраженный пулей, умер с криком «ура» в честь его величества. Оберлейтенант Альвенс декламирует с мрачным, фанатичным лицом. Прядь волос свисает ему на лоб, глаза широко раскрыты, совсем как у героя-лейтенанта в стихотворении. Команда стоит не-

подвижно, насколько позволяет качка; она смотрит мимо офицера на стальные стены дека или сквозь иллюминаторы на ползущие мимо клубы тумана.

— Вольно! Убрать вещи!

— Что такому лейтенанту и делать-то больше! Он только и умеет, что умирать. Гражданское мужество,—это не по его части.

Матросы отхлынули назад и убирают вещи. Белье, одежда, сапоги,—все сложено рядом в маленьких шкапчиках. Все строго по предписанию, и все прибранные шкапчики похожи друг на друга.

Единственное на корабле, что предоставлено в частное распоряжение команды,—это внутренняя сторона дверцы шкапчика, поверхностью в 40×50 сантиметров. Карл Клеезаттель не знает, что с ней делать, у левого его соседа по шкафу висит на дверце фотографическая группа команды со спасательным кругом посредине, на котором написано название корабля. У правого соседа—фотография женщины с головками мальчика и девочки по бокам и открытки с видами горного местечка. «Жена и ребята. Мальчонка старший»,—пояснил он несколько дней назад Клеезаттелю.

За ужином жестяные кружки с чаем приходится держать в руках и все время балансировать. В открытом море «Ариадну» треплет, как в лихорадке.

— Проклятые кружки, никак не поднесешь к рылу,—так горячи!

— Дают ведь только хлеб да маргарин,—жалуется другой.

— Колбаса в придачу бывает всего два раза в неделю.

— Сала больше не видно!—объявляет Гейн, дежур-

ный по столам, на обязанности которого лежит получать в провизионном отделении порции и приносить их на нос.

После еды закуривают трубки. Холодное помещение становится теплее и уютнее, наполняясь синими клубами дыма.

— Собственно говоря, все, как и в мирное время. Я воображал себе войну иначе!

— Пока мы еще только болтаемся в тумане. Линейные корабли стоят у Эльбы на рейде. Как придет англичанин, так все выйдут. Небось слышал приказ по флоту?

— Брось курить. Тишина!

Столы и скамьи складываются, откидываются и подвешиваются к палубным бимсам. Некоторое время спустя все лежат в гамаках и покачиваются в такт движению судна. Гамаки висят друг над другом в два и три этажа. Ряды ламп гасятся. Сквозь колеблющиеся гамаки поглядывают лишь красные глаза дежурных ламп.

Матросы засыпают не сразу. Они говорят еще тихонько между собой о войне, о возможности столкновения.

— Англичанин не придет, а до тех пор, пока наши войска не захватят Антверпена и Калэ, мы тоже не перейдем в наступление.

— Командующий флотом не очень-то рьян. А вот адмирал первой эскадры двинет дело!

Старший матрос Кюнле, из Швабии, рассказывает соседу по гамаку о своем маленьком Лоло:

— Ему четыре года, а уже голова на плечах. Перед моим отъездом как-то вечером возвращались домой. «Звездочки!—говорит он и поднял ручку.—Звездочки высоко! Лоло не может достать. И папа не может достать!» И как он горд был, малыш этакий.

— Фите, спишь?

Ответа нет.

Где-то еще шепчутся. Затем шопот затихает. Тени вокруг красных лампочек сгущаются. Вентиляционные машины судорожно высасывают из жилой палубы тяжелый спертый воздух. Слышен монотонный шум моторов, а временами удары волн о борт.

В полночь смена вахты.

Вернувшись с разведки, «Ариадна» в Киль не пошла, не поставили ее также и в док. Чистку котлов отложили. Через четыре дня пребывания в гавани она уже снова была в море.

Карл Клеезаттель висит в «вороньем гнезде» высоко под облаками над мостиком и обеими трубами; кругом полумрак, не день, не ночь, и сырой воздух, пронизывающий до костей. Море гладко, но наполнено движущейся мглой и туманными грядами, вздымающимися как башни. Клеезаттель засовывает кулаки в карманы: лицо он может втянуть в воротник только до рта, так как ему непрестанно нужно осматривать горизонт, плывущие, постоянно меняющиеся слои тумана. Он не может видеть дальше, чем на три, на четыре мили. Сердце бьется медленнее в этом сером хаосе.

Вдруг он привскакивает.

Налево спереди туман загудел. Клеезаттель вытягивает голову. Ничего не видно, кроме клубящихся силуэтов могучих туманных гряд. Но вот опять глухой раскат. Еще и еще с промежутками, обычными для тяжелых орудий.

«Ариадна» меняет курс.

Она полным ходом бросается в гремящую мглу. Палуба оживает. Команда бежит к орудиям, занимает теле-

фонные посты и аппараты управления артиллерией. Свободная смена кочегаров исчезает в проходах котельного отделения.

— Приготовить корабль к бою, все по местам!

Комендоры проверяют прицельные приборы своих орудий. Подъемники грохочут, подавая на палубу заряды и снаряды из помещений, находящихся под ватерлинией. Санитары выстраиваются перед лазаретом. Кочегары стоят нагнувшись у топок и сильными движениями засыпают полные лопаты угля в жерла в несколько метров глубиной или шуруют пламя тяжелыми кочергами. Тела их облиты красным пламенем. Пот проводит белые борозды по черной от угольной пыли коже. В машинном отделении все в бешеном движении: блестящий металл, шатуны, клапаны. Между всем этим кули из машинного отделения с комками концов в промасленных руках; давление пара из десяти котлов, превращаемое здесь в движение, вихрем крутит голубоватые стальные валы с винтами на концах; винты резкими ударами рассекают воду.

Старший механик на центральном посту связан переговорными трубками с отдельными пунктами управления машинами. Манометры показывают предельное давление.

— Сто двадцать четыре оборота!—докладывает он на мостик.

На мостике у командира сходятся все нити: артиллерия, машины, управление кораблем, радио. А благодаря радио он со своим кораблем только передовой разведчик тех сильно вооруженных броненосных крейсеров, которые следуют за ним. Нащупать противника и сообщить о его расположении начальнику разведочных сил—вот задача легкого крейсера.

«Ариадна» несется полным ходом уже три часа. На-

блюдатель на марсе получил подкрепление в количестве одного человека. Гейн Матизен стоит плечом к плечу с «адмиралом» в «вороньем гнезде». Оба не отрывают глаз от зрительной трубы.

— Видишь что-нибудь?

— Ничего.

— А дело жарче становится.

— Чорт побери,—говорит Гейн,—я никогда не стоял за войну и военщину, но раз попал на нее, так уж держись. Видел ребят, как они таскали гранаты? И кочегары тоже дошли до предела. Такого хода, как сегодня, у «старой калоши» еще никогда не было.

— Скорей бы уж начиналось,—отвечает Клеезаттель. Матизен пытливо оглядывает горизонт позади.

— А наших крейсеров все еще не видать.

— Это все из-за тумана. Они идут следом за нами. Точь в точь, как на маневрах. Как только мы наткнемся на англичан и дадим знать, так они и явятся.

Становится немного светлее; в гигантской «паровой бане» открывается отверстие, но вокруг все еще подымается сырой туман.

— «Адмирал», ты видишь?

— Да, впереди направо!

— Корабль впереди направо!—рапортует наблюдатель на марсе вниз на мостик.

— Держит курс прямо на нас!

— Три трубы. Это «Кельн»!

— Его обстреливают.

— Спасается бегством!

Сквозь стену тумана прорывается еще одно судно— гигантский серый колосс. На прожекторной вышке «Ариадны» вспыхивает сигнал. Корабль не отвечает.

— Броненосный крейсер!

— Английский!

На мостике узнали силуэт. Часовые на мостике, вестовые, орудийная прислуга—все передают один другому, что слышали. «Ариадна»—сплошной комок нервов. Под вентиляционными люками и подъемными шахтами, в помещениях, лежащих глубоко под ватерлинией, застывшие в ожидании лица.

— Что слышно на палубе?—осведомляются голоса из бункеров, машинных и котельных помещений.

— Что видно там наверху?—кричит из шахты подъемника заднего артиллерийского погреба матрос Кюнле.

— Английский дредноут!

— Четыре башни: 34,3.

— Флагманский корабль «Лайон»!

— А наши корабли?

— Еще не видать.

Появляется второй броненосный крейсер того же класса «Тайгер». Шестнадцать тяжелых башенных орудий, направленных на маленькую «Ариадну».

— Право руля!—приказывает командир.

— Есть право руля!—отвечает рулевой.

— «Ариадна» изменяет курс на обратный, пытается на всех парах скрыться в тумане. Передняя башня «Лайона» стреляет. Из жерл подымается дым.

— Точно курьерский поезд, громыхающий по железному мосту!—констатирует Гейн Матизен. Он давится словами, глаза вылезают на лоб. Клеезаттель узнает корабль. Несколько недель назад у острова Мальты! Как все тогда кишело матросами! А ему все-таки следовало тогда набить морду, этому гамбургскому булочнику...

И что за стройные ноги были у той сестры милосердия в Бремене!..

Полторы секунды.

Два фонтана воды поднимаются из моря на несколько сот метров впереди корабля.

— Пять тысяч пятьсот,—отдается команда артиллерии.

— Пять тысяч пятьсот,—повторяют телефонисты у орудий.

— Огонь!

Наводчик переднего бакбортного орудия, боцманмат Пауль Вейс дергает спусковой механизм. Оглушительный треск.

Тело орудия откатывается назад. Каждое орудие выбрасывает по тридцать два фунта металла. Он, как горох, отскакивает от тяжелой брони крейсеров, не производя никакого действия.

Водоизмещение «Ариадны» две тысячи шестьсот тонн.

Водоизмещение броненосных крейсеров тридцать тысяч тонн.

На «Ариадне» по пять человек орудийной прислуги стоят на палубе без прикрытия. Восемьдесят человек прислуги каждого английского башенного орудия находятся под прикрытием толстых броневых стен.

Следующие снаряды противника падают за судном. Он пристрелялся, нащупал поле попадания. Теперь вокруг обоих крейсеров судорожно дрожит огненное кольцо. Коричневый кордитовый дым от снарядов поднимается стеной.

«Кельн» исчез в тумане.

«Ариадна» повернулась к противнику кормой и представляет собою узкую цель. Гранаты падают около судна. Водяные колонны, вспыхивающие зеленым светом,

поднимаются, как хрустальные соборы, и обрушиваются потом на палубу. Пятьсот, а может быть, и тысяча тонн падают с вышины; какая сила воды! Судно содрогается, трещит по всем швам и вдруг сразу оседает, как перегруженное вьючное животное.

В отделениях различные предметы катятся друг через друга. Стекла и контрольные инструменты разбиваются; проволоки электрических ламп обращаются в пыль. На юте из стекающей воды поднимаются люди с разбитыми в кровь лицами. Длинного лейтенанта Альвенса уносят с переломанными руками.

— Больше оборотов,—требует командир.

— На помощь!—барабанят пальцами по радио.

— Огонь!— командует управляющий стрельбой.

Кочегары спешат, словно их гонит дьявол. Угольные тачки, кочерги, хлопающие заслонки. Пропотевшие насквозь лохмотья прилипли к бедрам. Легкие и грудная клетка работают, как мехи.

— Пару, пару!

На палубе у орудий:

— Гранаты, заряды, закрывай замок!

Все приближающиеся серые призраки в поле зрения дальномера. Выстрел. Удушливые пороховые газы. Глаза болят. Глотки пересохли, словно выжжены.

Едва дым спадает—и без передышки снова.

Каждое орудие—тринадцать кило металла. Каждый залп всем бортом—восемьдесят кило.

«Лайон» и «Тайгер» стреляют с большими промежутками, но с каждым залпом они выбрасывают в воздух шесть тысяч шестьсот кило динамита и стали.

— Алло, палуба!

Кочегар Туруславский стоит под вентиляцией.

— Что наших «махин» не видать?

Верхний матрос, звено в снарядной цепи, складывает свою ношу. Следующего не видно больше. К железной стене прилипло что-то плоское и широкое, как растянутая воловья кожа, и стекает серыми и красными полосами на палубу.

— Чего там эти кочегары пристают?

Матрос просовывает голову в вентиляцию.

— «Махин» не видать?—повторяет Туруславский.

— К чортовой матери!—ревет в темноту матрос сверху. Туруславский забирает свою угольную лопату и опять становится в цепь. Котлы готовы лопнуть. Но сила машины достигла предела.

— Стара калоша проклятая.

— С такой далеко не уйдешь.

Податчики снарядов, наблюдатели, орудийная прислуга, с почерневшими лицами,—все снова смотрят на восток, откуда должны явиться им на подмогу линейные корабли. Снова и снова пригибается все живое, когда приближающийся металл ревет в воздухе.

— Карл!

— Гейн, братец!

Они берут себя в руки и каждый смотрит в мертвенное лицо другого, как в дрожащее зеркало. Потом они вбирают в себя воздух. Мачта еще держится.

— Это давление воздуха, Гейн, против этого ничего не поделаешь.

Таково должно быть землетрясение. Такой же удар по всем внутренностям. Корабль упруго подался, как пружина, но у людей зуб на зуб не попадает, и нервы вибрируют.

Но то, что делается внизу на палубе,—вода, с шумом

вливающаяся внутрь, пламя, взмывшее до «вороньего гнезда» и ослепившее глаза,—все это еще не конец. Клеезаттель снова видит и слышит, может думать и наблюдать.

Граната пробила палубу и разорвалась на баке. Воздух с воем вырывается из пробоины. Угольная пыль. Дым. Пыль оседает черной искрящейся тучей. Высоко поднимающийся дым цвета насыщенной охры. Через входы, лазы, а потом и через пробоину струится поток полунагих черных тел. Кочегары. Они очищают нижнюю часть корабля. Уголь в бункерах горит. Котельное отделение в дыму. Пять котлов выбыло из строя.

«Ариадна» идет теперь с половинной скоростью. У переднего орудия уничтожены аппараты: телефон, дальномер, визирные приспособления сметены.

— Огонь! Залп!

В дыму от своих выстрелов у каждого орудия примостилось по пяти человек и горсточки людей на переднем мостике, на прожекторной и сигнальной вышке.

У подножия мостика и основания труб выбывшие из строя кочегары сбились в тесную кучу. Повсюду цепляющиеся руки и челюсти, сжатые до того, что кости белеют сквозь щеки.

Кормовые орудия не получают больше снарядов. Шахта подъемника провалилась. Задняя камера погружена в темноту. Команда, по пояс в воде, ощупью пробирается к железному трапу между гранатными гнездами и зарядными ящиками.

— Кюнле! Ну же, открывай скорей!

Матрос Кюнле висит под люком, обхватив одной рукой трап, а другой упершись всей силой тела в крышку люка. Он медлит, не говорит ни слова и снова пробует.

— Ну, брат, скорей!

— Честное слово, ничего не выходит!—наконец вырывается у него.

И этажом выше в броневых деках I и II крышка тоже застряла, не подается ни на один миллиметр. Погнута снарядом. Пятнадцать-двадцать человек висят в темноте сплошным комком. Каждый удар молота, раздающийся снаружи, отдается у них в сердце, они прислушиваются к стуку инструментов о крышку люка.

Старший офицер с ремонтной командой старается освободить узников. Несколько кочегаров, среди них Станислав Туруславский с большим кузнечным молотом, приходят в дек. Взвивается пламя. Сапоги, обломки, оторвавшиеся предметы превращаются в свистящие снаряды. Тела крутит, как сухие листья, и швыряет о железную стену. Туруславский и кочегары лежат у люка, как рыбы, выброшенные на песок, и жадно глотают воздух. Ремонтная команда исчезла, а также и раненые, которых на носилках устроили в деке, и санитары, и врач, и старший офицер. Из кучи у стены поднимается длинноногое привидение и, спотыкаясь, бредет по отделению; это лейтенант Альвенс. Голубое пламя, лижущее дек, охватывает его тело. Его руки—безумно пылающие флаги. Туруславский и другие, спасающиеся наверх через обломки, слышат его высокий прерывающийся голос.

Гранаты летят теперь по плоско вытянутой дуге и разворачивают борта судна. Из всех пор и отверстий вырывается пар, и клубятся тяжелые черные облака дыма. Свет гаснет и в заднем котельном отделении. Все выкуривается из помещений, и деки как выметены. Кто еще может держаться на ногах, покидают ют. Раненых тащат с собой. Посредине корабля с командного поста свисают разорванные телефонные кабели и переговорные

трубки, болтаясь как растерзанные железные кишки. Не видно больше ни мостика, ни труб, ни мачт, все окутано густой дымной завесой, которую разбитое судно тянет за собой широкой полосой...

Небо, в продолжение получаса гремевшее и смыкавшееся над судном и командой гигантским металлическим сводом, вдруг перестает содрогаться и успокаивается.

— «Лайон» и «Тайгер» больше не стреляют.

В дыму им ничего не разобрать.

Две шлюпки еще годны, только сверху они ободраны осколками. Шлюпки спускают на воду. Потом на канатах спускают в них раненых. Поврежденные конечности наспех перевязываются. Едва держащуюся ногу отрезают ножом.

Остатки экипажа ютятся впереди на носу.

Глаза воспалены, голоса хрипят.

В броневых деках I II еще кое-кто остался. И в заднем артиллерийском погребе тоже. Камеры уже все затоплены. Боцманмат Вейс с несколькими на корме. Сотня пар глаз впивается в пар и дым, кипящие котлом назади. Заряды и снаряды, лежащие еще у пушек, взрываются. Вся нижняя часть судна превратилась в сплошную раскаленную печь; тонкая броня палубы под ногами все больше накаляется; пребывание на баке делается невыносимым.

Офицерская форма, много золотых нашивок на рукаве—командир. Он держит речь, всего несколько слов.

Почему не явились броненосные крейсеры и линейные корабли? Почему беспомощной «Ариадне» пришлось дать себя расстрелять? На эти вопросы он не отвечает. Заключает же он троекратным «ура» в честь его императорского величества кайзера.

Какая-то тень пробивается сквозь пламенный хаос. Комок людей, поддерживающих друг друга и едва продвигающихся вперед. Павел Вейс и его команда. Они проходят на нос опаленные, выбившись из сил; оставшихся в деке с ними нет.

Командир отдает приказание:

— Надеть пояса! Все за борт!

Чайки кричат. По крутой дуге с Северного моря поднимается ветер. Крепчая, он пронизывает туманные гряды, плещет и растрепывает идущие с устья рек завесы мглы и выпирает их кверху.

Дело клонится к вечеру. Низко стоящее солнце все еще закутано, но море ширится. С крепчающим нордвестом Северное море напирает на «треугольник». Прилив прыгает по плоским отмелям и разбивается на короткие резкие волны.

Камбала опускается глубже и плоско ложится на брюхо за песчаный барьер в защищенных заливчиках и бассейнах. Вместе с прибывающим соленым потоком приплывают сюда треска и широкопастые тюлени; зубастые хищные рыбы стаями проходят по дну. Плоскобрюхие, зарывшись в песок, трепещут.

Норд-вест. Буря.

Гладкое, словно выметенное небо. Пена на гребнях волн. Чайки мечутся резкими зигзагами и кувыркаются в пространстве. Маленькие суденышки направляются в море. Они пыхтят, их окатывает водой. Миноносцы и легкие крейсеры обыскивают серые участки, где неистовствовало сражение.

— И 187 затонул.

— «Кельн» затонул.

— «Майнц» затонул.

— «Ариадна» затонула.

Четыре корабля. Тысяча двести человек. Четыре гигантских масляных пятна колеблются на воде. Широкорасплывающиеся липкие зеркала, сглаживающие под собой силу волн и разбивающие их у краев. По блестящей лиловой поверхности носятся ящики, матрацы, трупы на пробковых поясах. А между ними шевелятся выбившиеся из сил руки, глядят позеленевшие лица.

Миноносцы и крейсеры спускают шлюпки, выуживают оставшихся в живых, потом мертвых. Затем они берут курс на берег и медленно лавируют против ветра и волн.

Пловучий маяк внешнего рейда Вангероог—Шиллигрейд. Возвращающимся судам приходится следовать мимо бригады линейных кораблей, которые стоят на якоре на фоне плоского очертания суши.

Легкий крейсер «Фрауенлоб» проходит мимо с половинной скоростью. Его задняя труба разворочена. Посреди корабля граната перевернула орудие, а сзади, совсем над ватерлинией, зияет большая дыра. У «Штеттина» тоже труба взорвана и изрешетена осколками гранаты. За крейсерами в кильватерной колонне следует полуфлотилия миноносцев.

На линейных кораблях офицеры и матросы выстроены под передними башнями, как на параде.

— Три раза «ура» в честь военного корабля «Фрауенлоб», в честь «Штеттина», «Ростока», «Данцига»!

Команда легких крейсеров с серыми лицами вперила глаза в гигантские дула тяжелых башен, в могучие дредноуты—достойные противники «Лайона» и «Тайгера» и всей боевой эскадры сэра Битти. Они сегодня не вы-

тащили из песка своих якорей, не тронулись с места. Легкие крейсеры отвечают на гремящее приветствие линейных кораблей механически и лишь по команде. Ответное «ура» миноносцев еще слабее.

Судно с пробоиной ниже ватерлинии. Глубоко уткнуло нос в воду и до подножья мостика залито водой. Но оно все же движется вперед собственными силами. Молодой командир стоит неподвижно, как изваяние, на расстрелянном мостике. Его глаза устремлены на адмиральский вымпел на гротмачте флагманского корабля. Команда и люди, подобранные с затонувших судов собрались на корме грязные, промокшие; многотысячное «ура» с линейных кораблей несется над их головами. Ни одна рука не поднимается. Судно в молчании проходит мимо огромных кораблей.

«Сборщики костей» с красным крестом на трубах и бортах замыкают шествие, флаг приспущен. На палубе лежат подобранные трупы, покрытые знаменем. В помещениях же, укутанные в шерстяные одеяла, мечутся раненные, выловленные из моря. Все помещения корабля звенят от криков и стонов обожженных, ошпаренных, разбитых.

И на линейных кораблях все смолкает. Тысячеголовый экипаж стоит темной массой на палубах и смотрит вслед кораблю, который, медленно скользя, исчезает в темноте...

На следующий день, во время учения новобранцев, через двор экипажа проходит небольшой отряд людей— нестройно движущаяся кучка.

— Бюлов, чего глаза выпучил?—орет унтер. Ружье к ноге. Вольно!

Отряд приближается; деревянные башмаки, штаны, рубашки, испачканные кровью. Большинство без шапок, на лентах же других золотыми и серебряными буквами написано «Ариадна».

Бутендрифт узнает одно из грязных лиц—боцмана Клеезаттеля с «Лесбоса». Голова и половина лица его скрыты повязкой. Бутендрифту хотелось бы крикнуть: «Эй, боцман!», но он может только украдкой кивнуть головой. Клеезаттель проходит мимо, не замечая его в рядах.

— Смирно! На плечо! Бегом, марш!

Учение продолжается...

Воздух теплый и влажный. Над городом и окрестностями болотные испарения. Солнце слишком слабо и не может прорвать завесу тумана; матовым круглым диском висит оно над кирпичным корпусом казармы: фрисландская луна.

— Бегом марш!..

Унтер остается на месте. До следующей команды новобранцы успевают настолько удалиться от него, что им удается перекинуться между собою на бегу несколькими словами.

— Давишние-то с «Ариадны» были.

— И вид же у них!

— Выудили. Деревянные туфли-то они, небось, на другом судне получили.

Бутендрифт марширует на правом фланге. Полуобернувшись, он зовет:

— Ян, Карл Клеезаттель тоже был с ними.

— Да, я видел его.

Час спустя, перед обедом, происходит смотр башмаков. В верхнем коридоре казармы, выстроившись, стоят

новобранцы. У каждого в руках пара начищенных до блеска коротких сапог, которые на матросском жаргоне называются 8,8—по корабельной артиллерии мелкого калибра.

Фельдфебель—старый служака—боцманмат проходит по рядам. Он не в духе, несмотря на новую форму, которую он получил только вчера и сегодня в первый раз надел—воротник, галстук, фуражка с козырьком.

— Он смахивает на кучера,—говорит один.

— Точно портье в кино,—говорит другой.

— Потому-то он так и злится,—угадывает Гойлен.

Он останавливается перед матросом Бюловым:

— Разве это башмаки? Это называется вычищено? В окно! Все башмаки в окно! Вниз! Подобрать!

Башмаки выбрасываются через окно на двор. Команда приходит в движение. В коридоре остаются только унтер-офицеры и обучающий новобранцев фельдфебель в новой форме.

Он длинными шагами ходит взад и вперед.

Должен же он на ком-нибудь сорвать злость, чорт побери! Поговорить об этом ведь он ни с кем не может. Вот штуку нашли эти морские изобретатели по части повышений и обмундирования! Форму с галстуком и воротником вместо назначения палубным офицером. Вот тебе и орден и памятная медаль за Китай! Восемнадцать лет службы и плаванья. И в награду эти тряпки! Мундир без оружия. Обязанность козырять. Перед каждым желторотым лейтенантом слезай с тротуара на мостовую, как и раньше. Вот она Тирпицова система—снизу скряжничать, а сверху мотать!

Отряд снова выстроился.

— Сволочи проклятые! Я вас выучу! Так-то вы строитесь? Башмаки в окно! Вниз опять!

Гонка снова начинается. Теперь нет больше содранной кожи и повреждений. Новобранцы притерпелись к системе, даже в гурте научились сохранять известную самостоятельность и проявлять в нужном случае общую медлительность.

— Сильно, видно, насолили нашему-то...

— Он злится на проигранный морской бой.

— «Майнц» ведь тоже затонул.

— С «Кельна», говорят, не подобрали ни одного человека.

Все двести человек приходят в большую столовую с опозданием. Бутендрифт и Гойлен с полными мисками в руках разыскивают друг друга вдоль столов. Люди с «Ариадны» сидят вместе. Матросы уже в свежей одежде. Кочегары, принадлежащие к другому экипажу, еще не сменили своих грязных лохмотьев, в которых их вытащили из воды.

— «Все за борт!» Это не так звучало, как обычно. «Охотники в воду!» Без всяких фокусов мешками в воду бултыхались. Один мне прямо на поясницу угодил.

— Видел ты Сеттеля? Он себе гамак подмышки навертел.

— Нам все-таки еще подвезло. «Данциг» и «Штральзунд» сейчас же подоспели и спустили шлюпки. А вот порасспросите-ка матроса с миноноски...

Он сидит тихо с осунувшимся лицом и темными кругами под глазами перед своей пустой миской.

— Сколько времени тебя, собственно говоря, носило?

— Утром, в самом начале девятого, мы заметили двух истребителей, потом их подоспело еще несколько, а за

ними четырехтрубный крейсер. 187 затонул носом; я уж в воде был.

Гойлен и Бутендрифт проталкиваются через толпу, окружающую столы. Они заметили Клеезаттеля.

— Алло, боцман!

— Дирк! И ты, Ян!

Он пожимает им руки.

— Опять тебя ранили?

— Это меня-то? Ну, только ссадина на лбу, а вот другие...

— И чего это только наши «махины» на якоре простояли, хотелось бы мне знать?—говорит кто-то.—В начале девятого уже было сообщение об англичанине, а до боя дело дошло только около двух.

— Я тоже этого никак понять не могу. Стоят себе на расстоянии двух часов ходу и ни с места. Ведь ни один из английских кораблей не ушел бы из этой дыры живым.

— Вторая бригада стояла у Куксгафена и уже развела пары для полного хода, и первая и третья на Шиллиг-рейде тоже. Но командующий флотом не отдал приказания к выходу. Броненосные крейсеры были в Вильгельмсгафене. Они двинулись только тогда, когда все уже было кончено.

Матрос с миноносца рассказывает тихо, как бы про себя, глаза его отсутствуют.

— У нас был плот—у четверых; мы за него могли только держаться. Каждая волна окатывала нас с головой. А как это жжет глаза и нос! Если бы только те двое за углы держались! А то плот совсем накренился и вдруг перевернулся. Когда мы опять выплыли, нас было только двое: Герман с вентиляционной машины и я. «Герман,— говорю я ему,—крепче держись и ногами и животом, а как волна набежит, закрой рот». Герман только смотрит

на меня, а говорить—ничего не говорит. Потом появилась еще лодка совсем недалеко, всплыла на волну и опять исчезла. Мы плевались и блевали,—так скверно нам было. «Не стоит больше,—говорит Герман.—Коли попадешь на сушу, то слушай: Дуисбург, Линденштрассе, 26». Я его не понял, только поглядел на небо: оно было зеленое и все полосатое. Но я все же запомнил: «Дуисбург, Линденштрассе, 26». А потом долгое время ничего не было. Вдруг я открываю глаза и крепко хватаюсь; плот качнулся, волны стали выше, я остался совсем один. Германа носило в нескольких метрах на пробковом поясе, голову он уткнул в воду, совсем как до него другие. «Линденштрассе, 26». Ведь я же никогда в Дуисбург не попаду...

— Идите-ка лучше в казармы,—напоминает дежурный кухонный фельдфебель. Обед приближается к концу. Столовая постепенно пустеет.

— Крупнокалиберные,—вспоминает один,—броню пробивают, что твой картон. И сразу все подожгли.

— Да, в английских гранатах взрыватели действуют моментально,—поясняет Клеезаттель,—иначе они не разворачивали бы труб, а только пробивали их.

— Ну, теперь, однако, пора. Марш в казарму!

Кухонный фельдфебель тоже участвовал в китайской войне, тоже старый служака в новом мундире.

КУЛИ

В Мюльгейме, Рурской области, Мари Гойлен сидит у себя на кухне, которую ей с детьми предоставили как работающей на оборону на сталепрокатном заводе Тиссена, и пишет письмо Яну.

К ее коленям прижалась маленькая Катрин, которой еще нет одиннадцати. Оба младшие мальчика возятся около печки. Они перевернули ведро с углем и переносят содержимое с одного места на другое. Они играют в «цех». Мать им не мешает. Так, по крайней мере, у нее есть хоть минутка покоя.

— Не шуми, Катрин! Мама пишет письмо Яну. Приедет домой и привезет что-нибудь Катрин.

— И Руди тоже!—кричит один из малышей.

— Мне хочется железную дорогу, настоящую, с рельсами, такую, как у Кристиана.

— Мне барабан и новый шлем.

— Ян на войне. У него нет денег, он этого купить не может.

Теперь все трое повисли на матери. Катрин благоразумна:

— Если у него нет денег, пусть сам приезжает, пусть просто сам приезжает.

Женщина пишет:

«Мой милый Ян!

Уже четыре года мы тебя не видели. Катрин стала уже совсем большой, и Руди и Хэннес тоже часто о тебе спрашивают. Мне последнее время все нездоровится. Колотье в левом боку все хуже. Я работаю теперь у Тиссена на оборону на гранатном заводе. Зарабатываю гораздо больше, чем в ткацком, но все так подорожало... Ты ведь помнишь Матеса Хекенса? Он тоже во флоте и был в отпуску. Может быть, ты тоже сможешь получить отпуск? Хорошо бы теперь, когда я больна. На прошлой неделе я два дня лежала. Много раз тебе кланяется твоя любимая мать. Хекенс тоже тебе кланяются».

Затем она пишет адрес:

«Матросу Яну Гойлен. Флотилия передовой сторожевой службы Северного моря. Сторожевой миноносец «Блауе Балье», Вильгельмсгафен».

Катрин уносит письмо, она заботливо прижимает его к своей маленькой груди. Прямая, как стрела, улица. Все дома похожи друг на друга. На балконах развевается сохнущее белье. В окнах без занавесей слабый свет.

На углу у почтового ящика дует ветер. Из огромных куч шлака струятся тяжелые, сильно пахнущие газы.

Письмо падает в ящик.

Катрин смотрит в огненно-красное небо. На горизонте доменные печи, фабричные корпуса, темные и пригнувшиеся. За ними—поля, город. И снова поля, фабрики, города.

Первая военная зима шагает по стране. Шквалы, град, дожди находят с Северного моря на берег. Промозглая погода, при которой мало что видно.

По узкому фарватеру рейда пробирается тихим ходом флотилия возвращающихся с моря траллеров; их всего восемь, во главе—«Блауе Балье».

На юте несколько матросов стараются уложить канат. Он понадобится, чтобы ошвартоваться у набережной. На матросах шерстяные фуфайки и вязаные шапки. Не важно, если налетит шквал, и серая блестящая пыль осядет на одежде. Ветер скоро снова все высушит. Только руки, которыми матросы тянут по палубе пеньковый канат и передают его следующему, мокры, грязны и окоченели от холода.

Но ведь в брюках существуют карманы, и в крайнем случае можно передавать канат и одной рукой. Сзади на полуюте, расположенном над палубой, стоят два ма-

троса, принимают канат и складывают его большими кругами. Один из них—за его широкую приземистую фигуру его прозвали «Кадушкой»—сует по очереди то одну, то другую руку в карман.

Это видит командир.

Моряк с руками в карманах не имеет военного вида. А у господина капитан-лейтенанта Кесселя, который командует флотилией сторожевой службы, сейчас нет дел поважнее. За управление кораблем ответственен лейтенант, несущий вахту, и, в качестве последней инстанции, подчиненный ему специалист, капитан торгового судна в чине унтер-офицера. Он ведет «Блауе Балье» по фарватеру, минуя песчаные отмели.

Руки в карманах при исполнении служебных обязанностей! И к тому же на головном судне всей флотилии! Господин капитан-лейтенант чувствует себя оскорбленным, прямо-таки оплеванным.

Матрос сзади на полуюте и не подозревает о возбуждаемом им недовольстве.

— Пусти-ка меня, Кудль!—говорит он и сменяет товарища, чтобы дать и ему возможность отогреть руки. Теперь «Кадушка» укладывает канат, а Кудль Бюлов подает его, и тоже одной рукой.

Это уж слишком! Командир на мостике принимается бегать взад и вперед.

Распущенность на всем корабле!

— Господин старший лейтенант, это неслыханно! Позвать вахтенного начальника! Немедленно!

Вахтенный начальник, несущий на борту корабля полицейскую службу, всходит на мостик.

— Есть, господин капитан-лейтенант!

— Задний матрос, тот, у которого рука в кармане...

— Есть, господин капитан-лейтенант!

— Послать ко мне сейчас же, как пришвартуемся. Того, который укладывает канат, тоже.

— Есть, господин капитан-лейтенант!

На сигнальной мачте у входа в гавань подымаются три черных шара: вход в шлюз свободен.

Корабли входят друг за другом. Места хватает одновременно для всех восьми. Рядом в шлюзе номер второй стоит корабль, заполняющий в длину и ширину почти весь бассейн: это дредноут «Блюхер».

Бюлова, «Кадушку» и старшего матроса послали на берег, чтобы принять канат. Они стоят вокруг битенга и ждут распоряжения с корабля:

— Что там происходит на «Блюхере»?

Весь экипаж стоит на палубе, а также и судовой оркестр. Глухо доносится музыка.

«Ich hatt' einen Kameraden»...[1]

Флаг приспущен. Ряд матросов в парадной форме шагом спускается по фалрепу, каждые четверо несут носилки.

— Девять групп,—считает старший матрос Гог.

Девять групп—девять покойников.

Экипаж «Блюхера» стоит смирно, с глазами, устремленными прямо в туман. Люди, посланные на берег для приема концов, также стоят руки по швам, застыв на месте.

Покойников кладут между двумя шлюзами на каменные плиты. Матросам командуют «вольно». Они борются с холодом, ступают с одной ноги на другую и хлопают руками.

---

[1] У меня был товарищ... (Прим. перев.)

— Пока еще шлюз наполнится,—говорит «Кадушка»,— пойдем-ка на «Блюхера». «Старика» нет на палубе.

— Пойдем!—говорит также и старший, Гог.

Все трое подходят к матросу с «Блюхера».

— Огонь есть?

— Вот, возьмите.

Он дает им спички.

— Проклятая погода на море.

— На наше счастье.

— Почему вы одни вошли в шлюз?—спрашивает Гог.— Вы же в одном соединении с «Мольтке» и «Зейдлитцем».

Матрос с дредноута с опаской поглядывает на палубу своего корабля.

— Об этом запрещено говорить. Но это правда. Они покинули нас у английского берега. Мы не так быстроходны, как они.

— «Зейдлитц» и «Мольтке» уже четыре дня как вернулись,—говорит кто-то с другого траллера.—Мы встретили их у Вангероога как раз, когда мы шли в море.

— Не будь такой чортовой погоды и тумана, так здесь лежало бы не девять человек. Тогда бы никто из нас не увидал шлюза и Вильгельмсгафена. Мы обошли Скаген по направлению в Киль. А затем через канал сюда.

— Просто-напросто бросили одних.

— Мы недостаточно быстроходны, да и загромождено еще наше корыто. Шесть башен, а в бою могут участвовать только четыре, остальные две—просто балласт. Для таких поездок к английскому берегу «Блюхер» не годится. Такого мнения весь экипаж.

Вода в шлюзе достигла высоты внутренней гавани. Ворота открываются. Вход свободен.

— Отдать швартовы!

Тросы шлепаются в воду. Матросы возвращаются на борт. «Блюхер» входит в шлюз, военный флаг на корме снова поднят.

Другой шлюз тоже открывается, и траллеры входят в шлюз.

«Блауе Балье» входит в док.

Экипаж на местах, половина спереди на баке, другая сзади на юге, на «Блауе Балье» семьдесят человек, вооружен он тремя 8,8″ скорострельными орудиями. На остальных судах только по двадцать семь человек и по одной пушке, на некоторых только пятидесятидвухмиллиметровые. Песле опыта Гельголандского боя кое-как вооружили рыболовные суда и приспособили их для сторожевой службы. Они не представляют большой материальной ценности, перенести их потерю и заменить их другими легче, чем миноносцы и легкие крейсера. Зато, конечно, когда они наталкиваются на силы противника, они еще беспомощнее и растеряннее, чем старомодные крейсера, извлеченные с «кладбища». Но ведь экипаж в расчет не принимается, только суда.

Темные, словно чернила, воды гавани простираются перед носом «Блауе Балье» и растекаются под его килем. Берега погружены в серые сумерки. В воздухе неясные и неровные контуры стальных остовов строящихся зданий, рабочих бараков, машинных депо и ошвартованных у больверков кораблей. В кузницах вспыхивает пламя, съеживается и замирает. Над территорией гавани и верфей, когда-то с титаническим трудом отвоеванной у болотистой почвы Фрисландии, стоит пар, она вся дрожит от сырости и холода, кажется, она снова стремится стать морем. У пристани для погрузки угля два корабля третьей

эскадры—«Кайзерин» и «Принц-регент Луитпольд». Черным хвостом тянутся команды с палуб на землю—две тысячи человек с лопатами, корзинами, тачками.

Господин капитан-лейтенант подводит свой корабль к молу. Удачный маневр:

— Тихий ход! Право руля! Стоп! Бакборт, стоп!

— Стоп!

— Отдать концы!

— Прекратить топку!

«Блауе Балье» пришвартован к молу, канаты удерживают его спереди и сзади. Не всегда все сходит гладко, бывало и совсем иначе. Об этом говорят помятые борта корабля. Но господин капитан-лейтенант выучился от своего специалиста унтер-офицера, от мобилизованного капитана торгового парохода, с которым он никогда не разговаривает лично, а только через своего старшего лейтенанта. Из-за авторитета.

Личное общение морских офицеров его величества с подчиненными ограничивается командой и приказами, пожалуй, еще выговорами и наказаниями.

«Кадушка» и Кудль Бюлов стоят перед каютой командира. Около них—вахтенный начальник с их книжками. Только в таких случаях матросы видят свои личные книжки, да и то лишь снаружи. Что стоит в них—они не знают. Книжки переходят с ними с корабля на корабль. Каждый командир заносит в книжку свои замечания о поведении и характере ее владельца, нечто в роде «регистрации душ» и руководства для нового начальства. Наказания, присужденные по суду, вписываются красными чернилами, а у кого есть в книге «красное», тот пропащий человек.

— Смирно! Равнение направо!

На правом фланге вахтенный начальник, затем Бюлов, наконец «Кадушка» замирают, дергают голову направо.

Капитан-лейтенант Кессель останавливается перед ними.

У него только-что вымытое, здоровое, свежее лицо. Он ведет правильный образ жизни, всегда достаточно спит и наверху на мостике может сколько ему угодно пользоваться свежим воздухом. В данную минуту лицо его стянулось в гримасу: зубы сжаты, нижняя челюсть слегка выдвинута. Это придает ему энергичный и сердитый вид.

Он делает это также ради авторитета. Других забот у него нет, а актерство декретируется и поддерживается сверху, начиная от верховного главнокомандующего, знаками отличия, серебряными портупеями и формой с золотыми галунами.

— Вы засунули руки в карманы при исполнении служебных обязанностей. На моем корабле, на головном судне «Блауе Балье»!

Оба вытаращили на него глаза.

Кудль Бюлов просто не может соображать так быстро. И «Кадушка» тоже не знает как следует, что произошло. Руки в карманы! Кто не засунет рук в карманы, когда холодно и когда работа это позволяет? Сунуть руки в карман—это элементарнейшее право моряка, даже в военном флоте. А на «Блауе Балье», на этой грязной лоханке... Господин капитан-лейтенант, верно, с ума сошел.

Оба стоят и смотрят на начальника светлоголубыми рыбьими глазами. Ведь объяснить ему они ничего не могут.

— Так вам нечего сказать? Три часа штрафных работ за неподобающее поведение по отношению к начальству. Вахтенный начальник, книжки!

Взяв книжки, командир уходит в свою каюту.

Оба матроса стоят неподвижно, как оцепенелые.

— Три часа—это не за руки,—поучает их вахтенный начальник.—Это за ваше глупое поведение. Когда господин командир вас о чем-нибудь спрашивает, вы должны отвечать: «Есть, господин капитан-лейтенант!» А не стоять, словно вы только что на свет народились.

На баке уже несколько минут назад просвистал сигнал: «Выстроиться для распределения работ».

Матросы проходят группами с беседками, молотками, проволочными щетками, канатами. Начинается время стоянки, о котором всегда мечтают как об отдыхе. С бортов спускают люльки, узкие доски, укрепленные на двух канатах и раскачивающиеся при каждом движении сидящего на них. На трубы подымают беседки. В каждой парит над палубой человек, а на люльке—три, четыре за раз. Они отбивают и счищают ржавчину; почти все сунули одну руку в карман. Собственно говоря, этой рукой они должны были держаться, по старому морскому правилу: «One hand for ship, one hand for me».[1])

Но дело идет и так.

Бюлов и «Кадушка» все еще стоят перед каютой командира. Господин капитан-лейтенант заставляет себя ждать.

Его денщик снял с него длинную шинель и кожаные перчатки. Лейтенант моет руки. Денщик, желающий сохранить свое место, подогрел воду как раз до нужной температуры. Ботинки, береговая форма, шинель уже приготовлены.

Для стоянок у капитана-лейтенанта Кесселя есть квартира на берегу, скромное гнездышко, всего в три комнаты, но теперь война и надо удовлетворяться малым.

---

[1] Одна рука для корабля, другая для меня. (Прим. перев.)

Его старший лейтенант обходится двумя комнатами, а у того товарища с патрульного катера, который иногда в море проходит мимо сторожевых судов и поднимается на «Блауе Балье» выпить стаканчик, всего одна комната, и даже с одной кроватью.

Пока денщик зашнуровывает ему ботинки, командир перелистывает личные книжки. Читать ему некогда. Но и так все ясно. У матроса Бюлова всего одно замечание, у второго штрафной список занимает несколько страниц.

Ах, этот стук, удары молотков! Борты корабля гудят под ударами сотни кулаков. Портовые рабочие тоже на борту с механическими пневматическими молотками и аппаратами для автогенной резки. В носовом помещении делают поперечную переборку. Все распоряжения уже отданы, а наблюдает за всем специалист, унтер-офицер машинного отделения, в мирное время инженер, что-то в этом роде.

— Кончай скорее!—торопит командир денщика.

— Готово, господин капитан-лейтенант!

С книжками в руке капитан-лейтенант Кессель выходит на палубу.

— Смирно! Равнение направо!

— Матрос Бюлов, шесть часов штрафной работы за отсутствие военной выправки при исполнении служебных обязанностей.

«Кадушка» благодаря прежним провинностям получает три дня простого ареста.

— Вольно!

Поворот кругом, и оба исчезают по направлению к баку. Вахтенный начальник снова берет книжки. Через минуту господин капитан-лейтенант покидает судно и отправляется на берег. В двух шагах за ним идет его денщик, нагруженный чемоданом.

В кубрике немногим теплее, чем на остальном корабле. Машины и котлы ремонтируются, и для отопления нет пара. И все-таки несколько человек всегда сидят в кубрике, на некоторое время отлынивая от работы. Они курят трубки и, когда выпускают дым через нос, получают по крайней мере иллюзию и слабое ощущение тепла и уюта.

— Чего надо было от вас «старику»?

— Три да шесть—девять часов штрафной работы.

«Кадушка» снимает синюю куртку, которую он должен был надеть в честь аудиенции у командира.

— Я заработал три дня. Он сказал, что мы держали руки в карманах при укладке канатов...

— И притом на «Блауе Балье»!—добавляет Кудль.

— На «Блауе Балье»...

— «Блауе Балье»—флагманский корабль в флотилии траллеров,—вставляет Ян Гойлен.—Нехватает только оркестра. Тогда мы сможем делать вольные движения под музыку, как на «Толстом Фрице».

Старший матрос Грегор Гог—дежурный унтер-офицер. Это значит, что он унтер-офицер только на дежурстве. В другое время он старший матрос и получает жалованье старшего матроса. По системе Тирпица: бережливость.

— Ступайте наверх. Старший лейтенант уже шумит на палубе и спрашивает, где все,—говорит Гог.

Он на минуту задерживает Яна Гойлена:

— Послушай, Ян! Я только что был в гавани и встретил там матроса с «Принца-регента», кочегара Альвина Кебиса. Он тебе кланяется. Зовет в № 15. Дирк Бутендрифт с «Зейдлитца» тоже будет там. В три часа.

— Посмотрим. Я недавно получил письмо из дому. Может быть добьюсь отпуска.

Матросы покидают кубрик и идут на палубу, снова на

работу. На канатах спускают их в люльках или поднимают в беседках на трубы и мачты.

На новых кораблях все из железа.

А железо требует ухода, ему нужна защита от тумана и морской воды, оно требует постоянной борьбы с ржавчиной. Молотки для отбивания ржавчины, кисти, консервные банки, полные красной охры или краски для палубы,—инструменты, с которыми матросам приходится возиться зимой и летом.

У кочегаров своя работа.

Надо проверить топки, заменить прогоревшие колосники, подновить изоляции в паровых трубах, вычистить котлы. Это работа, да еще какая! Нужно сползти на животе в узкие шахты. Нефть только пачкает, но шлак, зола... А желтая пыль с котлов, отскакивающая от стенок под грохот молота, покрывающая грудь, живот и ноги и въедающаяся во все поры! А жара в этих дырах дьявольская. Корабли не могут ждать, пока выстынут топки и котлы. Работа начинается сейчас же, как только затушен огонь: Выгрести золу! Счистить ржавчину! В котлы! А части, которые надо заменить новыми, неровно застывший чугун,—это тоже кое-что. Возьмешься неудачно, соскользнет рука—и кожа содрана, течет кровь.

— Проклятое дермо!

Без ругани дело не обходится.

Палубные кули на ветру, в тумане чистят мачты... Сравнительно с ними у них не житье, а масленица! Да здравствует плавание! Да, это так. Но эта г...ная война. Во время стоянки в доке—десятичасовой рабочий день. И за пятьдесят пфеннигов. Кули, кули кайзера!

У командира на берегу квартира, постель, да еще кое-кто в постели. И у старшего лейтенанта тоже, и у моло-

денького лейтенанта, который только что со школьной скамьи, тоже.

Согнувшись под дождем осколков накипи, кочегары ударяют молотом по котлам, они дают выход своей злости:

— Офицерские шлюхи! За пятьдесят пфеннигов, небось, не пойдут.—А домой в отпуск не пускают.

— Если первый и второй котел не будут готовы, вы останетесь здесь на сверхурочные. И вечером не пойдете на берег!—кричит машинист в котлы.

Зачем нам на берег итти?
Ведь берег виден издали.

— Есть, господин машинист!

«Ему бы нам задницы лизать!»

Несколько кочегаров поднимаются по железному трапу, стуча деревянными башмаками.

Как серые запыленные мыши, пробравшиеся через кучи золы, с глазами, отвыкшими от света, вылезает на палубу толпа кочегаров. Разгоряченные и потные вышли они на ледяной воздух. Жадно и долго затягиваются.

— Август, дай трубку!

— На, возьми.

— Что нужно Яну от старшего лейтенанта?

— Заткни глотку.

— Матрос Гойлен просит о трехдневном отпуске. Моя мать...

— Оставьте письмо при себе. Всякий может написать то же самое. Вы еще и года не служите, а уже три раза были под арестом. Вольно!

Ян Гойлен опять берется за свой горшочек краски

и уходит. Двое поднимают его высоко на фокмачту. Старший лейтенант по сходням спускается на берег, оглядывается на корабль, осматривает его спереди и сзади и медленно удаляется по направлению к воротам порта.

— Ишь, этот тоже сбежал!

— Пойдем в бордель. Пять марок все удовольствие.

— И Август сегодня вечером сойдет на берег. А если не дадут отпуска, он перелезет через портовую стену. Можешь быть спокоен, чорт тебя побери!

Кочегары не выдерживают долго на свежем воздухе. Они становятся желтыми, как котельная зола, их начинает знобить, они мерзнут до мозга костей.

— Айда обратно вниз, в баню!

— Смотри-ка: «Железный Генрих».

Двое-трое остаются. Они еще не разучились радоваться достижениям техники и любуются гигантскими размерами и работой пловучего крана, идущего мимо. Дежурный машинист, пришедший на палубу за кочегарами, тоже на минуту останавливается.

В клешнях «Железного Генриха»—гордости Вильгельмсгафенской верфи—висит подводная лодка, целый корабль с орудиями, котельными и машинными установками и помещением для экипажа. Как кошка мышь, переносит он лодку через бассейн дока на другой берег и опускает ее на землю.

— Вот это конструкция!

— Это машины.

— Ишь, как далеко достают клешни!

— Он подымает двести пятьдесят тысяч кило.

— Ну, хватит, ступайте-ка вниз, в дыру,—увещевает боцманмат.

Не идет только Август. Он сегодня обозлен, и ему на все наплевать. Он надел свое сальное пальто.

— Мне нужно... господин машинист,—говорит он и семенит по палубе, спускается по фалрепу и направляется в уборную.

Уборные в верфях. Их около полдюжины, они зажаты между складами и мастерскими. Это не ватерклозеты, а бетонированные выгребные ямы с сиденьем на пятьдесят человек. Четыре дощатые стены и крыша. Но, несмотря на свою примитивность, они играют важную роль: на время стоянки в гавани пароходные уборные запираются, чтобы не портить воду в бассейнах. И это еще не все: у этих уборных есть еще одна функция. Здесь встречаются кочегары и палубные кули из разных команд. И здесь они изрыгают то, что должны были проглатывать на своих миноносцах, крейсерах, линейных кораблях и рыболовных катерах.

Уборные в верфях—клубы для экипажа. В них чувствуешь себя еще спокойней, чем вечером в пивных. Здесь критикуется состояние морских сил, работа флота, отсюда исходят лозунги и все новости. Нацарапанные остроты украшают дощатые стены.

Например:

Дали б нашим офицерам,
Что и нам, одну жратву,—
Позабыли б про войну.

Или:

Мы не знаем партий разных—
Только мармелад.

Или:

Не за отчизну бьемся мы
И не за нашу честь,—
Нам надо в ад кромешный лезть,
Чтобы богатым сладко есть.

Надписи не стареют. Появляются все новые. Их читают, и неожиданно они всплывают на кораблях, нацарапанные на передней стене тяжелой орудийной башни или на дверях каюты командира.

Среди этих уборных есть привилегированные, например № 15, в которую попадет далеко не всякий, если у него нет другой рекомендации, кроме измазанной одежды кули.

— Там у входа стоят двое рослых молодцов. Знаешь, такие настоящие матросы. У них на лице и на замазанной рабочей одежде можно прочитать весь их штрафной список. «Занято!» оглушают они всякого, кого не знают.

— Ну, их оставь в покое: все хорошие парни. Правильные ребята.

— Я не вернусь на свое корыто, пока работа не будет окончена,—говорит Август.—Пусть себе доносят на меня, если это доставит им удовольствие. Под арестом, по крайней мере, не надо работать до полусмерти.

— «Фрауенлоб» тоже уже давно в порту.

— Чему удивляешься? Корабль ведь с 1902 года в работе. Стоит побыть дня два в море, как уже все приходит в негодность.

— Такая же калоша, как тот корабль, на котором ты был, Станислав.

— Все то же самое, два сапога—пара,—отвечает Станислав Туруславский.

Тот корабль, так же как и «Ариадна», уже был ни к чему не годен. Его тоже извлекли с корабельного кладбища, когда началась война.

Туруславский—кочегар на траллере «Шпикероог», его даже произвели в старшие кочегары.

— Ты куришь хороший сорт.

— «Салем» номер четвертый —говорит Туруславский.

Три часа.

Ян Гойлен кладет кисть в горшок с краской.

— Алло, палуба! «Кадушка»!

— Алло, Ян!

«Кадушка» отпускает трос, на котором Ян Гойлен был поднят на верх мачты. Ян держится крепко и осторожно скользит вниз на палубу.

— Так, «Кадушка», теперь я отправляюсь не надолго в порт.

Оба идут вперед. «Кадушка» поливает Гойлену руки керосином и смывает насколько можно краску.

— Хотел бы я знать, чего ты тащишься в № 15?

— С тем же основанием я мог бы спросить тебя, чего ты в свободное время не сидишь за столом, а торчишь в боцманской кладовой с Кудлем, Франком и другими.

На каждом корабле то же самое, всюду образуются компании, которые собираются, как только это позволяет служба. Так это на эскадрах, вместе выходящих в море и вместе стоящих на якоре, так это и во всем флоте.

Только последние ячейки менее спаяны, у них меньше возможностей встречаться. И все-таки с кораблей, стоящих в гавани, всегда найдется несколько человек, встречающихся в условных местах.

— Я объясню тебе, «Кадушка», почему собираются все одни и те же. Ты ведь знаешь, у всякого свой вкус: кто любит арбуз, а кто свиной хрящ. Разница во всем. Нас семьдесят человек на «Балье». Потонуть вместе и пойти на корм рыбами—это да. Но жить вместе—это совсем не то. Сколько у нас на борту людей, с которыми

ты сталкиваешься чуть не двадцать раз в день и не сказал с ними еще ни слова.

— Что правда, то правда, Ян!

— Ну, видишь. А ведь многие—славные ребята, просто ты их не замечаешь.

— Да, конечно, это так.

«Кадушка» говорит высоким стилем. И на этот раз это не насмешка, у него настроение приподнятое. Ян выражается как по-писанному.

— Ну, я пошел. Ты знаешь, что сказать, «Кадушка»!

— Ясно. Коли боцман тебя спросит, я скажу: ты только что вышел.

№ 15 полон народа.

Весь день было хождение взад и вперед. Теперь, после обеда, здесь место общего свидания. Многие знают друг друга еще по второму флотскому экипажу и по прежней службе. Другие познакомились во время стоянок.

Ян встречает ряд знакомых. Тут Альвин Кебис с «Принца-регента Луитпольда», Карл Клеезаттель, которого все матросы зовут «Адмиралом». Матрос с «Гельголанда», которого он знает по второму флотскому экипажу, кое-кто с «Блюхера» и много других.

Жижа под сиденьями еще не замерзла, но уже довольно холодно, и вонь уж не так густа и тяжела. Острые испарения аммиака смешиваются с табачным чадом. Чад, дыхание, испарения тел пятидесяти человек распространяются слишком быстро. Матрос с «Блюхера» трясет руку Альвину Кебису.

— Не думал, что придется еще раз увидеть здесь наш «клуб дурней». Мы были вместе у английского берега. Мы вместе с «Зейдлитцем» и «Мольтке» обстреляли Харт-

леполь, пятьсот выстрелов. А затем повернули и давай бог ноги. Когда они начали нас преследовать, «Зейдлиц» и «Мольтке» удрали. И мы одни должны были тащиться вперед со скоростью двадцати двух узлов. Кочегары делали, что могли. Они нагнали пар до двадцати трех с половиной. Ну и ветер же был и волны! Ты бы только видел, как «Блюхер» переваливался через зеленые горы. Все вокруг было как в тумане. На наше счастье, англичанин нас не нашел.

— Ян, дурень, как поживаешь?

— Дирк, ты? Здорово!

Да, «клуб дурней». Нет на свете ничего хуже разума. Это особенно верно в отношении флота его величества. Если ты отведал от сего дерева, то никому не показывай виду. Во флоте его величества глупость награждают орденами и знаками отличия, быстрыми производствами и отпусками. Если же у тебя голова работает, и это заметят, так беда тебе. А на самом деле ты дурак, так как напрасно осложняешь себе жизнь.

Таковы были аргументы, давшие повод посетителям № 15 называть себя «клубом дурней».

— Уж если ты не идиот, так старайся, по крайней мере, казаться им.

— И если с нами обращаются не как с настоящими людьми, то и мы будем обслуживать их не по-настоящему. Это в порядке вещей. Посмотрим, что будет тогда с их кораблями,—говорит Альвин Кебис.

— Конечно. Сколько народу сегодня!

— Скоро надо будет искать другое помещение.

Всюду группы сидящих и стоящих людей. В полусвете не видно от одного конца помещения до другого. Но повсюду гудение голосов, споры о событиях во флоте.

Зажигается свет, две лампы, желтые и нелепые, висят в воздухе. Ян здоровается с «Адмиралом». С боя у Гельголанда у него другое лицо. Огромный шрам черной чертой проходит по лбу и левому глазу. Он все еще во втором флотском экипаже, в пятой роте и по большей части в порту, на какой-нибудь работе.

— И с седьмой полуфлотилией то же самое. Миноносцы 5, 115, 116, 117, 119. Послали старые, никуда не годные суда. И, конечно, без всякого прикрытия сзади.

— Это было в октябре. Как раз мы были в Эмдене, когда они вышли. Им надо было или в Англию, или в Ламанш. Большинство экипажа были добровольцами.

— Только их и видели! Их расстреляли перед Эмсом. Флот стоял на рейде на якоре. Совсем так же, как тогда, когда предали 187, «Кельн», «Майнц» и «Ариадну».

— Предали? Это верно. А кто их предал? Кто? Я ничего не говорю о командующем флотом, но с Англией у него не плохие отношения.

— И жена у него англичанка.

— Тут не совсем чисто. У командующего флотом рыльце в пушку.

— Этих кораблей уже нет, они затонули,—говорит «Адмирал»,—им уже не поможешь. А вот «Блюхер». Спущен в 1908 г. Вмещает пятнадцать тысяч восемьсот тонн. Мощностью в тридцать две тысячи лошадиных сил. Он выглядит внушительно, когда на него смотришь со стороны, то-есть если ничего не понимаешь в кораблях и не знаешь, что орудия на нем так помещены, что одно мешает другому.

— Неудачная конструкция: слишком загроможден и небыстроходен.

— Это отлично знает морское министерство в Берли-

не. Эта пустопорожняя башка,—замечает Кебис.

— Потому-то до войны «Блюхера» только и применяли как учебное или испытательное судно.

— И эту птицу с перебитыми крыльями командующий флотом сунул в один отряд с нашими лучшими крейсерами новейшей конструкции.

Клеезаттель погружается в рассуждения о радиусе действия, количестве поглощаемого угля, установке средних орудийных башен и во всякие другие технические соображения.

Альвин Кебис протискивается к нему. На нем грязная одежда кочегара, лицо черное от угольной пыли, глаза горят темным фанатическим светом.

— «Блюхер» в одном отряде с «Мольтке», «Зейдлитцом», «Фон дер Танном», «Дерфлингером». Что из этого получится,—ясно. Чтобы понять это, нам не нужно «Адмирала» с его теориями. Ведь всякий самый тупой крестьянин поймет, что если запрячь корову с беговыми лошадьми, то корова задохнется.

— Он прав.

— Нас предали!

— Как быть?

— «Блюхер» погиб. Если еще раз повторится то же, что в последнее плавание, то с «Блюхером» кончено.

— А эти бараны сидят у нас на борту, пишут письма в город Любек и собирают под ними подписи. Они пишут: «На корабле так тихо. Городской совет города Любека должен прислать гармоники».

«Боже, покарай Англию и нашего командующего флотом».

Матрос с «Блюхера» дрожащей, оцепенелой от холода рукой пишет эти слова на стене уборной. Вокруг

Кебиса теснее смыкается круг почерневших от угля лиц и грязных фигур. На дворе совсем темно. Проволочки в обеих лампочек почти не накалены, и лампы светят слабо.

Один из матросов, сторожививший у дверей, входит и говорит:

— Не так громко, Альвин!

Альвин Кебис продолжает спокойным голосом:

— Болтовня о командующем флотом, о его жене-англичанке и об измене—вздор. Дело совсем не в том. Линейный корабль стоит денег. Восемьдесят миллионов монет! А вы ведь знаете, ведь вы же читали в газетах, как долго приходится спорить господам из морского министерства с депутатами этой большой берлинской «говорильни», чтобы получить согласие на самый маленький кораблик. Понятно, что им жалко их потерять: ведь тогда адмирал и господа офицеры останутся без работы. Поэтому они и оставляют корабли стоять на рейде.

— Вот на сухопутном фронте—там совсем другое дело.

— Там главное—это люди, и если один полк уничтожен,—на его место посылают другой. Полки не требуют издержек на строительство, они растут сами собой.

— Но флот должен как-то действовать, проявлять себя, а то после войны на него не получить ассигнований. Вот они и очищают корабельные кладбища. Собирают команду и айда с ревом и криками «ура» на геройскую смерть. Таким образом сразу убивают двух зайцев: во-первых, развязываются с этим старым барахлом, и, во-вторых, можно произвести великолепную демонстрацию с развевающимися флагами вниз в преисподнюю. Троекратное «ура» в честь его величества кайзера!

— Дешевле берлинской пустопорожней башке не обойдется никакая пропаганда. На «Блюхере» восемьсот во-

семьдесят восемь человек команды. Восемьсот восемьдесят восемь извещений о смерти близким. Даже марок не требуется: письма, как служебные, идут без оплаты.

— Что же нам делать?

— Этого я вам не могу сказать! Сами должны знать. Ну, я отправляюсь на мое восьмидесятимиллионное корыто. Поспею как раз во-время к обеду. А затем заберусь в свой гамак.

— До завтра!

— До свидания, Эмиль!

— Прощай, Дирк!

— Завтра после трех опять здесь!

— Да, если мы не выйдем на рейд!

Кто идет в одиночку, кто по несколько человек. № 15 медленно пустеет и уже ничем не отличается от остальных уборных. Атмосфера людей, стоявших здесь лицом к лицу, улетучивается; остается только отвратительная гнилостная вонь, поднимающаяся из ямы через пятьдесят открытых дыр.

Группа людей идет мимо угольных гор, железнодорожных вагонов и черных куч всяких обломков. Они проходят мимо «Зейдлитца», «Мольтке», «Дерфлингера», «Фон дер Танна». Затем останавливаются перед своим кораблем. Он тяжело лежит широким брюхом на воде. Могучие трубы башенных орудий подымаются в холодное зимнее небо: военный корабль «Блюхер». Медленно, друг за другом подымаются матросы по фалрепу.

ТРУПЫ

Четыре недели спустя.

Второй флотский экипаж, пятая рота. Коридоры и

комнаты погружены в тьму. Только что призванные новобранцы, в помещениях для старослужащих—годные для гарнизонной службы, выписавшиеся из лазаретов и откомандированные с кораблей; весь экипаж лежит в два-три яруса один над другим на своих койках и спит.

Только в нижнем этаже в дежурной комнате горит свет. Половина караула тоже лежит на койках. Они одеты, при тесаках, шапки сдвинуты на глаза от яркого света.

Вторая половина караула стоит на часах у цехгауза, у патронных ящиков, у ротной канцелярии. Посты эти все неответственные, и матросы стоя дремлют. Каждый выработал свой собственный метод впадать в полубессознательное состояние и, стоя с винтовкой, погружаться почти в стопроцентный сон.

Только часовой перед казармами экипажа не может спать, он должен двигаться, чтобы не замерзнуть.

Лучше всего дежурным матросу и унтер-офицеру. Они сидят у стола в натопленной дежурной комнате. Матроса выловили после гибели наскочившего на мину и затонувшего крейсера «Йорк».

Матрос с крейсера «Йорк» заснул, положив голову на руки. Боцманмат смотрит осоловелыми, слипающимися от сна глазами на лежащую перед ним караульную книгу.

Ветер на дворе налетает на препятствие—на трубу или на конек крыши. Дежурный боцманмат вздрагивает. Караулы строятся в колонны: приказы по роте. Это ночной приказ, подчеркнутый, в виду его важности, красным карандашом: «Поднять всех в 12 ч. Одежда: сапоги и рабочее обмундирование. В 12 ч. 15 м. построиться перед казармой и раздать лопаты, в 12 ч. 45 м. выступать!»

Часы, лежащие возле книги, показывают без десяти двенадцать. Боцманмат трясет матроса с крейсера «Йорк»:

— Будить смену! Потом фельдфебеля!

Дежурный включает свет. В коридорах и помещениях загораются электрические лампочки. Резкий свет ударяет в глаза спящим.

Свисток боцмана резко раздается в коридоре.

— Вставать, надеть сапоги и рабочий костюм.

Подобно тяжелому колесу приводится в движение механизм экипажа. Отодвигаются скамьи. Хлопают двери. Шаги. Новобранцы тоже подняты.

— Построиться перед казармой!

Над сигнальной башней, освещенные луной, контуры проносящихся облаков.

Двор словно затянут сукном. Холодный ветер дует в лицо. Раздают лопаты.

Отделенные пересчитывают людей, докладывают унтер-офицерам, те—фельдфебелю. Рота выстроилась.

— На четыре рассчитайсь!

— Направо кругом марш!

В сапогах, с лопатами на плече, выходят за ворота казармы. Идут по улицам, глыбам земли, полям.

Ветер треплет ряд тополей.

Вырванная из сна рота понемногу подбодряется. Закуриваются трубки. Вокруг пустое и плоское поле.

Каждое дерево кажется привидением.

— Что опять произошло?

Кто-то спросил и не получил ответа. Колонна идет в жутком молчании.

Что только могло случиться?

Собственно, можно бы догадаться.

Но никто не хочет об этом думать.

Флот вышел два дня назад. Он ушел недалеко. Линейные корабли снова стоят на рейде. Но недостает бригады дредноутов «Зейдлитца», «Мольтке», «Дерфлингера» и «Блюхера».

Колонну ведет боцманмат Вейс.

За углом мерцают фонари: якорные лампы, поставленные наземь. Перед ними движущиеся фигуры, отбрасывающие длинные тени; матросы в сапогах и с лопатами в руках.

Они копают яму.

— Рота, стой! Смирно!

Боцманмат докладывает:

— Рота прибыла на смену!

— Рота, за работу!

По пояс стоят матросы в яме и копают. Жирная болотистая почва: каждый удар лопаты требует напряжения сил. Пласты земли насыщены водой и плотно присасываются к лопатам, сопротивляются движению рук, словно земля не хочет развернуться.

Холодный ветер дует в поле.

На лбу работающих выступил пот.

— Проклятое дермо!—ругается один.

Он встречается глазами с соседом и, словно желая проглотить вырвавшееся слово, снова сгибается и хватает руками холодный, тяжелый ком земли.

— Боцманмат, ведь не послали же они в бой броненосцев? Ведь эскадра была в полном составе? «Фон дер Танн» еще в порту!

— Не послали? Почище того... Ну, копай себе! Понадобится яма тебе—выкопают другие!

Говорят немного. Работают упорно, стиснув зубы. Сапоги плотно засели в жирной почве. Сверху в них про-

сачивается почвенная влага. Помогают друг другу вытащить ногу. Никто не ссорится, делятся табаком.

От ямы исходит странная сила.

Рассветает. Желтый, как глина, встает день.

Боцманмат Вейс измеряет яму: два метра глубины и двадцать пять шагов в длину. Большая могила. Место на триста человек.

В тот же день после полудня прибывает бригада дредноутов. Первыми «Мольтке» и «Дерфлингер»; «Зейдлитц», тяжело раненый, тащится позади. Хотя машины и работают во-всю, он идет медленно и тяжело, с осевшей от затопившей его воды кормой.

Его задние орудийные башни «Цезарь» и «Дора» не повернуты вдоль корабля. Одно из длинных орудий целится в небо. Другие повисли над палубой. Башни какие-то странно неподвижные, словно из них внезапно ушла жизнь.

Другие башни в положении покоя.

На рейде стоит флот открытого моря, первая, вторая и третья бригады линейных кораблей. На кораблях не раздается команды «выстроиться по-дивизионно», не слышно громких криков «ура»! Матросы, позванные товарищами из кубрика, стоят серыми комьями на палубе!

Под этим проклятым небом нет утра и вечера, нет света, нет ярких красок. Над мачтами плоско висят облака. Дни льются, как с разъеденного ржавчиной свода, и с тусклой усмешкой смотрят на вечно стоящие на месте корабли.

Наступает ночь: мутные испарения ползут по бронированным толстым брюхам. Команды словно забыты, заживо похоронены в казематах.

— Теперь уж не пускают больше на берег!

— И когда только конец? Мы здесь сгнием заживо!

— Эй, живо на палубу,—«Зейдлитц»!

— А где «Блюхер»?

— Где же «Блюхер»?

— У «Зейдлитца» пробита корма!

— Башни «Цезарь» и «Дора»!

— Башни мертвы!

— Корма осела!

— Работают помпы!

Большие центробежные помпы «Зейдлитца» откачивают воду из корабля. Она вырывается из его недр, словно из-под мельничного колеса, пенится и ложится блестящими зеркалами в кильватере.

— Флаг приспущен! На борту есть покойники. На палубе никого не видно.

Жутки не только почерневшие дула покинутых орудий, смотрящие в небо, или, словно убитые, лежащие на палубе,—вся корма отяжелела и как бы вздулась. Вот из кубрика выходят люди.

Идут на корму, чтобы отдать концы, и стоят все вместе неподвижным изваянием.

«Цезарь» и «Дора» сгорели вместе со ста шестидесятью людьми. Снаряд пробил сзади броневую палубу и попал в башни! Сгорели несколько тысяч килограммов пороху. Голубовато-красное пламя взмыло до вершины мачт.

Оно держалось над кораблем в течение долгих секунд.

Порох не взорвался; он сгорел.

Башенная команда погибла сразу.

А в броневом деке находилась свободная смена кочегаров и резервы. Они еще были живы и ждали приказа,

чтобы принять участие в бою. Приказа не последовало, с мостика передали другой приказ:

— Затопить третье отделение!

Трое,—старший офицер, главный трюмный старшина и его помощник,—пробираются через отделение, наполненное ядовитыми газами. Рукоятки раскалены, но все трое берутся за них, крутят. Пасти водяных клапанов разверзаются. Вода врывается в помещение, и корма со всеми людьми погружается под воду.

Резервы еще были в живых!

Они захлебнулись, как мыши в мышеловке. Трупы с болтающимися конечностями и головами плавают по помещению.

Восемь тысяч тонн воды в один час выкачаны центробежными помпами «Зейдлитца». Машины высасывают воду в помещении, и трупы матросов из резерва оседают на палубе.

Экипаж стоит, как изваяние.

Спереди у канатов тоже стоят люди.

Они смотрят на длинный ряд линейных кораблей, крепко прикованных к якорям тяжелыми железными цепями, охраняемых отмелями, минными заграждениями и крейсирующими в море кораблями сторожевой службы. При виде «махин», прикованных железными цепями, из среды экипажа вырывается крик:

— Бронированные собаки!

Крик этот бежит по казематам, по угольным бункерам, по котельным помещениям, поднимается на мостик, к вахтенным офицерам, достигает до штаба эскадры линейных кораблей, до адмирала!

На флагманском корабле «Фридрих Великий», у самого фальшборта, лицом к лицу стоит тысяча человек.

На мостике старший офицер:

— Прокричим им «ура»!

— Троекратное «ура» в честь наших победоносных крейсеров!

— Ур-ра!

—...р-ра!

—...ра!

Из люков и казематов «Зейдлитца» вырывается серым потоком команда.

Командир делает попытку:

— Троекратное ура в честь «Фридриха Великого»!

Ответные крики экипажа звучат, как недисциплинированный жесткий лай. Поднимаются кулаки, ясно и четко несется крик:

— Бронированные собаки!

— Бронированные собаки!

«Зейдлитц» входит в шлюз и доставляет в гавань груз, взятый в битве при Догербанке. «Блюхеру» уже больше не нужны шлюзы. Его покинули в виду его малой скорости, и он был расстрелян вдребезги в десять раз более сильным противником. Те из восьмисот восьмидесяти восьми человек экипажа, которые оставались в живых, лежали плашмя на палубе. Так затонул «Блюхер». Он еще раз показался над водой и исчез в бездне.

Для покойников «Зейдлитца» и «Дерфлингера» могила вырыта. Та же команда, что выкопала яму, стоит в два ряда на пристани перед пришвартовавшимся броненосным крейсером «Зейдлитц». Пятая рота второго флотского экипажа.

Настала ночь. Фонари—словно светлые островки на темной поверхности пристани. Вода в гавани тускло блестит, как растопленный асфальт. Броненосцы вздымаются темными силуэтами.

— Пятая рота на работу!

Отряд портовых рабочих уже вошел на борт, они в капюшонах, перчатках и с аппаратами для автогенного сверления. Открывают люки в башни с мертвецами и броневые входы в броневой дек.

Триста человек роты и тысяча человек экипажа, оставшиеся в живых, принимаются за работу. Они входят в башни и в броневой дек с длинным электрическим кабелем.

Перед башней «Цезарь» стоит группа рабочих.

Люк, через который проникают внутрь башни, так узок, что пропускает только одного человека. Первый рабочий уже внутри. Ему подают яркий фонарь. И раньше, чем второй рабочий, надевавший тяжелые резиновые перчатки, успел влезть за ним, фонарь снова появляется в люке и падает на палубу. Лампочки с легким треском разлетаются на куски. Затем появляется и сам рабочий. Он не вылезает, а комом валится на палубу. Лицо у него мертвенно-бледно.

— Что случилось?

— Ничего! Ладно уж...

Но на лбу у него выступил пот. Он тяжело дышит.

Обер-лейтенант, командующий вторым экипажем:

— Ах, эти портовые гранды! Не могут даже разгрузить башни. Теперь вот лампу разбил!

— Господин обер-лейтенант!

— Есть, господин капитан!

— Прикажите заведующему хозяйством выдать людям водки! Команде в броневом деке тоже!

— Есть, господин капитан!

Приносят новый фонарь. Другой рабочий лезет в башню. Чего там еще? Он ведь знает, что в башне трупы,

которые надо извлечь. Но когда он подымает фонарь, то в ярком свете двухсот пятидесяти свечей видит перед собою картину столь неожиданную и фантастическую, что стены башни начинают вращаться, и он должен к чему-нибудь прислониться.

Орудийная прислуга стоит совсем так же, как и во время боя: номер первый смотрит в прицельное приспособление, сжимая одной рукой колесо подъемного механизма, которым он поднял дула-близнецы тяжелых орудий, рука на кнопке спускового механизма, номер второй держит руки на дальномере.

И номер второй и другие матросы—все стоят, как живые. Как при упражнении в стрельбе, когда командир башни приказал:

— Стой! Батарея, стой!

И в то же время сейчас все по-иному. Это неподвижность восковых фигур в кунсткамере. Лица их бесцветны, на них нет даже матового фосфорно-голубого оттенка, свойственного мертвецам. Вместо глаз обуглившиеся глубокие впадины.

Рабочий не трогается с места. Он стоит, как пораженный громом, и ждет, пока к нему с палубы не влезет еще один рабочий. Только тогда он вешает фонарь.

Оба чувствуют себя в безмолвной толпе так, словно ворвались в общество, в которое их не звали.

Они подходят к номеру первому.

Ведь эти стоящие у орудий люди, которых надо убрать, это ведь не железо, не обломки корабля, их не утащишь и не выбросишь. Нет, они не таковы! Ах, если бы только они не стояли так, если бы, по крайней мере, они лежали, вытянувшись или скорчившись, как лежат убитые!

Рабочий уставился в серое безглазое лицо. Он еще

колеблется, затем он говорит надтреснутым голосом, бормочет объяснение, извинение:

— Оставь-ка механизм и орудие. Ты выполнил свой долг!—Он с усилием вырывает из себя слова:—Ты свое дело сделал, товарищ, ты выполнил долг до конца! Ладно уж!

Он обращается к своему спутнику:

— Берись с другой стороны!

Они хотят положить номер первый, прежде всего номер первый, затем остальных, и тогда уж подать их через люк на палубу. Но когда они протягивают руки и касаются его,—происходит нечто совершенно неожиданное.

Перед глазами рабочего прыгают искры, как если бы он смотрел на солнце. Он проводит рукой по лбу, словно желая отогнать представившуюся ему картину. Другой рабочий тупо уставился на свои пустые руки, на резиновые перчатки, внезапно покрывшиеся слоем серой пыли.

Рабочие услышали легкий треск—и лишь пыль на руках, на сапогах, брюках.

Мертвец исчез.

Пыль и куски белых костей!

Жара и отсутствие притока воздуха были причиной этого явления. Во время пожара, когда выгорела пороховая камера, башня стала крематорием. Мертвецы превратились в золу. Тело сдерживала только обуглившаяся и прилипшая к коже одежда.

Номер второй при прикосновении тоже издает треск и превращается в пыль. Он поднял прицел на девятнадцать тысяч метров. Это было его последним действием.

Он тоже сделал, что мог!

Все сделали, что могли!

Но с тем же успехом они могли бы остаться и в гавани. Английские корабли открыли огонь на расстоянии двад-

цати одной тысячи метров. Две тысячи метров разницы! Немецкие гранаты падали в воду за две тысячи метров до неприятельских кораблей.

Поединок с неравными силами!

Заднее броневое помещение, в котором находится кают-компания, офицерские помещения и каюта командира и старшего артиллериста, в проходах между которыми находились резервы, погружено во тьму и кажется огромным гротом с запутанными лабиринтами и пещерами. Вода на полу стоит до колен.

Помпы прекратили работу.

Яркий свет фонарей в руках продвигающейся команды то вырывает из тьмы водонепроницаемую переборку, вдавленную и перекосившуюся, то заливает ярким светом вздымающуюся пирамиду всяких обломков или отбрасывает круглые белые островки света на воду, медленно текущую к выходу.

Вода медленно вытекает, по мере того, как подымают кормовую, все еще глубоко сидящую в воде часть корабля и опускают ворота, находящиеся впереди. Видно, как появляются куски дерева, ящики, одежда. Среди них тела утонувших.

Больше сотни рук занято уборкой. Простреленные обрывки железа, поваленные шкапчики, куски одежды, нагроможденные ящики, раскиданные бочки, коробки и банки консервов из разбитой провизионной кладовой, трупы— все тащат вперед и через боковые ворота сносят по сходням на берег.

Словно мокрицы кишат в простреленном брюхе корабля: матросские ленточки с надписью «Зейдлиц», ленточки матросов рабочей команды второго флотского экипажа и кораблей, стоящих на якоре!

Матросы с кораблей, стоящих в гавани, пробираются благодаря темноте и общей сутолоке в помещения броненосного крейсера. Они ступают нерешительно, как посетители морга, бросают взволнованный взгляд на разрушения, на лица покойников.

Морская вода стерла с лиц следы ужаса и судорог. Невероятно чуждо и отвратительно выглядят эти разбухшие головы с выкатившимися глазами, вздувшиеся животы, размякшая, скользкая кожа.

Трупный яд! Никто не заботится об этом. Да и перчаток все равно недостаточно, чтобы снабдить ими всю команду. Матросы пьют водку, пьют беспрерывно. Около старшего лейтенанта стоит боцманмат и безостановочно наполняет стаканы.

Каждый раз, как матрос проходит мимо,—новый стаканчик.

— Берись же! Поворачивайся!

— Ну и тяжелый парень!

— Берись за ноги, лентяй!

Сто шестьдесят трупов! Двести пятьдесят центнеров мяса! К тому же еще железо, разбитые шкапчики, выгоревшие гильзы, продукты из провизионного отделения.

Перед кораблем, около штабеля трупов, все выше поднимается мусорная куча: сталь, дерево, щепы! Части одежды, мешки с намокшим рисом, мука, банки консервов, мясные консервы, сельди, ливерная колбаса!

Около трупов кучка пороху с кусками белых осколков. Под влиянием воздуха и сырости она становится серой и выглядит, как карбит.

Убирают и пьют водку!

— Не подносите грязных рук к лицу! А то придется тут

же заодно и вас прибрать! Все отравлено гранатами! Пикриновая кислота!

У лейтенанта в руке флакон одеколона, он смачивает им лоб и держит платок у рта.

— Ему легко болтать про пикриновую кислоту! Набил себе брюхо деликатесными селедками и сардинками!

— У меня брюхо и без того полно кислоты от нашей проклятой жратвы. Мне так чуточка пикрина вовсе не повредит, будь только в придачу немного жира!

Одна сторона мусорной кучи на свету, она видна с корабля. Другая в тени. В ней копошится кучка матросов. Как черви копаются они в массе и ищут съедобного. Найдя банку консервов, они подходят к фонарю, чтобы разобрать надпись.

— «Норвежские сардинки. Высший сорт». Отлично!

Банка отправляется в карман брюк.

— А вот это? Это что такое?

— Во всяком случае не брюква! Прячь!

— А это что «Sheep tongues»? «Candied California Pears»?

— Ты совсем не образован. Овечьи язычки и засахаренная дребедень. Забирай! Разговаривай по-немецки, а лопай по-английски! Ура!

Бутендрифт тоже в команде, занятой уборкой. Вместе с товарищем таскает он ящики и трупы.

— С меня довольно! Еще один раз, потом отдыхать! Пойдем вместе на берег!

— Если бы только пробраться за ворота! Если на ленточке надпись «Зейдлиц»—часовые пропустят!

— Ладно тогда!

— Ну, еще этого!

Морской кадет, семнадцати лет. Юное лицо вздулось и выглядит, как баллон.

— Ему принадлежала стопка книг, которую мы только что нашли: Мольтке, Эмерсон! Сила внушения!

— Мы с ним как-то были на марсе,—говорит Бутендрифт.—Он мне кое-что порассказал из книг. Горизонт и глаз, и вся жизнь—все это круги. Неглупый парень... и на что он теперь похож!

В минуту, когда они наклоняются, чтобы поднять кадета, на плечо Бутендрифту ложится чья-то рука.

Бутендрифт оборачивается.

— Альвин Кебис!

— Здорово, Дирк!

Кебис жмет ему руку.

— Я только хотел взглянуть. Я не знал, в какой башне твое место, Дирк! Мы стоим на рейде. Отпуска не дают. Я пробрался сюда на сторожевой шлюпке.

— Мое место впереди, в башне «Анна»!

Другой матрос с «Зейдлитца» читает на ленточке Кебиса:

— «Принц-регент Луитпольд»? С «Принца-регента», с этой проклятой «цепной собаки»!

— Ну, этого оставь в покое!—говорит Бутендрифт.

— Мы как раз собираемся смениться, сходить на берег, Альвин!

— Ладно, пойдем вместе! Я видел «Адмирала». Он на погрузке. Его тоже захватим!

— Сперва вынесем этого мальчика! Один из кадетов. Здесь в деке были их шкапчики.

К кораблю подъехали телеги—открытые ящики, запряженные парой. Они взяты морским ведомством для определенного числа поездок из угольного склада. Ящики насколько возможно вычищены и вымыты, но всем известно их прежнее назначение! Матросы нагружают телеги тру-

пами, накладывают их друг на друга до самого края.

Без барабанного боя и без всякой торжественности. Это все будет потом, при погребении.

Здесь же идет работа, которая расценивается по весу. У телеги стоит боцманмат Вейс. Он пьян, но стоит прямо, как свеча. Он должен отмечать число погруженных тел. Невозможно, для этого многих следовало бы сперва собрать из частей. Но он ставит черточку за черточкой, как механически действующий аппарат. Сойдется! — ведь здесь кучка золы, она сравняет разницу в подсчете.

— Боцманмат! — говорит кто-то около него.

Пауль Вейс не поворачивает головы. Глаза его неподвижны. В нем назревает вопрос, клубок диких, цепких мыслей.

— Что же это?

Море и дружный союз людей, скованных вместе до самой смерти стальными кольцами кораблей! Мы принадлежим друг другу до самой смерти!

Разве адмирал де-Рюитер не оставался среди своей эскадры? Разве он не отдавал приказаний и не заботился о благе своих кораблей, находящихся в опасности, уже после того, как снаряд оторвал ему ногу, и он лежал на палубе с раздробленной костью?

Мы принадлежим друг другу, и только смерть может избавить нас от долга стоять друг за друга! Разве эта хорошая старая традиция потеряла свою силу?

Эти лейтенанты и капитан-лейтенанты не де-Рюитеры, не Штертебекеры и Морганы, нет, они совсем другие. Слишком у них много светлых пуговиц, и мыла, и всякой парфюмерии! А ну их к чорту, эти гладко выбритые морды, вместе с их квартирами на берегу и бабами! Но старые седоголовые капитаны и адмиралы, высшее начальство!

В высшее начальство боцманмат Вейс верил.

Тут тоже что-то неладно!

Разве не утонул адмирал Шпее вместе с двумя сыновьями и пятью тысячами экипажа? А капитан Мюллер с «Эмдена»! Разве он не оставался последним и до последней минуты на своем расстрелянном и разбитом корабле?

Если б не этот дух, разве бы он поступил во флот, разве бы боцман Пауль Вейс и его товарищи выдержали девять, двенадцать, пятнадцать лет в этом загоне, в этом тесном деке и казематах? Разве бы они стали молча выносить трудности и лишения службы, пренебрежительное отношение и придирки?

Нет, к чорту! Никто бы не стал!

Что же это такое? «Блюхера» они потопили, оставили его без помощи, предали превосходным силам противника! И зачем они взяли его с собой, если он тихоходен? Ведь чтобы установить это, не нужен был бой! Но уже лучше остаться на «Блюхере», чем быть на «Зейдлитце», вообще на эскадре, отступившей без «Блюхера».

Господин адмирал дал сигнал к отступлению, когда «Блюхер» был разбит и истекал кровью. Ведь люди, господин адмирал, ведь товарищи-матросы были на борту. Они еще стояли за орудиями и посылали залп за залпом из дымящихся развалин.

Вы спасли корабли, господин адмирал!

Но я боюсь, что погибло что-то другое: дух, который ведет к победе корабли и флоты!

Боцманмат Вейс все еще ставит черточки в блокноте.

После каждых четырех черточек он проводит косую линию. Десятки он ставит друг под другом.

— Боцманмат! Господин боцманмат!

Около него стоит «Адмирал».

— Чего тебе, друг?

— Я хочу исчезнуть на некоторое время!

— Только чтобы не зацапали. И выпей стаканчик в память этих молчаливых ребят! Послушай-ка, пока еще не ушел: там, за всем этим мусором, стоит ящик шотландского виски. Принеси-ка мне бутылочку!

«Адмирал» приносит ему бутылку. Затем исчезает вместе с Кебисом и Бутендрифтом в темных пространствах порта.

Территория гавани и порта обнесена высокой кирпичной стеной. Часовые у ворот назначаются с кораблей, стоящих на якоре. Каждые двадцать четыре часа они сменяются. В их обязанность входит, между прочим, проверять увольнительные записки матросов, которые выходят за ворота. Только увольнительные записки матросов! Офицеры в них не нуждаются. Когда офицер проходит через ворота, часовые вытягиваются.

Сегодня часовые у ворот с «Мольтке».

Ни у Бутендрифта, ни у Кебиса, ни у «Адмирала» нет пропусков. Часовой и без того бы понял по грязной одежде, что эти три матроса «увильнули». Проходя все трое подымают руку и показывают записку. Часовой кивает головой. Он все равно пропустил бы их, даже покажи они ему спичечный коробок, или пустую руку. Жест нужен на тот случай, если за ними кто-нибудь наблюдает.

Неподалеку от ворот есть погребок, низкое, но довольно большое помещение. Впереди—стойка, отгороженные ложи и сцена. Здесь бывают только матросы и кочегары. Не только Бутендрифт, «Адмирал» и Кебис при-

шли в рабочей одежде. С «Зейдлитца» тоже несколько человек здесь.

Через открытую дверь они входят в заднюю комнату. Табачный дым! Вокруг большого круглого стола—головы, тяжело опершиеся на руки.

Кто-то говорит: матрос с «Мольтке». Остальные слушают.

— Ведь нам же ничего не говорят. Нам ведь никогда не говорят, что, собственно, происходит! Мы всю ночь шли полным ходом на запад. Тут, конечно, можно было догадываться о многом. Это могла быть такая же демонстрация к английским берегам, как шесть недель назад. Сотенки две гранат в какой-нибудь город, а затем айда, сделали, что могли. На этот раз вышло иначе. Утром, когда рассвело, «Кольберг», идущий впереди, уже дал знать о неприятельских крейсерах и истребителях. Мы тоже разглядели со штирборта дымки, всего пять. Я сижу у одного стола с рулевым, который был как раз на мостике. Он услышал, что командир сказал лоцману: «Это, вероятно, неприятельские истребители, лоцман?»—«Нет, господин капитан, они отбрасывают слишком далеко воду носом!»—отвечал тот. И пока они еще стояли и пеленговали, метров за двести от нас из воды поднялся огромный фонтан. Взрыв тяжелого снаряда! Теперь мы поняли, в чем дело. Линейные крейсеры, пять штук. Густые облака дыма. Они были еще за двадцать один километр.

— Когда это было?

— Утром, на рассвете.

— Это было до девяти!—говорит Бутендрифт.—Точно: в восемь часов сорок пять минут. Я знаю это от радиста. У нас на борту начальник артиллерии послал

в это время радиограмму командующему флотом.

— Восемь часов сорок пять минут? Мы в это время мыли палубу и чистили медные части,—вступает в разговор Кебис.

— А мы стояли на рейде в Вильгельмсгафене и занимались гимнастикой. Вольные движения под музыку.

— Только в одиннадцать часов к нам подошел портовый паром и увез лишний хлам, наши вещевые мешки, стулья и столики из офицерских кают. И вскоре же после десяти в «Блюхера» попал первый снаряд. В десять часов сорок минут ют был весь в пламени! Вскоре после одиннадцати из всех помещений «Блюхера» вырывается дым, а он все еще стреляет!

— Товарищи, ребята, послушайте только...—Это вырвалось у Кебиса:—Эскадра принимает бой с превосходными силами противника! Мы же все стоим на якоре, моем палубу и чистим медные части! «Блюхер» тонет! «Зейдлитц» весь в огне! Мы занимаемся вольными движениями! Как паяцы, под музыку!

Лотхен, Лотхен умерла,
Юля умирает.
Кто теперь,
Кто теперь
Платья их таскает?

— Что же это за командование флотом?

Его прерывает «Адмирал»:

— Ну, насчет этого не волнуйся. Тут и другие примеры есть. А вот что случилось с нашей артиллерией? Нам всегда говорили, что у нас лучшие и самые дальнобойные орудия. Англичанин открыл огонь на двести гектометров.

— Даже на двести десять. Я работаю у дальномера на «Дерфлингере».

— Вот вам! На двести десять, на двадцать один километр. А наши орудия крупного калибра бьют только на сто восемьдесят, в лучшем случае на девятнадцать километров.

— Правильно! Нас обстреливали в течение некоторого времени, а сами мы палили только в воду.

— При этом еще материал хорош. Наша индустрия действительно на высоте. Да тяжелые орудия на лафеты неверно поставлены. Я еще до войны читал об этом. На это еще до войны указывали адмиралтейству. А все происходит потому, что специалисты не имеют голоса в морском ведомстве. Конструкторы и инженеры судостроители допускаются только как подручные работники.

— Всюду то же самое!—говорит другой.—Возьмите хотя бы верфь Вильгельмсгафена. Техническое производство с двадцатью тысячами рабочих. А кто руководит работами? Морской офицер без всякого технического образования!

— А верфи в Киле?

— А верфи в Данциге?

— А «пустопорожняя башка» в Берлине...Ну, это вы ведь сами знаете. Все выпущенные суда отстают от английских.

— Весь наш флот—дермо, годное только для мирных парадов. Если только дойдет до дела, мы погибнем за нашими броневыми стенами, как скот, привезенный на убой.

Постепенно в комнате стало тихо. Из-за дверей доносится стук пивных стаканов и голос шансонетки.

— А как было дело с «Зейдлитцом»? Как это случилось с мертвецами в броневом помещении?

Все глядят на Бутендрифта.

Он упорно смотрит себе на руки, выпачканные от уборки обломков и трупов. Он неразговорчив, но в конце концов начинает:

— Мое место во время боя—в башне «Анна». Сами знаете, что в такой башне сидишь, как в несгораемом шкафу, и не знаешь, что происходит снаружи. Только раз,—затвор только что защелкнулся,—вдруг загудел весь корабль. Нас пронзило до мозга костей: разорвался снаряд. Потом, уже в гавани, я поглядел: снаряд попал сзади в борт корабля и вдавил броневую плиту миллиметра на два. Но затем—второй снаряд, зажегший «Цезаря» и «Дору». Тот попал сверху. Мы уже сразу знали, в чем дело. Словно корабль ударило в зад,—я раз видел мышь, которой мышеловка защелкнула зад: такая крышка с камнем сверху,—корабль на момент опустился кормой вниз. Встряхнулся и снова вынырнул. Мы заметили это по лампам в башне. Но они сейчас же снова ярко загорелись. Затем нас, как обычно, запросили с мостика: «Башня «Анна»! И дежурный у переговорной трубки ответил, как обычно: «Башня «Анна», все в порядке!» И через некоторое время: «Башня «Дора» не отвечает!»... «Башня «Цезарь» не отвечает!» А мы заряжаем и стреляем, заряжаем и стреляем. Пока не была дана команда: «Пожар! Огонь! Батарея, стой!» Когда мы вылезли из башни, свет падал иначе, чем раньше. Мы повернули и шли во-свояси полным ходом. Англичан не видать. А у нас только три корабля. Не хватало «Блюхера». И еще что-то было не так, как обычно. Я сразу не разобрал, в чем дело. Потом я понял: машины... ясный звук турбин в девяносто тысяч лошадиных сил стал хриплым и глухим, хрип и скрипение! Корабль звучал не так, как обычно.

Обе задние башни сгорели, артиллерийские погреба затоплены, отделение третье все под водой. Я узнал это мимоходом. Я вспоминаю вахтенную смену кочегаров, которая шла как раз из котельного помещения по палубе. Ни звука, ни привета, не слышно даже стука деревянной обуви. Вообще все шли как на цыпочках, как если бы весь корабль был сплошной каютой, и в ней спал бы капитан, которого нельзя будить. В кубрике, на баке за столом нас сидело четырнадцать: пятерых не хватало. Двое были в башне «Цезарь», один—в «Доре». О них я сперва совсем не справлялся. Но двое остальных—Павел и гамбуржец! «Где Павел с гамбуржцем?»—«На корме»,—отвечает кто-то. И при этом я вижу его лицо... а затем лица других, и вдруг замечаю, как тихо в деке. Я не смог проглотить куска хлеба, который я только что взял в рот.

— Те, что были в броневом деке, резервы, неужели их предварительно не выпустили?

— Они остались!

Во всю свою жизнь Бутендрифт не произносил столь длинных речей. Он сидит, погруженный в свои мысли. «Адмирал» думает о том, что Пауль Вейс сказал ему на дорогу: «Выпей-ка стаканчик в память этих молчаливых ребят!» И он подымает стакан, медленно и задумчиво проглатывает его содержимое.

Остальные неподвижно сидят на своих местах. Лица у них жесткие, словно выточены из дерева.

Немного спустя Бутендрифт подымает голову и обводит всех взглядом, одного за другим.

И тогда, словно один за другим, они просыпаются к жизни:

— Корабль спасен!

— А люди...

— «Зейдлитц»! «Мольтке»! «Дерфлингер»! «Блюхер»!

— Команда с «Блюхера» и с «Зейдлитца», те, что были в «Цезаре» и в «Доре»!

— Скот на убой!

— И ради чего? Ради парада!

— Ради демонстрации наших сил, не имеющей никакой цены!

— Прилетел бы какой-нибудь проклятый английский летчик и сбросил бы бомбу в флагманский корабль! Как раз в каюту командующего флотом!

— Нечего здесь сидеть и ныть, нечего ждать английского летчика! Что касается меня, так я больше лопаты не подниму, когда два-три корабля снова выйдут в море! Или пускай все идут—или никто!

«Адмирал» вскакивает. Шрам, проходящий вкось через его лоб и левый глаз, покраснел, как рубец от удара хлыстом.

— Корабли наши плохи, машины тихоходны, артиллерия недостаточно дальнобойна! Командование дрянь! И притом эти господа думают, что только они одни все понимают, а что мы ни черта не смыслим!

— Они принимают в расчет только корабли и забывают, что сражаются-то не корабли, а люди!—прерывает его Кебис.—Все, что мы можем сделать,—это всюду кричать правду в лицо, всем—каждому палубному кули, каждому кочегару—рассказывать, что случилось!

— И мы это сделаем!

— Тогда посмотрим!

— Но только правду, ни слова лишнего!—требует Кебис. Он больше не садится, надвигает шапку на лоб.— Мне надо не пропустить нашу шлюпку.

Остальные подзывают кельнера, требуют пива и еще часок проводят вместе.

ПРИБОЙ

Март.

Дни штормов—вал за валом встает на Атлантическом океане или вламывается из полярных областей в Северное море. Вырвавшаяся на свободу стихия набегает на берег. Немецкая бухта—сплошной пенящийся котел. Небо как выметено. Море гигантскими лапами, серыми и косматыми, бьет по плотинам, по дюнам. Низкие пригнувшиеся города Фрисландии стонут под ударами беснующихся масс воздуха, и их четырехугольные, упрямые башни звенят сталью.

Флот открытого моря, словно замурованный, стоит в устьях рек. Вся тяжесть военной службы лежит на подводных лодках и траллерах. Подводные лодки, жестяные коробки с водоизмещением от шестисот до тысячи тонн, с командой в полторы-две дюжины человек и с несколькими минами выходят в бурлящую водную стихию против коммерческих судов. Пятьдесят процентов из них не возвращается. Траллеры занимают передовые позиции или сопровождают подводные лодки на некоторое расстояние в Северное море.

Флотилии в восемь траллеров проходят через шлюзы, идут в кильватерной колонне на свои позиции и затем веером продвигаются в серые волнующиеся пространства и теряются под далеким небом.

Четыре дня в море!

Четыре дня в гавани!

В шлюзы часто входит только семь или шесть, а иногда

и меньше судов. Остальные остались в море. Но ведь это всего лишь рыболовные пароходы стоимостью в сто двадцать тысяч марок. Команды—двадцать семь человек.

А иногда броненосные крейсеры разводят пары, продвигаются в пустое пространство. Опасные выезды на «парад», бессмысленные в военном отношении и не имеющие определенной цели.

Но армия, величайшая армия, шествующая от победы к победе! Должен же и флот что-нибудь делать!

Уличные мальчишки в Вильгельмсгафене поют:

О родина, спокойно спи,
Наш флот храпит себе в тиши!

В адмиральской каюте флагманского корабля сидит вновь назначенный командующий флотом, адмирал фон-Поль, и пишет письмо жене.

«На борту военного корабля «Фридрих Великий».

Сердечное спасибо за слова утешения. А я все же горжусь переводом сюда, но стою я как перед каменной стеной. Я должен ждать удобного случая, но когда и где он представится? Еще в должности начальника морского генерального штаба меня угнетало сознание, что мы работаем с недостаточными силами. Здесь же я стою непосредственно над обрывом».

Этот адмирал уже давно не всходил на корабль. Он был начальником морского генерального штаба в Берлине. Только будучи особым любимцем кайзера, смог адмирал фон-Поль продвинуться на ответственнейший пост во флоте открытого моря.

«На борту военного корабля «Фридрих Великий».

Я так жажду удачи, все мои помыслы и стремления направлены к этому. Сегодня для учения я был у Гель-

голанда с второй и третьей эскадрой. Первая эскадра осталась еще в Балтийском море для минной стрельбы. Стоять на палубе на свежем воздухе в этот прекрасный зимний день было наслаждением».

Стоять на палубе было наслаждением, господин адмирал! Но занятия в казематах и орудийных башнях ваших кораблей не были наслаждением: уж слишком долго это длится.

Пятнадцать лет, двенадцать лет, многие из не прошедших специальной муштровки солдат учат одно и то же уже пятый год: правая рука на рукоятке, левая внизу. Открыть затвор! Закрыть затвор! Залп! Огонь! Учебная стрельба—в разгар войны! И всегда одно и то же. Каждый может во сне повторить заученные движения.

Но новый командующий флотом должен привыкнуть. Новый командующий эскадрой должен привыкнуть к своим кораблям. Новый командир должен привыкнуть к своей команде. Старший офицер, старший артиллерист, начальник дивизиона, начальник башен, откомандированный на борт лейтенант должны привыкнуть. Они ведь стремятся все выше по лестнице военной карьеры, повышаются в чинах и перемещаются соответственно новому чину. Только кули остаются все на тех-же местах. Рука на рукоятке, на штурвале, на угольной лопате. Все то же самое.

Под началом старшего артиллериста—артиллерийская служба.

Под началом старшего офицера—уборка корабля.

Под началом палубного офицера—вольные движения под музыку.

К тому же маневрирование вместе с эскадрой; погрузка угля, смотр, проверка одежды, отпуска на берег. Даже

отпуска на берег, посещение церкви, свободное время— служба. Не осталось ничего личного.

«Я так жажду удачи»... «У меня чешутся руки, но я принужден ждать, ждать, ждать»... «Я мог бы завидовать Гинденбургу, что на его долю выпало столько успехов»,— пишет его превосходительство фон-Поль.

А в деках для экипажа его кораблей, стоящих на рейде в устьях Эльбы, на Везере, Эмсе и вокруг Гельголанда, ютятся сотни тысяч людей! Бездеятельные в смысле той цели, ради которой их согнали. Но постоянно в движении: уборка палубы, артиллерийская служба, упражнения с винтовкой, вольные движения. Матросы живут в тесных корабельных деках, скученные как в древности рабы.

«Хуже всего это чувство, которое стесняет мне грудь. Во мне живет ужасная жажда успеха. Только бы не заключили преждевременного мира, как бы я ни желал его. Раньше я с флотом должен добраться до дела. Я не могу выйти из войны, не сказав своего слова»,—пишет адмирал.

«И когда только кончится эта ...ная война?»—гудят корабельные деки.

И непрестанно набегают серые волны на бетонные массы Гельголанда, на молы и шлюзы Вильгельмсгафена, Гестэмюнде, на брусья «Старой любви» Куксгафена.

Прибой.

Брусяной настил «Старой любви» словно решето, сквозь которое водная стихия пробивается снизу и, пенясь, взлетает вверх, вышиной в человеческий рост. Над морем носится ветер со скоростью шестидесяти метров в секунду и метет берега.

Стихия настроена на бой.

На бой настроены и люди, загнанные в корабельные деки. Но фронт переместился. Это уже не Англия, отделенная четырьмястами морских миль серой воды.

Теперь на одной стороне: золотые нашивки на рукавах, офицерские фуражки с тканчыми дубовыми листьями. Как грибы после теплого дождя, выросло поколение высших офицерских чинов и адмиралов. Все больше процветает дух жалких интриг, мелочной корысти, часто соединенный еще с бездарностью. Деятельность командующего флотом ограничивается писанием писем, записями в дневнике и составлением докладов для кайзера.

На другой стороне: погрузка угля, обслуживание машин, боевые учебные занятия. Работа чернорабочих и притом еще учение и соблюдение военной дисциплины. Чернорабочий и солдат на параде!

Уже на «махинах» это является причиной длительных конфликтов. На траллерах и судах, несущих сторожевую службу, это вырастает до кровавых гротесков.

В Куксгафене у пристани для погрузки угля стоит сторожевая флотилия Северного моря—семь траллеров с флагманским кораблем «Блауе Балье»—и грузит уголь. Матросы с лопатами и тачками вгрызаются в горы угля и по узким доскам везут груз на корабли.

Но работа идет медленно и вяло.

Нет спортивного духа, нет стремления к рекордам, как это обычно бывало на кораблях при погрузке угля. Только иногда, если за спиной стоит офицер, группы матросов хватают тачки и назло, словно чтобы показать, что и они, когда хотят, могут работать, мчатся с тяжелым грузом по пристани. Но внезапно они останавливаются, как шквал, налетевший с моря и вдруг разразившийся громом и молнией.

Что случилось, чорт возьми?

— Ну же, ребята, вперед!

И из рядов команды вырываются возражения, крики, обрывки слов. Нельзя проверить, кто их произнес. Но они доходят до слуха начальства. А это и требуется.

— Служба паяцов!

— Упражнения с винтовкой!

— Воскресные проверки!

— Мы требуем больше свободного времени!

— Требуем отпусков на берег!

При погрузке угля раньше говорилось:

— Нам подвело брюхо!

— Мы требуем колбасы, какао, пива!

— Надо же когда нибудь и сигару выкурить.

Теперь все эти прибавки к обычному столу выдают сейчас же при начале работы.

Командование отдельных кораблей, почитающее за честь для себя первым закончить погрузку угля, вынуждено согласиться на выдачу прибавок. Ведь потом оно сможет сократить порции и таким образом восстановить выдачи. Но эти новые лозунги при работе—это протест, посягательство на власть начальства.

Перед «Блауе Балье» у пустых тачек стоит без дела группа матросов, опершись на лопаты.

— А что произошло четырнадцать дней назад на «Принце-регенте»?—спрашивает Гойлен и сейчас же сам отвечает:—Корабль стоял здесь на рейде и грузил уголь с поромов. Работа шла недостаточно быстро. Вы ведь знаете, как обычно: «Эй вы, лентяи, болваны! Вставать! Скорей! Живо, живо!» Начальство ни на минуту их не оставляло в покое. Стрелы работали во-всю. Стальные тросы и крюки с грузом угля неслись по воздуху. Вдруг один

из матросов застрял ногой в петле. Крюк поднялся и потянул его вверх. Вы бы только видели этого кули! Его голову—как ее ударило о пором, а затем размозжило о борт броненосца!

— Пусть сами грузят свой уголь!

— Вообще, какая нам польза от войны? Пятьдесят пфеннигов в день и переломанные кости!

— Ради того, чтобы «господа» повышались в чинах, получали большие оклады.

Корабельный оркестр «Блауе Балье», образование которого Гойлен предсказывал уже давно, состоит из двух труб и барабана. Он затягивает ходовую песню:

Прекрасней всех в стране—солдат,
Он гордость государству...

А кули поют:

Ах, сладкий, мягкий мармелад—
Основа государства...

Обер-лейтенант—старший офицер с «Блауе Балье» и адъютант командующего флотом—появляется среди групп матросов:

— Старший, куда девались люди? Почему, чорт вас возьми, вы не представляете никого к рапорту?

Старший матрос Гог—дежурный унтер-офицер.

— Ну же, принимайтесь! Ведь в этом же нет никакого толка!

— Отпуск на берег! Отпуск на берег!—несется из групп. Уже два рейса назад командир в виде наказания наложил на всю флотилию запрет на отпуск.

Повсюду, где появляется лейтенант, матросы склоняются над работой. Подымают совки, но снова роняют большую часть угля наземь.

Те, которые все же накладывают свои тачки доверху

и в конце концов везут их на корабль, через несколько шагов снова останавливаются.

Обер-лейтенант пробует воздействовать добрым словом:

— Ну, Бюлов, вы такой крепкий парень!

— Да, но вместо костей у меня морковное повидло, господин обер-лейтенант.

— Смотрите-ка, как я перемахну через доски!—хвастается Гойлен. Он хватает тачку с самым деловым видом на свете.—Что сказал Кебис? Покажите этой проклятой сволочи, что у вас есть зубы. А что прибавил Клеезаттель? Но делайте это с умом.

Надув от напряжения щеки, достиг Гойлен середины доски, ведущей на корабль. Вдруг—остановка. Он споткнулся на кусок угля. Тачка соскользнула и упала в воду.

— Вот скотина! За это вы будете представлены к рапорту. Вахмистр!

Гойлен прикидывается дурачком.

А из задних рядов снова раздается требование:

— Отпуск на берег! Отпуск на берег!

Капитан-лейтенант Кессель сидит в своей каюте и перелистывает приказы двух последних месяцев. Он велит показать себе «угольные прибавки».

— Колбаса! Какао! Пиво! И даже сигары. А теперь они требуют отпуска на берег.

Перед ним стоят обер-лейтенант и лейтенант с траллера «Шпикероог».

— Сколько у нас тонн, господин обер-лейтенант?

— Сорок тонн, господин капитан-лейтенант.

— А сколько тонн на «Шпикерооге»?

— Двадцать пять тонн, господин капитан-лейтенант.

Командующий флотилией вскакивает. Его грудь украшает железный крест первой степени, хотя он всегда посылал вперед за Гельголанд в Северное море, запруженное минами и подводными лодками, только другие суда своей флотилии.

— В этом есть система, господа! Пассивное сопротивление! Мы должны выяснить, кто их подстрекает! На сегодня будь по-ихнему. Сегодня они получат свой отпуск. Я не хочу окончательно оскандалиться с этой дурацкой погрузкой угля. Но в море я посчитаюсь с командой. Благодарю вас.

С этими словами он отпустил подчиненных ему офицеров.

Обер-лейтенант взбирается на кучу угля.

— Все подойти! До сих пор мы погрузили сорок тонн. Если остаток будет на борту в течение двух часов, господин командующий флотилией снимет на сегодняшний вечер запрет и разрешит обеим вахтам, за исключением часовых, сойти на берег. Живо за работу!

Матросы быстро принимаются за работу.

Понукать не приходится. Угли больше не сваливаются с лопат и никому больше не надо останавливаться с нагруженными доверху тачками, чтобы отдышаться.

За два часа флотилия погрузила требуемое количество угля.

Умывание, береговая одежда.

Нет времени поесть.

— Уволенные на берег, на осмотр!

Капитан-лейтенант Кессель сам осматривает уволенных на берег, выстроившихся шеренгой. Он шагает вдоль фронта по потемневшей уже палубе.

— Шелковый галстук завязан неправильно! Сапоги не

вычищены! Шапка смята! У этого молодца грязные ногти!

Он отбирает человек двадцать, у которых одежда не в порядке и грязные ногти. Они, вместо отпуска на берег, должны заняться осмотром и приведением в порядок одежды.

— Кто дежурный?

— Старший матрос Гог!

— Пусть старший матрос последит за уборкой одежды и доложит вахтенному начальнику.

— Есть, капитан-лейтенант!

Таким образом старший Гог, вахтенный начальник и двадцать матросов получили работу на весь вечер. Остальные сходят на берег.

В Куксгафене не много привлекательного.

На улице каждые три шага надо сходить на мостовую, чтобы отдать честь проходящему начальству. Если бы здесь были только молодые офицеры с траллеров и подводных лодок, это бы еще куда ни шло. У них свои заботы. Северное море, загражденное минами, и рейсы вокруг английских островов и далеко в Атлантический океан— не шутка. Эти офицеры не заботятся о таких пустяках, как отдание чести и одежда согласно предписанию.

Но господа из городской комендатуры и флотские офицеры, ведущие на своих замурованных «махинах» спокойную тыловую жизнь,—им больше нечего делать; они, собственно, ввели уличные патрули исключительно с той целью, чтобы заставить матросов во время короткого отпуска на берег соблюдать военную выправку.

Матросы с «Шпикероога», «Лангеоога», «Блауе Балье» и других траллеров флотилии группами идут из гавани.

— Ян, я иду с тобой. Я хочу тоже посмотреть эту ерунду,—говорит «Кадушка».

— И Кудля мы тоже захватим,—прибавляет Гойлен.

— All right!—отвечает Кудль Бюлов.

Все трое прощаются с остальными.

— До свидания!

— До вечера!

— Вы куда?

— Мы пойдем на угол в «Солнце».

— А мы с Яном в театр.

— Желаем веселиться.

Одни идут на угол в кабачок «Солнце». Ян, Кудль и «Кадушка» отправляются в город. Им надо торопиться, чтобы поспеть в театр до начала спектакля.

Дают Ибсеновскую «Гедду Габлер».

«Кадушка» спрашивает, будет ли весело.

В вестибюле театра мундиры: офицеры, палубные офицеры, унтер-офицеры, матросы. Только офицеры с дамами, штатских немного.

— Входной билет,—просит Ян.

Кудль и «Кадушка» тоже берут входные билеты.

С билетами в больших красных лапах разыскивают они свои места.

— Налево напротив, вверх по лестнице,—наставляет их капельдинер.

Все трое взбираются по лестнице. Но раньше, чем они добрались до завешенной портьерой двери, перед ними вынырнул портупей-унтер-офицер с тремя матросами позади, они с тесаками, при исполнении служебных обязанностей.

Патруль—театральный контроль.

— Ваше имя?—спрашивает унтер.

— Матрос Гойлен.

— А ваше?

— Матрос Бюлов.

— Шапки долой!

Все трое снимают шапки, внутри которых, согласно предписанию, нашиты их фамилии и номера по списку.

Унтер вытаскивает записную книжку и заносит под рубрикой «Ниже поименованные матросы задержаны в театре в верхней одежде» фамилии матросов и название корабля.

Под той же рубрикой уже стоят несколько человек с флотилии подводных лодок и траллеров.

— Так, теперь постарайтесь вернуть ваши билеты в кассу. А затем поскорее вон отсюда! Завтра обо всем будет доложено вашему начальству.

— Ты понял, в чем дело?—спрашивает «Кадушка».

— Я—нет!—отвечает Бюлов.

— Что, собственно, случилось?—осведомляется Гейлен у бредущего позади патрульного матроса.

— Все из-за приказа комендатуры. Посещение театра разрешается только в парадной форме.

Все трое стоят, разинув рты, и смотрят на свою одежду, грязную от дыма и тумана.

— Парадная форма? У нас ее нет. Мы ее еще ни разу не получали!

— У меня тоже нет. Я и не хожу в театр,—говорит патрульный.

В кассе трое кули со сторожевых судов получают деньги обратно. И в то время, как «Гедда Габлер» идет на сцене в их отсутствии, они сидят в трактире и заказывают одну круговую пива за другой.

В «Солнце» празднуют «угольную победу» и завоеванный отпуск. Подают жидкое пиво военного времени. Надо выпить большое количество, тогда происходит то же,

что и после пива мирного времени, тогда забывается капитан-лейтенант Кессель, обер-лейтенант, постылая служба. Безрадостный серый кабачок делается теплее, и хозяин и его толстая жена за стойкой...

— Сестра из Армии Спасения!

— Что ты болтаешь?

— Сестра из Армии Спасения, которая вошла и продает «Военный призыв».

— Которая продает «Военный призыв»? Ну, а что другое она может продавать? Ведь это же они все делают. Тоже своего рода нищенство, от которого никому не легче. Раз я хотел переночевать у них в Армии Спасения в Роттердаме, где я был в затруднительном положении. Дорого заплатил за это.

— Я не об этом, а как она выглядит. А волосы! Разве у нее не совсем особенные волосы?

— Слушай-ка, ведь он совсем пьян.

Голос, звучащий, как удары по тонкой металлической пластинке:

— Двадцать пфеннигов «Военный призыв»!

— Дайте мне!

— И мне!

— И мне!

Сестра из Армии Спасения продает у каждого столика. Кули с судов сторожевой службы выкладывают свои двадцать пфеннигов. А ведь никто из них не будет читать этой газетки. Замурованные в своих кораблях, замурованные как в крепости в порту, они изголодались по самому малейшему и случайному соприкосновению с женщиной. Почувствовать хоть на мгновение на себе взгляд молодой женщины—это стоит двадцать пфеннигов.

Продавщица военного листка ушла.

— Пива!

— Брось, на этот раз угощаю я.

Альрих Бусколь бросает на стол звонкую монету в пять марок.

— Есть еще одна такая. Удивлен? Я только что продал сапоги и пару синих брюк.

— У меня тоже еще осталось две перемены синего добра.

— Ну, и сбывай их. Зачем же две пары брюк? Только больше работы при проклятых осмотрах одежды.

— Туруславский со «Шпикероога» тоже тут. С обоими кочегарами своей вахты. Он сидит за столом с Клаусом Меллером и с угольщиком.

— Вот была работа! Каждые пять минут спускали полную тачку. Я залег спать в бункер.

И кочегар Клаус Меллер:

— Они суетились, как бешеные, когда обер-лейтенант был у них за спиной. Но в бункеры ничего не попадало. Они-то уж показали нашему командующему флотилией, где раки зимуют!

— Ты бы только посмотрел на Яна Гойлена с «Блауе Балье», Станис! Как он спустил тачку в воду!

Туруславский замыкается в себе.

— Ты Гойлена тоже знаешь?

— Раза два были вместе на берегу. Ловкий парень!

— Я не знаю. Чорт с ним! — отвечает Туруславский.

Снова открывается дверь.

Входят еще несколько человек из флотилии сторожевой службы. Среди них несколько из тех двадцати, которых оставили на борту из-за грязных ногтей; старший матрос Гог, наблюдавший за уборкой одежды, тоже с ними

— Вот и мы! У «Старика» гости. Две бабы. Он с

ними отправился на берег. Обер-лейтенанта тоже сбагрили. А вахтенный начальник улегся в гамак.

Немного спустя приходят Кудль Бюлов, «Кадушка» и Ян Гойлен.

— Разве в театре все уже кончилось?

— Театр? Это не для нас.

Они рассказывают приключение с одеждой.

— Еще и на корабль пожалуются!

— Это уж само собой разумеется,—говорит Грегор Гог.

Альрих Бусколь, Клаус Меллер и остальные толпятся вокруг пришедших. Ян Гойлен должен еще раз рассказать всю историю...

— Это так, театр только для офицеров, — заканчивает он.

— И тротуар на улице тоже только для офицеров!

— И квартиры на берегу, и бабы тоже только для офицеров. Недавно жена хотела навестить меня. Так ее даже с вокзала не выпустили. Боятся шпионов: Куксгафен—крепость. Мне разрешили провести с женой четыре часа в зале ожидания, затем она снова уехала.

— А офицерским шлюхам дают пропуски!

— И даже квартиры!

— И жратву!

— Вчера денщик нашего «Старика» сошел на берег с двумя тяжелыми чемоданами. На пропуске значилось: «Грязное белье». Грязное белье из провизионного отделения.

— Теперь только не следует ничего говорить.

— А когда война кончится?

— Тогда мы все выложим.

Не все могут выразить свой гнев в словах. Напри-

мер, Альрих Бусколь из Восточной Фрисландии. Он, как чурбан, молча сидит на стуле, словно немой. Он думает о «Блауе Балье», о постылой службе, о том, как во время учения его толкают во все стороны. Он прислушивается к гудению разговора, к раздающимся обвинениям и чувствует, как у него закипает кровь в жилах.

— Эй, Али, ты ничего не говоришь?

Альрих Бусколь выкладывает на стол вторую пятимарковую монету и заказывает пива.

— Сколько, два стакана?—спрашивает хозяин.

— Нет, всем!

Это его ответ, его протест и выражение солидарности со всеми матросами и кочегарами, которые сидят в кабачке и ругаются.

— Кудль Бюлов тоже такой!

— Из него тоже каждое слово надо вытаскивать щипцами.

— Вот он стоит около рабочего с верфи.

Бюлов снимает с себя куртку.

— Сколько?—спрашивает рабочий.

— Три марки.

— По рукам!

Бюлов прячет три марки, а рабочий берет шинель. Три марки—тридцать стаканов пива. Этого хватит, чтоб утолить гнев.

— Хозяин, пива!

— Сюда тоже!

Все сидят группами за столиками или стоят около стойки. Некоторые ушли пошататься по кабачкам, но скоро опять возвращаются.

— Здесь веселей всего!

Собственно говоря, здесь нет никакого веселья. Четы-

ре голых стены, картина, изображающая корабль «Мольтк/э» в канале Кайзера Вильгельма, в рамке снимок рыболовного баркаса с натянутыми кливерами и черная доска с надписью: «Союз для сбережений «Полный кошелек». Никаких удобств, нет отдельных лож, нет даже электрического пианино.

И все же здесь веселее всего.

Кабачок на бойком месте, здесь меняется больше всего лиц, освободившихся на часок-другой от гнета военной службы.

Туруславский сидит совсем один.

— Вздор, этот парень несет вздор!—вдруг орет он на весь кабачок.

Ян Гойлен рассказал историю про китов.

— Тут вся наша навигация не сможет тягаться—они идут по прямому, как стрела, курсу через Атлантический океан... вокруг мыса и снова выплывают с другой стороны, на точно определенном месте. Там они встречаются...

— Ишь, как этот Гойлен расхвастался.

— Вздор, говорю я вам!

Но Туруславский не получает ответа. Ни у кого нет охоты связываться с ним.

— Спросите Альриха: он плавал на китобойном судне.

Но с Альриха Бусколя на сегодня хватит. Он лежит головой на столе, храпит и ни о чем не хочет слышать: ни о китах, ни о капитан-лейтенанте.

Пора кончать.

— Время закрывать!—кричит хозяин.

Туруславский уже ушел. Остальные уходят группами. Многие идут длинной цепью, взявшись под руки. Гойлен, Бюлов, «Кадушка» и кочегар Меллер со «Шпикероога» уходят последними.

— Альриха надо захватить с собой.

— Али! Иди же! Ну, вставай!

Но Али не подымается. А когда его поставили на ноги, он свалился, как куча лохмотьев.

— Этот готов!

— Я бы хотел хоть разок так нализаться!

В конце концов товарищи его подхватывают и волокут на улицу. Они тоже не тверды на ногах. Колени подгибаются, мостовая качается, как палуба во время качки.

Наконец они добираются до гавани.

Тяжелое небо, огромные нагроможденные тучи с освещенными луной вершинами, зубцами и башнеподобными вздымающимися верхушками проходят над навесами и кучами угля.

— Хорошо, что теперь уж близко!

— Ну и вес же у Альриха! Надо немного отдохнуть.

— Не стоит, вот тачка. На нее его и погрузим.

Они укладывают Альриха Бусколя в угольную тачку и вчетвером везут его через рыбачью гавань, вдоль по пристани до сходен своего корабля.

Наутро, в четыре часа тридцать минут, флотилия должна выйти в море. В четыре часа командующий флотилией лежит еще в постели на берегу.

— Разбуди в половине четвертого, поставь будильник на три часа тридцать минут,—сказал он вечером своей подруге Хельме.

Но когда зазвенел будильник, командующий флотом загрохотал:

— Отставить, к чорту! Ах, эта служба... флот должен выйти в море. А зачем, хотел бы я знать?

А затем, немного спустя, вырвавшись из объятий сво-

ей Хельмы, он пытался смягчить горечь этой минуты. Он объясняет свое раннее вставание. Объясняет то, о чем накануне вечером умолчал: ведь это все же связано с продвижением морских военных сил. На соответствующем приказе стояло даже «с. с.», совершенно секретно.

— На этот раз мы отправляемся дальше, чем обычно: через минные поля. Флот пройдет на расстоянии шестидесяти миль WSW от Горнсрифа. Там мы станем на якорь.

Белокурая Хельма уже в пижаме. Она зажигает спиртовку.

— Вы ведь не пробудете в море дольше обычного? Когда ты придешь в следующий раз?.. Копченая колбаса уже вся! Сыр был не плох. И кофе тоже пришли.

Хельма настоящая корова: ей нужен корм, сыр и кофе!

Ее совсем не интересуют минные поля и то, что в шестидесяти морских милях от Горнсрифа оставлен проход. Ей еще не пришло в голову, что такое знание можно обратить в деньги.

Но:

Во флоте насчитывают пять тысяч офицеров.

Они сняли две тысячи квартир на берегу.

Как раз такое же количество женщин направилось в портовые города. И не все из этих женщин коровы, не все торгуют по мелочам и довольствуются за свои услуги кусками колбасы и теплым гнездышком.

Неприятельский шпионаж работает образцово. Малейшее движение флота, расположение минных полей, секретные коды службы связи,—все делается известным.

А адмирал фон-Поль издает приказы:

«Письма команды подлежат строгой цензуре. Запрещается указывать на адресах местонахождение корабля.

Военные порты—на положении крепостей. Въезд в них женам матросов запрещен...»

А об офицерах, об офицерских женах и наложницах он не думает. Это излишне. На основании отданных приказов по флоту на команду и унтер-офицеров налагаются штрафные работы, аресты, до крепости включительно, если в каком-нибудь кабачке они скажут, где находится их корабль или что в течение двух ближайших недель он не выйдет в море из-за починки котлов.

«Посылай мне письма прямо в Куксгафен»—пишет старший кочегар с траллера «Лангеоог» своей невесте. Результат: три дня ареста. Указание местонахождения кораблей запрещено.

В то же время его превосходительство адмирал фон-Поль ежедневно пишет жене. Пишет не только о том, что хорошо провел ночь, что он горд быть командиром стольких кораблей, что он очень любит свежий морской бриз, который ему в высшей степени полезен; он пишет не только о том, что завтракал в экстренном поезде с его величеством; он сидел налево, Тирпиц—направо от его величества, его величество милостиво с ним беседовал, и Тирпиц весь позеленел, так, что даже жалко его стало. Нет, адмирал пишет не только о состоянии своего здоровья, не о том, что он никогда еще не проводил столько времени на борту и что он ведет нелепую жизнь на своем корабле—неуютная каюта: ни обоев, ни картин, все деревянные части сняты.

Нет, его превосходительство пишет еще о другом:

«Сегодня мои воздушные корабли отправились в Англию»... «В Балтийском море наши корабли предприняли наступательную операцию на русский берег. Надо надеяться, что они проникнут в Рижский залив и уничто-

жат несколько кораблей»... «На твой вопрос о пятидесяти английских кораблях могу тебе ответить, что это снова был ложный слух»... «Сегодня ночью опять выходим в море»...

Ты, простак, удивляешься и ничего не понимаешь? Его превосходительство адмирал фон-Поль и Альрих Бусколь с «Блауе Балье»—это разница.

И капитан-лейтенант тоже не малая шишка.

А если он к тому же еще командует флотилией, то вся флотилия обязана его дожидаться. Капитан-лейтенант Кессель проглотил чашку кофе, пристегнул кортик и надел плащ. Затем только пустился в путь. В четыре часа тридцать минут флотилия должна выйти в море. Все восемь траллеров стоят под паром.

— Вот он идет!

— «Старик» идет!

Боцман свистит: туит, туит, тюи, твит! На «Блауе Балье» дежурный боцман вытягивает руки по швам, точно так же и команда, стоящая у сходен.

Командир всходит на борт.

Следом за ним втягивают сходни.

На мостике взвивается сигнальный флаг. Отдать швартовы! Тихий ход! Несколько оборотов винта: назад, вперед!

На корабле все в порядке. Другие корабли тоже отошли от пристани.

Полным ходом вперед! Все восемь траллеров идут за «Блауе Балье» в кильватерной колонне вниз по Эльбе. Со стороны бакборта подымается плоский берег с последним признаком земли—башней Нового завода—и снова исчезает. На море короткие волны, пенные гребни. Все восемь траллеров, неповоротливые темные вьючные животные, взрывают широкое серо-зеленое море. На

северо-восток переменными и точно рассчитанными курсами проходят они минное поле. Минные поля широким поясом охватывают внутреннюю часть немецкой бухты.

После полудня траллеры достигли предписанного местоположения. Они становятся на якорь перед заграждением.

На «Блауе Балье» идет уборка. Перед этим было артиллерийское ученье, утром, когда миновали Новый завод,—задраивание переборок и «боевая тревога». С четырех часов утра матросы в движении.

У «Кадушки» в руке швабра.

У Гойлена в руке швабра.

У Бусколя в руке швабра.

Половина команды на баке, другая—на юте. Вытирают плотными веревочными швабрами мокрую палубу. Эти маленькие рыболовные пароходики—хорошие морские суда. Они мягко лежат на бушующем море. Мягко переваливают через волны. И все-таки волны подымаются до борта и перекатываются через палубу. Матросы со швабрами все время за работой, все снова вытирают палубу: капитан-лейтенант Кессель «рассчитывается».

— «Старик» совсем спятил. Думает, верно, что его рыболовный катер—шикарный пароход.

— Вытирай себе! Если так будет продолжаться, мы высосем все Северное море!

Старший матрос Гог наблюдает. Он тоже гораздо охотнее взял бы швабру в руки и ползал бы на животе, как другие, вместо того, чтобы все время стоять у них за спиной и подгонять.

Как только это возможно, два-три матроса уходят в кубрик или стараются укрыться под мостик и наблюдают развертывание флота.

Легкие крейсеры авангарда с несколькими полуфлотилиями миноносцев прошли минные поля и траллеры. Они развертываются в походном порядке. Образуют полукруг в двадцать морских миль от одного фланга до другого. Располагаются в виде раскрытого зонта перед бригадой броненосных крейсеров—«Зейдлитц», «Мольтке», «Дерфлингер», «фон дер Танн»: разведочные силы открытого моря. Начальник разведочных кораблей, адмирал фон-Гиппер,—на борту «Зейдлитца».

С тех пор, как погиб тихоходный «Блюхер», бригада броненосцев может развернуть полную быстроту—двадцать восемь морских миль.

На борту «Блауе Балье» все еще вытирают палубу. Вся команда ругается. Бусколь стоит у каюты командира. Около него вахтенный начальник, а перед ним капитан-лейтенант Кессель с его личной книжкой.

— Вас доставили на борт в тачке! Разве это состояние, достойное матроса с военного корабля?

Альрих Бусколь беспомощно уставился в лицо командира.

— Я еще раз спрашиваю: разве это состояние, достойное матроса?

Бусколь пытается ответить. Слова с трудом срываются с его толстых губ.

— Нет, господин капитан-лейтенант! Это уж всегда так: я должен стоять на ногах. Мне нельзя сесть, иначе я обязательно свалюсь!

— Довольно, замолчите! Восемь дней простого ареста за скотское состояние! Вольно!

Бусколь снова взялся за швабру и работает, стиснув зубы. Проходит час. От авангарда и бригады броненосных крейсеров виден только дым, стелющийся далеко

на горизонте. Теперь следуют «бронированные собаки», корабль за кораблем, эскадра за эскадрой—флот открытого моря. Посредине флагманский корабль «Фридрих Великий» с командующим флотом.

Наконец его превосходительство адмирал фон-Поль собрал «всю нелепую семью, в которой то один, то другой не в порядке», и со всем «аппаратом» выходит в Северное море. Эти чудища построены для боев, плоские и широкобрюхие идут они по волнам. Они неповоротливы и тяжело двигаются благодаря весу орудийных башен, орудий, казематов и брони. Только колоссальные машины и неустанная работа тысячеголового экипажа одаряют их быстроходностью и жуткой жизнью.

На мостике флагманского корабля подымают шары: сигналы, передающиеся с корабля на корабль по всей линии. Серые колосы прибавляют пару, развивают большую скорость. Из труб валит густой дым, вылетают искры, красные языки, в воздухе становящиеся черными. Шары опускаются, корабли снова идут тише; подымаются сигнальные флаги. Длинная линия кораблей, хвост которой лежит на горизонте, постепенно поворачивает направо, переходит из кильватерной колонны в развернутый строй. Другой сигнал: корабли идут эшелонами. Громадные чудовища с водоизмещением в тридцать тысяч тонн двигаются, как послушные кавалерийские лошади. Командующий флотом связан посредством радиостанции своего корабля с идущей впереди линией разведочных кораблей и с легкими крейсерами на обоих флангах; крейсеры находятся на таком расстоянии, что их совсем не видно.

Сигнальные флаги! Код Морзе! Радио!

Командующий флотом «привыкает». Флот маневриру-

ет. Участки моря вокруг Гельголанда превратились в казарменный двор. Это длится всю ночь и следующий день.

«Вильгельмсгафен, на борту военного корабля «Фридрих Великий».

Милая Элла!

«Сегодня ночью флот выходит в море, чтобы посмотреть, не видно ли где неприятеля. Завтра ночью вернемся обратно. Начало не обещает много хорошего, так как только что получено известие по радио, что «Гамбург» столкнулся с миноносцем XXI и потопил его. Это так глупо, что корабли напарываются друг на друга, это уж совершенно лишнее. Но у всех бывают неприятности.

Мы счастливо возвратились и идем вверх по последней части рейда. Письмо отправляю сейчас же на берег. Я со всем флотом был в ста двадцати морских милях к северо-востоку от Гельголанда, но неприятеля мы не обнаружили. К сожалению. Он притаился в шотландских гаванях. Я был с таким удовольствием потопил несколько кораблей!..»

«Блауе Балье» стоит на передовой позиции.

Стоит на якоре на пятнадцатисаженной глубине. Луна еще не всходила, и только отдельные звезды освещают проносящиеся тучи. За наведенными орудиями бродят взад и вперед часовые, за каждым орудием по одному. Четыре шага вперед и четыре назад, с лицом, все время обращенным к воде, все время глядя в расплавленную темь.

С траллера «Шпикероог» подан конец на «Блауе Балье»; собственно говоря, его позиция на другом фланге

флотилии, но командир «Шпикероога» произведен в обер-лейтенанты. Это надо отпраздновать. Вот почему он поднялся на борт «Блауе Балье».

Взор часовых непрерывно шарит по темному морю. Под палубой в каюте командующего флотилией сидят три офицера. На столе—бутылки, стаканы, колода карт.

— Треф козырь!

— Сколько вы прикупаете, коллега?

— Два!

— Бубны!

— Пики!

— Господин капитан-лейтенант проиграл!

Обер-лейтенанты делят поставленные деньги.

Капитан-лейтенант Кессель кладет на стол монету в пять марок, зевает и глядит в потолок.

— Проклятая вентиляционная машина!

Слышно гудение мотора, высасывающего испорченный воздух из жилой палубы, а иногда скрип и громыхание якорной цепи.

Спереди, в прежнем помещении для рыбы, живут матросы, кочегары и унтер-офицеры. После утомительной службы все уже спят, за исключением часовых на палубе. Матросы лежат в гамаках одетые, готовые вскочить при первой тревоге. Разрешение развесить гамаки на боевой вахте—уступка, объясняемая теснотой помещения. Рядком разместилась бы только треть. Гамаки висят друг над другом в несколько ярусов. Путаница цыновок и протянутых шнуров колеблется в красном свете дежурных ламп...

— Взятка моя!

— Пики!

— Миноносцы при отступлении совсем перепутались.

— Пожалуйста, сдавайте!

— Проклятая вентиляционная машина!

— Эй, налей-ка нам еще!

— За нашего нового обер-лейтенанта!

— Ради такого случая коньяка мало.

— Я того же мнения.

— У меня в каюте есть ящик шампанского.

— Есть, господин капитан-лейтенант, я позабочусь о нем.

— Пора наконец прекратить это гудение. Ступайте-ка наверх. Надо выключить вентиляционную машину!

Шум мотора прекращается. Железные вентиляторы в жилой палубе прекращают работу. Воздух делается тяжелым и давит спящих. Они защищаются сонными движениями, расстегивают пуговицы на одежде, освобождают грудь и живот. Пот выступил из пор. Рты открыты.

Посреди жилой палубы оставлен проход, по которому можно пробраться лишь согнувшись. В конце прохода расположено унтер-офицерское помещение, отделенное только дощатой перегородкой. Гамак старшего матроса Гога—дежурного унтер офицера—находится перед дверью этого отгороженного помещения. Это честь, имеющая свою отрицательную сторону: чем выше чин, тем туже гнется поясница, и когда унтер-офицеры нагибаются, чтобы пролезть под гамаком Гога, ему почти всегда приходится удар в спину. Грегор Гог не всегда просыпается, к таким вещам привыкаешь. Он просыпается только от особенно жестких толчков.

Смена часовых! Двое матросов пробираются сквозь кравово-красные джунгли шнуров и покачивающихся тел, чтобы разбудить смену.

— Подними задницу!
— Ну же, Али!
— Ян, послушай!
— Ну же, живей!

Спящие не двигаются. Один свешивает тяжелую, как чурбан, ногу за край гамака. Другой—руку. Высунутые языки, оскаленные челюсти. Если уж кто-нибудь раскроет глаза, он глупо глядит в пространство.

— Ну и вонь же здесь, как в обезьяньей клетке!
— Их просто здесь захлороформировали!
— Эти собаки снова остановили вентиляцию!

Обер-фейерверкмат входит в кубрик:

— Что случилось? Где часовые? Разбудили мою смену?
— Да, господин обермат! Но они не подымаются!

Фейерверкер пробирается в глубь, в помещение унтер-офицеров. Вслед ему раскачиваются гамаки. Он служит уж пятнадцать лет и находится накануне производства в офицеры. Он так наскакивает на старшего матроса Гога, что тот качается в гамаке, как на качелях.

— Ах ты, скотина!—не отдавая себе отчета, кричит Гог.

Скотина! И это говорит матрос обермату, почти уже палубному офицеру! Фейерверкер свирепеет!

— Что вам взбрело в голову? С ума сошли, что ли? Руки по швам! Вам говорю: руки по швам!

Грегор Гог еще охвачен сном. Он надышался испорченного воздуха, совершенно одурманен, вокруг головы у него словно тяжелый железный обруч. Он судорожно открывает глаза и наконец соображает: он должен вытянуть руки по швам, в гамаке, еще в полусонном состоянии! И не отдавая себе отчета, как только что перед тем, сует он руку под голову, хватает сапог и швыряет

его обермату в лицо. На этот раз он выполнил то, о чем обычно только думал!

Жилая палуба приходит в движение.

Часовые уже поднялись и пошли на палубу. Грегор Гог сидит вытянувшись в своем гамаке. Остальные тоже просыпаются.

— Фейерверкер убежал с сапогом в руке!

Он всегда наскакивает на гамаки. Именно он, словно аршин проглотил!

— Прямо по носу! Жаль, что не по носу нашему «Старику»!

— А вентиляцию он опять остановил!

— Что, собственно, случилось?—спрашивает Грегор Гог.

— Ишь, морда, он еще спрашивает, что случилось!

Часовые у орудий сменились. Бусколь, Гойлен и «Кадушка» стоят позади орудий на бакборте. На другом борту тоже стоят трое. Никто из караульных не смеет обернуться. Каждый обязан не спускать глаз с определенного отрезка морской поверхности. Луна пробивается сквозь гряды тумана. Набегающие волны кажутся черными, с белыми светящимися гребнями.

Три офицера в кают-компании велели позвать матроса с гармоникой. Широко растягивая инструмент, играет он мелодию хорала. Все трое поют под эту музыку свой собственный текст:

У кошки четыре ноги
И один длинный хвост.

Капитан-лейтенант держится за стол. Обер-лейтенант со «Шпикерооги» побледнел, но держится прямо и орет вместе с другими во все горло:

— За откомандирование обер-лейтенанта со «Шпикероога» во флот открытого моря!

Входит денщик:

— Фейерверкер желает говорить с господином капитан-лейтенантом!

— Пусть войдет!

И один длинный хвост...

Фейерверкер входит, лицо у него в крови, в руке сапог.

— Разрешите доложить, господин капитан-лейтенант! Старший матрос Гог, когда я его будил, запустил в меня морским сапогом.

— Морским сапогом?!

— Да, вот этим самым!

Капитан-лейтенант Кессель делает такое лицо, словно все законы природы внезапно перевернулись, и он поставлен лицом к лицу с исключительным феноменом.

— Матрос запустил морским сапогом? Вы, сударь, пьяны, что ли?

— Господин капитан-лейтенант...—повторяет фейерверкер.

— Господин обер-лейтенант, господа, он просто с ума сошел!

— Так точно, господин капитан-лейтенант, он сошел с ума!

— Это единственное объяснение. Запереть матроса! Завтра отправить его на берег для исследования его психического состояния. Продолжайте пение, господа!—истерично ревет он.

— Пью за...

— За откомандирование!

— За флот открытого моря!

— За «грядущий день»!—лепечет Кессель.

— За «грядущий день»!—повторяют обер-лейтенанты ставший модным среди морских офицеров тост: за грядущий день, когда германский флот открытого моря померится силами с английским Grand Fleet.

Часовые ходят взад и вперед по палубе. Так темно, что от одного орудия не видно другого. Гойлен покинул свой пост и осторожно ощупью пробирается к ближайшему орудию.

— Алло, Али!

— Ян?

— У меня голова шумит!

— Мне уже лучше. А во всем вентиляция виновата!

— Слышал скандал? Гог со своим сапогом? и рев там внизу?

Бусколь коротко отвечает: «Да»,—и упорно смотрит в ночь.

Надо бы вытащить ударник и швырнуть его в воду! Тогда—шабаш, тогда «Старик» может отправляться домой в своем корыте!

Гойлен вернулся к своему посту.

Бусколь уставился на отливающий синим светом стальной затвор орудия. Небольшой поворот двумя пальцами— и ударник будет освобожден! Никто не заметит, как он бултыхнется в воду. Но то же нужно проделать со всеми орудиями, иначе это будет совершенно бессмысленно.

Луна, достигшая половины неба, пробирается среди туч. Временами облачный покров разрывается, тогда корабль на некоторое время освещается призрачным светом. Штевень «Шпикероога» вырисовывается резким черным силуэтом. «Шпикероог» все еще пришвартован к

«Блауе Балье», и его место на другом фланге флотилии все еще не занято.

— Алло, часовой, ступай вниз!

— Я не имею права покинуть свой пост!—отвечает Бусколь.

— Приказ капитан-лейтенанта. Иди вниз!—отвечает денщик.

Бусколь спускается в каюту. Господин капитан-лейтенант сидит у стола и держится за живот от смеха. Напротив него оба обер-лейтенанта, взаимно заблевавшие друг друга.

— Алло, матрос, ведро воды! А затем обмой-ка господам офицерам тужурки.

Бусколь приносит воды. Затем он обмывает своим начальникам облеванные рукава. Потом, когда он опять стоит за орудием, взгляд его все дольше задерживается на сверкающем голубым светом затворе.

На капитанском мостике сверкнул сигнальный фонарь. Штурман морзит на «Шпикероог», чтобы выслали шлюпку за обер-лейтенантом. Все часовые снимаются с постов, чтоб не пропустить шлюпки. Три офицера подымаются на палубу. Обер-лейтенант со «Шпикероога» спотыкается и падает. Он лежит у каната, которым ошвартован его траллер. Но он не пьян, пускай этого не думают! Он отлично сознает, что происходит, и в полном порядке. Обер-лейтенант поглаживает канат и при этом лепечет:

— Мой канат, отличный канат, прекрасный канат!

— Обер-лейтенантик, вставай же!

Бускуль уставился в пробегающую гряду облаков. Вот она достигла луны. На корабль набежала темнота. Орудийные часовые на середине палубы, двое держат шлюпку, остальные тащат обер-лейтенанта по палубе.

Busколь у затвора первого орудия.

Небольшой поворот. Пружина и ударник скользнули ему в руку. И то и другое бесшумно падает в воду.

То же происходит у второго орудия, то же у третьего. В то время, как Бусколь спешит к остальным, он натыкается на Яна Гойлена:

— All griht! С этой стороной я покончил! Теперь живо на средину корабля!

Они приходят как раз во-время, чтобы посадить оберлейтенанта в шлюпку.

Суда сторожевой службы «Шпикероог» и «Лангеоог» идут по разволновавшемуся морю. Курс: NNW. Приказ: в ста восьмидесяти морских милях на NNW от Гельголанда ожидать подводные лодки и сопровождать их в гавань.

На каждом судне двадцать семь человек. Иногда, когда посмотришь со «Шпикероога» на «Лангеоог», не видно ничего, кроме трубы. Она косо подымается из-за волны. Дым плоско стелется по воде и быстро расходится. Затем вылезает корпус корабля. Когда корабль взбирается на гору волн, изрытая вода стекает с палубы широкими пенными водопадами. На гребне волны палуба на несколько минут не покрыта водой, и тогда можно быстро перебежать с носа на средину корабля. Но уже через мгновение «Лангеоог» скользит в бездну и снова зарывается носом. Когда с «Лангеоога» смотрят на «Шпикероог», видят то же самое.

В кубрике на «Шпикерооге» сидит вахта, которой сейчас надо итти на смену. За столом с одной стороны—матросы, с другой—кочегары; их трое—угольщик и два кочегара, Туруславский и Меллер. Угольщик пошел с миской на средину корабля за обедом.

На обед—фрикадельки, по три на человека, и кар-

тофель. Матросы уже получили свои порции и едят. Ногами они крепко уперлись в палубу, миски держат в руках, при этом верхней частью туловища они ловят каждое движение корабля. Когда корабль летит кверху, кажется, что они почти отвесно висят в воздухе.

Кочегары все еще не получили еды.

Угольщик с миской стоит на средине корабля, расположенной выше, и ждет случая пройти вперед; шапку он надвинул на лоб по самые уши. Вот корабль скользит по гребню волны. Угольщик быстро спускается на две ступеньки, но «Шпикероог» уже снова опускает нос. Матрос теряет равновесие, падает назад и, как на салазках, катится вперед по покатой поверхности. Миску он прижал к себе и крепко держит в руках. Он распахивает дверь и влетает в кубрик вместе с потоком воды.

— Проклятая качка!—ругаются матросы.

— Ну, наконец-то!—ворчит Туруславский.

Он отчасти доволен: еда по крайней мере осталась в миске. А когда помощник предлагает ему свою собственную порцию, так как не может есть при такой чортовой погоде, он совсем удовлетворяется. Клаус Меллер также отдает ему две фрикадельки.

— Мне тоже они что-то не лезут в глотку,—говорит он.

На одну минуту все перестали есть, замерли с ложкой в руке, подняли головы и прислушиваются к тому, что делается наверху. Словно удары бича в сыром воздухе: ружейная стрельба.

— Мины,—говорит кто-то.

Часовые расстреливают с мостика из захваченных у русских пехотных винтовок всплывшие мины. При плохой погоде много мин срывается с якорей и носится по Северному морю.

Вода, ворвавшаяся в жилую палубу вместе с угольщиком, шумит, уносит консервную коробку с красками, деревянную обувь и всякий хлам.

— Положение как на подводной лодке! Из этого наш командующий флотом не выберется.

— Ну, он не так глуп. Здесь нечем нализаться, разве что соленой водой, если мы наткнемся на мину.

— А на «Блауе Балье» вот штуку-то выкинули! Хотел бы я видеть лицо, когда фейерверкер пришел на мостик и доложил: корабль не боеспособен!

— Они крепко стоят друг за друга! Тут ничего не разнюхаешь!

— И правильно, я бы тоже ничего не сказал.

— Это подло!—говорит Туруславский.—На войне, на передовых позициях! Сделай это мой брат—и на него бы донес!

Восемь склянок. Смена вахты.

Слабо слышны восемь ударов корабельного колокола. Вахта отворяет дверь кубрика и спешит на палубу. Матросы сменяются на мостике и на наблюдательном посту. Кочегары спускаются по трапу, находящемуся за трубой, внутрь корабля.

Они останавливаются на полдороге, чтобы пропустить сменяющуюся вахту. Навстречу им подымаются трое почерневших и утомленных людей. Когда корабль накреняется, все трое мешками висят под трапом.

— История с затворами—это подлость, вот что я тебе скажу. А замешан в ней не кто другой, как все тот же Гойлен,—говорит Туруславский товарищу по вахте—Меллеру.

Два котла, под каждым котлом три топки. Сегодня в котельной можно дышать. Массы воздуха, несущиеся

над морем, проникают в самые недра корабля и скоро высасывают газы. Но качка! Стоять и работать у топок при качке!.. Корабль шириной в шесть метров. Пространство перед котлами такой же ширины и едва в два метра глубины—площадка, которая падает на сорок градусов, когда корабль скатывается с волны и подымается на такой же угол, когда корабль лезет вверх. И к тому же еще боковая качка. Площадка, покоящаяся на воображаемой оси, как на острие иглы, подымается и опускается по всем направлениям компасной катушки. Но по какому-то тайно действующему закону все время снова устанавливается на той же оси.

Вот этот скрытый закон надо носить в себе. У кочегара Клауса Меллера его нет. У угольщика, того, что незадолго перед тем скатился с фрикадельками в дек, а теперь пытается втолкнуть на угольную кучу перед топкой новый запас угля,—тоже нет этого чувства. С большим усилием дотаскивает он уголь до топки. Там еще лежит запас угля, оставшийся от предыдущей вахты.

Клаус Меллер перед открытой топкой с лопатой в руках; на лопате каждый раз двадцать фунтов... надо всыпать большое количество угля до самой задней стенки топки. Капризная платформа падает, и лопата повисает в воздухе. Угли сыпятся Клаусу Меллеру на руки и живот.

Он все еще возится у топки I.

Туруславский открывает топку III.

Он врезается в кучу угля, подымает лопату... три, четыре, пять! Следующая! Котельная падает в какую-то боковую пропасть. Туруславский, стоя на одной ноге, описывает полный круг вокруг своей оси. Затем всыпает угли в огненную пасть, вся тяжесть накренившегося корабля подталкивает лопату. Клаус Меллер ругается, он

в полуобморочном состоянии от боли: налетел на дверцу топки.

— Держи равновесие, товарищ! Все дело в равновесии,—орет Туруславский. Всегда надо держать равновесие. А все Гойлен вместе с быком Бутендрифтом. Однажды они его порядком отделали. Этого он не забудет! Это тоже еще надо «привести в равновесие»!

Туруславский захлопывает последнюю дверцу топки. Стрелка манометра, показывающая давление пара в его котле, стоит под самой красной чертой. Он проглатывает кружку холодного кофе и закуривает папироску.

Наконец и Клаус Меллер справился со своей работой.

У него нет времени. Да для него и лучше не останавливаться. Туруславский уже принялся шуровать в топке. Он сунул в пламя длинную кочергу, сильно шевелит жар, откалывает кору шлака, вытаскивает кочергу и снова сует ее в топку.

У Меллера все идет менее гладко.

— Вот дермо! Вот дермовый шлак! Словно прирос к колосникам.

Тряпки, которыми он схватился за кочергу, начинают дымиться. Кочерга раскалилась и гнется. С дикой руганью вытаскивает он ее из топки и отбрасывает в сторону. Угольщик льет воду на вытащенный шлак. Шлак шипит, пар подымается до самого потолка и окутывает всю котельную горячими грязными облаками.

— Ну же, за дело, убери шлак!

Корабль качает с боку на бок. Угли катятся под ноги. В бункере сверху сваливается весь хлам. Вокруг стоит шум. Угольщик выбился из сил. А Клаус Меллер не может больше согнуться. Он уже недостаточно

гибок, чтобы приспособляться к качке. Клаус потерял деревянный башмак, когда открывал дверцу топки, и попал ногой в кучу горячей золы. Он был на волосок от языка пламени, выбившегося из пасти топки.

— Куда тебе, старый тюфяк! Ступай отдышись!

Туруславский берет кочергу у него из рук. Собственно говоря, ему все равно. Уж эти сухопутные кочегары! Пусть бы уж свалился или выхаркал бы легкие из тела. Ему-то что за дело?

Но Туруславский понимает: сейчас подходящий момент, чтобы узнать что-нибудь о «Блауе Балье» и Гойлене, сейчас или никогда! И Меллер и угольщик—его друзья.

— Я уж справлюсь с твоей топкой. Ступай, посиди с угольщиком.

И вот они оба сидят, опершись спиной на угольную кучу. Их окончательно разморило, так как движение— единственное спасение при такой температуре.

Туруславский возится с огнем. Он подсыпает угля, снова задает корм голодным пастям. Высоко подымаются белые столбы пара. Языки пламени вспыхивают и лижут воздух, оставляя за собой черный дым. На Туруславском нет сухой нитки. Язык во рту словно из дерева.

— Сиди себе! Я уж засыплю угля!

— Вот папиросы, закури, Туру!

— Плевать я хотел на твои папиросы, свои есть!

Меллер рад, что он может посидеть еще немножко. Когда «Шпикероог» погружается в глубину, у него всегда такое чувство, словно его желудок позис где-то наверху под потолком. Угольщик обмочился, он весь заблеван. На палубе, под открытым небом, нельзя дойти до такого состояния!

Туруславский управляется с лопатой, с кочергой! Красный отсвет трепещет у него на лице, на руках, на обросшей обнаженной груди. Над его головой летают искры. Он обслуживает все шесть топок.

— Станис...

— Ну, что надо?

— Ну и выпьем же мы вместе следующий раз на суше!

— Обязательно, Клаус. И Гойлена с «Блауе Балье», эту чортову тачку, мы тоже прихватим.

Туруславский отбрасывает кочергу.

— Вы ведь всегда вместе?

— Да, часто.

— Он совсем не плохой парень. И если подумать хорошенько, то дело на «Блауе Балье» хорошая штука, тонко сделано.

Дверца отпирается и отскакивает. Жар из топки падает на пол. Не весь жар, всего одна-две тачки. Корабль дрожит и движется так, словно он застрял в бешено дышащей пасти какого-то чудовища.

Туруславский приводит в порядок огонь и возвращается.

— Проклятые дверцы! Сюда бы поставить командующего флотом. Сюда, к топкам, да дать ему угольную лопату!

— Это-то как раз и говорит Гойлен.

— Так... а еще что, еще что он говорит?

— Что нельзя мириться с тяжелой службой. Надо бороться! Средства найдутся!

— Так, средства найдутся? А что это за средства?

— Ну, например, при погрузке угля... ну, да это всякий сам должен знать.

— Скувырнуть тачку в воду и другое в этом же роде?

— Да, и вообще... Нам нечего жрать, а капитан-лейтенант все время отправляет на берег колбасу и муку, урывает из провианта команды.

Час спустя кочегаров сменяют. Они умылись в ведре горячей воды, стерли грязь платком и теперь лежат в гамаках в кубрике.

Туруславский снова поднимается.

— Клаус! Клаус Меллер!

— Станис?..

— Чтоб не забыть: ты мне кое-что рассказал на вахте о проклятой собаке Гойлене и о «Кадушке». Когда мы снова будем на суше, я доложу об этом комадующему флотом.

ПАРОХОД ВОЗНЕСЕНИЯ

Клетка возле клетки, двадцать четыре камеры с одной сторны, столько же с другой, и все это трижды одно над другим—в три этажа. В коридорах арестного дома, как в проходе конюшни. Шарканье, топот, фырканье. Арестанты непрерывно бегают по камерам взад и вперед. Камера имеет три шага в длину и два в ширину. Иногда кто-нибудь из арестантов останавливается, уставившись глазами в одну точку. Другой внезапно начинает буйствовать, барабанит кулаками в запертую дверь и орет: «Надзиратель, мне надо выйти! Только скорей, а то я... всю камеру!».

Надзиратель не приходит. Это для него не новость.

Двадцать восемь дней карцера—двадцать восемь дней на хлебе и воде, без постели, без света—это не шутка.

Ян Гойлен тоже получил двадцать восемь дней карцера.

Командующий флотом напророчил ему несколько лет крепости. Но военному суду не удалось установить, что части замков действительно были выкинуты за борт. Подтвердились лишь некоторые выражения, брошенные когда-то Гойленом. Дела «Кадушки» гораздо хуже. Ему присудили два года крепости за то, что он сказал:

— Так надо бы поступать везде!

В первые дни Гойлен лежал неподвижно на нарах. Когда он открывал глаза, стены камеры обступали его, как плотное черное сукно. Только в одном месте висела тонкая нить, подобно горящей электричеством металлической проволоке; это был дневной свет. Укрепленный железными болтами и замками ставень окна в этом месте закрывался не совсем плотно. Гойлен лежал неподвижно. Это лучшее, что можешь делать, пока хватает сил. Программа последующих дней и без того не богата.

Всякий раз, когда загорается скважина, Ян Гойлен завязывает узел на шнурке ботинка. На четвертый день открыли окна на двадцать четыре часа. Так было и в дальнейшем: три дня темно, один день светло. Два дня Гойлен был занят попытками установить связь с Альрихом Бусколь, отбывавшим в этом же коридоре восемь дней ареста за пьянство. Но когда наконец Гойлену удалось через четыре или пять промежуточных камер снестись с Бусколем, все оказалось напрасным. Альрих Бусколь не знал перестукивания и знаков Морзе. Потом Яна понемногу охватило беспокойство, как и всех остальных, и он стал придумывать всякие штучки. Целыми днями он чистил свои ботинки. Или произносил речи. В темноте ему мерещилось собрание сотни тысяч кули. Пока надзиратель, рванув дверь, не грозил, что пожалуется. Боцманмат в соседней камере то и дело стирает свой косо-

вой платок и потом бегает с ним взад и вперед, пока платок не высохнет. В следующий светлый день Ян устраивает настоящий артиллерийский бой. Ящик для вещей изображает неприятельский корабль. Гранаты он заранее скатал из хлебного мякиша и дал шарикам засохнуть. Хлебный шарик падает за ящиком: «Перелет!» Следующий—перед ящиком: «Недолет!» А потом начинается: «Есть! На «Блауе Балье»! Восемь тысяч!»—командует Гойлен. «Залп—огонь!» «Есть! Живей!» Он орет, как сумасшедший, пока надзиратель снова не раскрывает дверь.

Наконец и эти двадцать восемь дней кончились.

Гойлен, как после болезни, шагает по светлым полуденным улицам Вильгельмсгафена. С «Блауе Балье» его списали и передали в шестую роту флотского экипажа.

— Шестая рота, стройся на перекличку!

Господин ротный подносит руку к козырьку:

— Благодарю. Фельдфебель! Прочесть дневной наряд!

Фельдфебель открывает книгу приказов и монотонным голосом читает:

— ... Два часа пополудни—отправка в Мариэнзиль для несения караула. Двадцать человек в кухню первого отделения для чистки картофеля. Починка одежды. Завтра утром в семь тридцать уборка корабля. В восемь часов построиться перед казармой для назначения нарядов. Пятьдесят человек в верфи, сто человек для погрузки угля на военный корабль «Поммерн». Остальные на сбор крапивы. У кого есть рапорты и просьбы—выходи вперед! К еде готовьсь!

Рота делает поворот. Матросы кидаются в казармы за посудой. «Рапорты и просьбы» стоят рядком. Ротный командир шагает вдоль ряда; следом за ним идет фельдфебель с записной книжкой. Сперва просьбы об отпуске

по случаю помолвки, крестин, семейных дел, болезни матери и прочее. Просителям отказывают. Отпуска согласно приказу по дивизии, даются лишь в случае желания сдачи в казну золота. За один золотой—один день, за пятьсот марок золотом—три дня, за тысячу марок—пять дней. Затем следуют рапорты: «Матрос... явился из лазарета».—«Матрос... с военного коробля «Нассау» явился из-под ареста».—«Матрос... с военного корабля «Остфрисланд» явился из-под ареста».—«Матрос Матисен с военного коробля «Штрассбург» явился из-под ареста».—«Матрос Гойлен со сторожевого корабля «Блауе Балье» явился из-под ареста».

Ротный командир становится еще надутее.

— Фельдфебель!

— Есть, господин капитан-лейтенант!

Каждый день после переклички одно и то же.

— Вольно! Предъявите опознавательные значки!

Кое-кто вытаскивает «покойницкий значок»—жестяную дощечку с штампованным номером, которую, согласно предписанию, они обязаны носить на шнурке на шее. Однако у большинства значка не оказывается. Тогда капитан-лейтенант разражается речью. Сразу видно, что его слова избитая формула.

— Опознавательные значки! Я требую, чтобы на всех были опознавательные значки. Верность и точность вплоть до самых мелочей... да, фельдфебель!

Фельдфебель подсказывает:

— Подвергавшиеся взысканиям, господин капитан-лейтенант!

— Вот именно, подвергавшиеся взысканиям. Возьмите себя в руки. Верность вплоть до мелочей. Если уж запутаешься в машине закона, тогда будет поздно. Тогда

уж не выберешься. Следующий шаг ведет в крепость! Фельдфебель, скомандуйте вольно!

Вновь прибывшие в роту делают поворот и отправляются за своей обеденной посудой. Капитан-лейтенант «Покойницкий значок» шествует по казарменному двору.

В флотском экипаже царит совершенно новый дух. Гойлен это сразу же отметил. Ротные командиры с изъяном. А среди унтер-офицеров и матросов много укрывающихся. В комнате Гойлена лежит, например, некий старший боцманмат, тощий, высокого роста, с бледным лицом—имитация лейтенанта.

Когда Гойлен, неся свой мешок, зашел в помещение, кое-кто из матросов были заняты чисткой пуговиц на парадном мундире боцманмата. У него даже имелась собака, маленький зверек с шелковистой шерстью.

— Чья это собачонка?

— Нашего старшего боцманмата. Ты поражен?

— Куда же он денет собаку, когда его командируют на корабль?

— Его, на корабль? Много ты понимаешь. Он останется здесь. Уж этот продержится.

Около десяти человек сидят вокруг стола за починкой одежды. Остальные из этого помещения в отлучке, в столовке, либо ушли в город без отпуска, с подложными пропусками.

— Сколько дней ты отсидел?—спрашивает котельщик Гейн Матисен, также вернувшийся сегодня из-под ареста.

— Двадцать восемь дней карцера.

— Я на этот раз заработал восемь. Зато теперь мы обеспечены. Здесь в роте с нами ничего не может случиться. Здесь мы можем продержаться, пока война кончится. А тогда—в Гамбург.

Немного погодя в комнату заходит матрос Грегор Гог.

— Алло, Ян! Вот и ты. Здорово! Али мне уже все рассказал. Он тоже здесь в роте.

— А что с тобой?

— Они продержали меня два дня в кутузке. Потом отпустили. На допросе я уже был: оскорбление начальства действием.

— Это, несомненно, пахнет крепостью!

Грегор Гог смотрит в пространство невидящим взглядом.

— Мне еще тоже придется отбыть свою порцию—шесть недель,—говорит матрос по имени Джимми.—Прокатился как-то без отпуска в Гамбург! Но никак не попадешь в кутузку: все переполнено.

— Я пошел, Ян! Завтра утром перед объявлением наряда я зайду за тобой. Мы спрячемся в штабной столовке. Там мы засядем до переклички.

В первый вечер Гойлен не идет в город.

У него в кармане ни гроша, а просто так болтаться по улицам не доставляет ему удовольствия. В девять часов он уже укладывается спать. В эту ночь он спит, как камень, только один раз вскакивает, когда кто-то начинает орать: «Минные аппараты на бакборт!»

— Что с ним? — спросил Ян соседа по койке.

— Он из лазарета. Был на «Ундине», когда она напоролась на мину.

Жизнь в экипаже изменилась. Роты лишь наполовину укомплектованы. Внизу лежат новобранцы, молодые парни из глубины страны. В помещении для старослужащих лежат пострадавшие на войне; там же скопляется все больше матросов, которых, после отбытия наказания, не хочет принять ни один корабль,

На следующее утро в столовке. Все столы заняты. Гог, Матисен и Гойлен сидят вместе.

— Нам наплевать! До нас выстрелы не долетают.

— И чего ради давать себя калечить? Ради железного креста? Я предпочту уж лучше свой невредимый крестец.

Столовка, собственно говоря, предназначена для денщиков и вестовых штаба второго флотского экипажа. Но так как столовка открыта с раннего утра и находится в стенах экипажа,—она превратилась в излюбленное убежище для отлынивающих. Здесь играют в «дурачки» и «шестьдесят шесть», иные спорят или даже читают книги. Изредка производятся облавы, и обнаруженные матросы, водворенные обратно в свою роту, подвергаются наказанию.

— Восемь дней ареста, беда не велика. Плюнуть и растереть!

— А, кроме того, все переполнено. У нас фельдфебель запихал всех в комнату и написал снаружи мелом «арест»,—рассказывает кто-то из второй роты.

— У вас во второй роте, говорят, есть старший боцманмат Вейс?—справляется Матизен.

— Да, Пауль Вейс, дельный парень!

— Я с ним был на «Ариадне».

Грегор Гог тем временем заключил сделку с одним из штабных вестовых.

— Двадцать папирос!

— Есть! Завтра утром в десять здесь в столовке.

На следующее утро Ян Гойлен за двадцать папирос получает подложный пропуск. Еще через несколько дней он уже совсем освоился. Он покидает экипаж и отправляется в город, когда ему заблагорассудится, шатается по улицам или лежит на солнышке у плотины и смотрит

на сверкающую поверхность рейда. Во время отлива морская бухта превращается в необозримое тинистое поле. Только посредине остается узкий фарватер. Там, в Шиллиг-рейде, все на том же месте стоит флот.

Несколько раз Гойлена назначали на сбор крапивы. Группами в пятьдесят человек бродят они по полям и высохшим канавам, где особенно густо растет крапива. Они рвут не много. Каждый набирает лишь пучок, чтобы было что сдать вечером при возвращении в казарму. Стараться нет смысла. Собранные растения отправляются на текстильные фабрики, которые зарабатывают бешеные деньги на материи, сотканной из этого дешево доставшегося сырья.

Крапива жжет. Вскакивают пузыри. Перчатки для целых рот—не те теперь времена. Германия разорена. Чтоб крапива не так жглась, надо ухватить ее покрепче. И еще помогает слюна. Она холодит обожженную кожу.

Крапивный отряд цепью рассыпался по возделанным полям. У каждого подмышкой зажат пучок крапивы. Никто больше не рвет ее, все ищут кольраби, морковь, горох, зерна которого только начинают поспевать. Жрут все: и корни, запачканные землей, и зелень.

Казенной порцией никто не сыт.

Так проходит лето.

Караульная служба у шлюзов, у пороховых погребов, у каналов и железнодорожных тоннелей. Или наряды на работы: грузить уголь и таскать тяжести. Суп к обеду становится все водянистее, хлебный паек все меньше.

Деревья простирают длинные худые руки к серому небу. Вильгельмсгафен снова погружается в зимний туман.

Однажды вечером в флотском кабачке сидят: Ян Гой-

лен, Бутендрифт и «Адмирал». Разговор на вечную тему — о войне.

— Эта дурацкая война никогда не кончится!

— А наш старый «Лесбос», а? Вот жизнь была!

— Да, и самосское вино в люке II. Нам бы теперь ведерко такого...

Подходит матрос с «Поммерн».

— Алло, Ян! Ты все еще на берегу? Как же ты это устраиваешь?

— Собственно, я ничего для этого не делал. Несколько раз попадал в кутузку. Потом меня списали с борта. А теперь никто не желает меня брать.

— Ты читал, «Адмирал»? «Чайка» опять потопила три корабля, всего уже двенадцать!

— Единственный немецкий корабль в Атлантическом океане.

— При отплытии я видел «Чайку». Она стояла в верфи. У нее еще тогда не было имени. Она называлась «Т. С.» — самое обыкновенное торговое судно.

Карл Клеезаттель знает командира:

— Этот тип, доложу я вам, — настоящий аристократ! Если его корабль потопят, он не сделает ни одного движения, чтобы спастись. Скрестив руки, он пойдет ко дну как камень!

Матрос с «Поммерн» садится к столу.

— Выпейте стаканчик со мной.

За вторую порцию хочет платить Клеезаттель.

— Нет, этому не бывать! Я плачу. Сегодня мое рождение!

После пятой порции подходит хозяин.

— Чорт возьми! У меня осталось всего двадцать пфеннигов!

«Адмирал» предлагает выручить, Ян, Дирк тоже предлагают помочь.

— Нет, я заказывал. Это вас ни черта не касается.

Матрос с «Поммерн» приходит прямо-таки в ярость.

— Что это значит? У вас нет денег?—пыхтит хозяин.

— Не задавайся! Не то я тебе морду отполирую! Позовите патруль, если уж так хочется!

Патруль приходит. Уходя, матрос с «Поммерн» пожимает всем сидящим за столом руки.

— Ребята! И я хочу законсервировать свои кости до мирного времени.—И добавляет, обращаясь к Яну: — До свиданья в роте.

— Этот товарищ «готов»!

— Он прав.

— Мне тоже надоело. Вечная стоянка на рейде. От времени до времени подымается шум: скамьи, столы, чемоданы, вещевые мешки—все под броневое прикрытие! Корабль к бою готовь! Полным ходом... до Гельголанда и снова обратно.

— А в кают-компании еще жрут обеды из пяти блюд

— И они получают пятьдесят процентов военной надбавки.

— Старший офицер с «Гельголанда», пожалуй, прав. «Каждому матросу надлежит ежедневно получить двадцать по заднице»,—говорит он.

— Попасть бы уж в бой. Я готов погибнуть, лишь бы при этом ухлопало всю их проклятую компанию!

— А я лучше подумаю, как бы убраться с нашего корыта.

— Хозяин, дай-ка еще чего-нибудь выпить! Не бойся, мы платим наличными.

— «У меня осталось всего двадцать пфеннигов»,—

говорит матрос. Видать, не дурак. Погоди, следующий буду я. Я тоже спишусь.

— Это совсем не дело,—заявляет Клеезаттель.—Если мы все удерем с кораблей, и останутся только молодые новобранцы, тогда наступит полное обезьянье царство. Офицеры будут делать все, что им вздумается. Нет, мы должны защищать свои права.

Ян Голейн провожает Бутендрифта до портовых ворот. он рассказывает ему все о «Блауе Балье», о сторожевой флотилии и о кочегаре Туруславском.

— А в роте тоже совсем невыносимо, мы пропадем с голоду!

— Все же лучше, чем на борту. Мы получаем немногим больше и к тому же все время перед глазами жизнь офицеров.

И, пожимая друг другу руки у порта:

— Ян, я тоже положу этому конец. Я что-нибудь выкину. Если в следующий раз я не сойду на берег, ты будешь знать в чем дело.

И Дирк Бутендрифт не единственный! Матрос с «Поммерн» тоже не единственный!

Арестных помещений давно не хватает. И новые, приспособленные для этой цели, помещения не могут удовлетворить требований. Весь поток стекается потом во флотские и береговые части.

Сотнями они заполняют казармы.

Улицы и кабачки Вильгельмсгафена забиты находящимися на берегу матросами. Некоторые маленькие кабарэ начинают свои представления днем, в разгар служебного времени. Дисциплинарная власть ротных командиров недостаточна, чтобы справиться с массовым нарушением дисциплины.

Находящиеся на суше матросы превращаются в проблему, все настоятельнее требующую разрешения. И адмиралы находят разрешение. Составляются роты, белые матросские формы заменяются защитными. Несколько дней отпуска на родину, затем их погружают и отправляют во Фландрию.

Разрешение проблемы носит название—Фландрия.

«Уложить мешки. Отправка на П. В. II».

Так гласит приказ, который вырывает триста пятьдесят матросов и кочегаров из экипажей Вильгельмсгафена и сколачивает из них корабельную команду. «П. В.» означает официально «Пароход вспомогательный». Но в матросских столовках и кабачках существует иная расшифровка этих двух букв, молниеносно освещающая характер и особенности такого рода судов: «Пароход вознесения». Вознесение—второй вариант разрешения проблемы сухопутных команд.

— На четыре рассчитайсь. Направо кругом, марш!

Нагруженные вещевыми мешками, проходят они по улицам. Командует старший боцманмат Вейс из второй роты.

— Я бы все равно недолго еще выдержал,—утешает себя кто-то.—Каждый день капуста или репа и сухой хлеб. Этому теперь конец.

— Если б знать, что кроется за этим «П. В.»?

— Будь покоен, это мы скоро узнаем.

— Не хуже, чем Фландрия, во всяком случае.

Через ворота I проходят они в гавань, мимо бараков, мастерских и гор угля приближаются к большому грузовому пароходу.

— Отделение, стой! Снять вещевые мешки!

Два ряда матросов. Кочегары уже выстроились. Старший боцманмат и старший машинист подымаются по фалрепу и рапортуют дежурному офицеру:

— Палубная команда на месте!

— Машинная команда на месте!

Дежурный офицер, с рукой у козырька, рапортует старшему офицеру:

— Экипаж корабля на месте!

Выстроившиеся на набережной матросы во все глаза разглядывают черную громаду подымающегося из воды корабля: четыре мачты, две трубы. Многим знаком силуэт этого корабля. Команда стоит «смирно», не имеет права поворачивать голов, и все же словно ветер проносится по рядам. Каждый видит что-нибудь; а кто ничего не увидел и не знает, передает, что ему сказал сосед.

— Ребята, чуете? Вторая труба не настоящая, картон. Увидите, все это дело будет картонное.

— Мачты, трубы, палубные надстройки: «Бельгравия».

— Название на носу соскоблено, но это «она».

И действительно—это «Бельгравия», известная каждому моряку между Гамбургом и Нью-Йорком как старое корыто и губительница душ. Не один отказывался в управлении портом плавать на этом судне. Джимми сделал на нем рейс.

— С транспортом лошадей,—говорит он,—бедным конягам перешибло ноги: до того качает эта калоша.

Старший офицер опускается по сходням. Седые волосы, серые ясные глаза, свежее симпатичное лицо.

— Хороший парень,—говорит кто-то, плававший под его началом.—А тот, который с ним,—чучело.

— Вольно!—командует старший офицер.

Второй офицер, одновременно старший артиллерист

и заведующий личным составом, начинает выкликать имена по списку.

— Ганс Петерсен!

— Есть.

— Альрих Бусколь! Ян Гойлен!..

Каждый матрос получает свою табличку с обозначением его постов на военной вахте, при полной боевой готовности, тушении огней, его места у стола и для спанья.

Кудль Бюлов тоже здесь. Всего четыре дня назад он попал в роту, и его сразу же назначили сюда. Дирк Бутендрифт немногим дольше пробыл на судне: всего навсего две недели. Когда выкликают Бюлова, он, по мнению старшего артиллериста, недостаточно быстро выскакивает вперед.

— Назад, еще раз! На нашем корабле вам придется пошевеливаться. Это я вам всем наперед говорю.

У старшего артиллериста мягкий лирический голос:

— Станислав Туруславский...

Гойлен прислушивается.

Действительно, это Туруславский. Гойлен пихает Бутендрифта в бок:

— Этот рыжий, Туруславский, он тоже здесь.

После того, как кочегаров подразделили на дивизионы, все подымаются на борт. На носу в средней палубе, служившей раньше складом для груза, а при перевозке скота—стойлом,—устроен кубрик для экипажа.

Всем предоставляются шкафчики, места для гамаков и для еды. После получаса, данного на устройство, раздается свисток боцмана:

— Стройся подивизионно для назначения нарядов!

Все стоят на палубе в серой рабочей одежде, первый

дивизион—на штирборте, второй—на бакборте. Фельдфебель бакбортной смены—Пауль Вейс. Распоряжения он отдает краткие и точные.

— Два, четыре, шесть... десять! Налево кругом. На берег, таскать ящики. Следующие десять! Погрузить на корабль штабель досок с берега. Следующие! Переноска боевых припасов! Подмести кубрик! Вычистить гальюны!

Перед матросом Гойленом Вейс останавливается.

— Умеете писать?

— Так точно, господин старший боцманмат,—отвечает Гойлен. При этом он скомкал и почти проглотил «господина старшего боцманмата».

Именно этого желает Пауль Вейс. Кратко, определенно, по-солдатски—это все, что нужно. Ему бы наплевать на «старшего боцманмата» и все прочие отличия ранга, если б они не давали права на большее жалованье.

— Хорошо, вы будете моим дивизионным писарем. Ступайте вниз, составьте списки отпусков!

Корабль похож на муравейник.

Матросы, кочегары, целая армия портовых рабочих. Тысяча и даже больше людей. Толкутся, таскают железо, доски, боевые припасы, ящики, мешки. Стучат, клепают, пилят. Крики несутся с борта на берег и с берега на борт.

То одна, то другая группа матросов укрывается в кубрике. Там они сидят, сгрудившись вокруг столов, пьют холодный чай и обмениваются впечатлениями.

— Устанавливают восемь пятнадцатисантиметровых орудий и четыре минных аппарата!

— И все замаскировано, с берега не видать.

— Наш старый бродяга этого не выдержит.

— Для чего это все делается?

— Ясно, как шоколад! Хотят создать новую «Чайку». «Чайку» тоже здесь снаряжали. Она называлась просто «П. В. I».

— Мы погрузили провиант для тропического плавания.

— А Джимми уронил ящик...

Но Джимми сам тут.

— Вот так, углом,—говорит он.—Ящик сразу поддался. И что в нем было? Пробковые шлемы.

Пробковые шлемы! Винтовки! Установка минных аппаратов!

— Нет, на такое дело ищите дураков,—говорит Гейн Матизен.

— Летом отсюда отплыл пароход «Мари», груженный боевыми припасами и орудиями для восточной Африки,—утверждает кто-то.—Об этом пароходе никто больше не слыхал.

— А «Либава» с лейтенантом Шпиндлером, доверху груженая винтовками и патронами для ирландских революционеров! Поймана при выгрузке у ирландских берегов!

Бесконечно нанизывается цепь предположений о цели и назначении корабля. Группы людей, хорошо между собой знакомых, сидят вместе. Они глубоко затягиваются из своих трубок и обсуждают возможности удрать с этого корабля. Им приходится кричать, чтобы услыхать друг друга. Тяжелые пневматические молотки... Несколько дюжин таких молотков в движении, заклепывая подставки для орудий. К тому же шипение автогенных сверл. В плитах палубы просверливаются круглые отверстия, красные и зеленые искры сыплются в жилую палубу.

— Эй, за работу! — спугивает сидящих за столом людей боцманмат, коренастый, коротконогий парень с красным лицом и запущенными, с проседью, усами. Морской

ополченец старых годов. Люди подымаются нехотя. Уже стемнело, и зажглись ряды электрических ламп.

— Еще хоть две-три затяжки, боцманмат!

— Дай покурить маленько. Только сейчас спустились.

— Все равно... марш на палубу! Дружба дружбой, а служба службой.

Лампы над кораблем затемнены сверху из опасения воздушного нападения. Работа продолжается. Лебедки скрипят, а по крутым сходням подымается бесконечная вереница нагруженных кули.

— Во-от!—орет гамбургский котельщик Матизен и скидывает с плеча штабель досок, чуть-чуть не на ноги молодому лейтенанту. Лейтенант фон-Биркгоф, длинноногий, в затянутом в талию мундире:

— Растяпа!

Больше он ничего не говорит и отходит молча. Командир заявил, что он в матросах больше ценит трудоспособность и морской опыт, чем военную выправку.

Наконец наступает отдых, но только для экипажа. В порту попрежнему работают денные и ночные смены.

Рядом с растянутыми гамаками гремят пневматические молотки и трещат искры раскаленного металла. Матросы натягивают шапки на глаза. Лишь под утро удается заснуть. Испарения тел мягкой пеленой стелются под самый палубный бимс. Сквозь открытый люк виднеется небо, еще подернутое влажной мглой и спокойное. Но уже начинает светать.

— Вставай! Живо! Свернуть гамаки.

Через полчаса—завтрак. Дают кофе и хлеба вдоволь. Каждый получает еще и кусок колбасы.

— Эту добавку выхлопотал старший офицер.

И еще о старшем офицере:

— Вчера вечером я сошел на берег без отпуска. У первых ворот встречаю нашего «старшего». «Вот влип!» — подумал я. Но ничего. Он отвернулся, как будто меня и не видал.

— С сегодняшнего дня дают отпуска. Ян записывает фамилии.

— Стройсь для назначения нарядов!

Работа продолжается. Днем матросы прячутся сколько возможно в жилых палубах и портовых писсуарах. «Старший» смотрит на это сквозь пальцы. Не разрешая этих передышек, он не может требовать от своих людей столь усиленной работы. Вечером матросы сходят на берег, часто немытые, накинув лишь бушлат на рабочую одежду.

Снаряжение корабля продолжается без перерыва. С виду беспорядочная возня, горячка, раздробляющая дни и расплавляющая ночи. Но этот хаос досок, ящиков, металлических частей имеет свою закономерность. После двухнедельной страды, когда матросы и кочегары днем набивали углем утробу черного чудовища в десять тысяч тонн, а ночью на берегу шумно праздновали расставание или засыпали на корабле под неумолчный грохот молотков, — корабль готов к отплытию.

О том, чтобы «смыться» с корабля, больше нет речи.

Сравнительно хорошая еда является аргументом против, и еще старший боцманмат Вейс. Пить он умеет, как сапожник, но парень дельный. Другой вахтой командует боцманмат «Алкоголь», тот самый усатый ополченец, тоже парень не промах. Никаких унтер-офицерских финтифлюшек, в роде парадной тужурки, блестящих пуговиц, перчаток. Правда, есть и другие: коровьи физиономии с вытаращенными, жесткими, как стекло, глазами. «Так точно, господин лейтенант!» — «Есть, госпо-

дин обер-лейтенант!» Каблуки щелкают. С начальством трус, с подчиненным гнус. И все же Пауль Вейс задает тон, а боцманмат «Алкоголь» и некоторые другие его поддерживают.

И еще старший офицер. Часть экипажа добровольно перешла с ним с другого корабля.

— Такого второго нет во всем флоте,—говорят они.— Его посадили на наш корабль только затем, чтоб от него избавиться.

Остальной командный состав—длинноногий минный офицер, адъютант, старший артиллерист—ощущаются как ненужная декорация.

Находящийся неподалеку от корабля писсуар весь день битком набит. С примыкающей уборной в нем место для пятидесяти человек. Но прошли те времена, когда здесь можно было удобно расположиться. Стульчаки перестроены, они сконструированы с углом в сорок пять градусов. Никто не сидит дольше, чем вынужден. Ноги болят, и при малейшем движении твердый край нажимает в крестец.

— Наклонные стульчаки—тоже изобретение. Кто это только выдумал?

— Какой-нибудь взбесившийся сухопутный адмирал. У нас ведь существует целая свора этой породы.

— Стульчаки для уборных изобретать умеют, а лафеты башенных орудий?! После боя у Догербанка они попытались наладить это дело. А выиграли всего один километр, я сам это слышал от нашего командира башни.

«Адмирал» тоже здесь. Броненосец стоит в доке для починки котлов.

— Ваш старший артиллерист привез-таки своего пса?

— Да, он с ним прогуливается по палубе.

— У него голос, как у длинной шансонетки в кабаке «Кайзеркроне».

Ганс Гримм, дежуривший вчера у кают-компании, рассказывает:

— Вчера старший артиллерист просовывает голову в дверь. «Эй ты,—говорит он мне,—скажи моей собаке Гансу, чтоб она пришла ко мне в кают-компанию. У меня для нее кое-что имеется».

Уборная сотрясается от грохнувшего дружного смеха, похожего на ржание.

— ...его собака Ганс. Ганси!

— Если мы попадем в бой, наш командир все равно отберет у него командование артиллерией.

Командир раньше был артиллерийским офицером во флоте. Его еще почти никто не видал. У него остроконечная бородка и темные грустные глаза.

— Чорт знает, почему они посадили его на эту калошу.

— Я все же предпочитаю «махины». Мы не выходим в море. Шиллиг-рейд, и больше ничего! А если уж выйдем—броневые плиты толщиной в триста миллиметров, за ними безопасно и сухо!

— Собачка Ганси. Я ему еще перешибу бревном позвоночник, раньше чем смоюсь с нашего корыта,—говорит Гейн Матизен.

Он твердо решил «смыться». Он не отдал чести, просрочил отпуск—ничего не помогло. А за более серьезный проступок—крепость.

— Эх ты, вот балда!—говорит матрос с линейного корабля.—Дело простое: достаточно небольшого триппера.

— Да, но когда он нужен, то его не подцепишь.

Они уединяются в угол:

— Но, смотри, держи язык за зубами.

— Могила,—говорит Гейн, записывая адрес, квартиру, женщины, известной под именем «Гонококк».

— У минометного дивизиона тоже есть своя!—говорит матрос, засовывая в карман предложенные ему папиросы.—Но хватит и этой. Уж будь покоен!

В этот вечер бакбортная вахта получает отпуск.

— Пойдешь с нами в «Кайзеркроне»?

— Нет,—говорит Гейн Матизен,—у меня есть дело.

Он прощается с Яном и Дирком и уходит один по направлению к Мариензиль. Фонари затемнены сверху и сбоку. Улицы скудно освещены. Желтые лучи света почти отвесно падают на мостовую. Поля за городом тонут во тьме. Домов вдоль шоссе,—где живут портовые рабочие, крестьяне-бедняки и семьи солдат,—не видать совсем. Все окна домов в районе Вильгельмсгафена затемнены. Патрули имеют приказ следить за плохо занавешенными окнами. Лишь подойдя к ним вплотную, Матизен замечает дома. Ощупью добирается он до угла. Здесь, должно быть. Он стучит. Внутри что-то шевелится.

— Откройте!—кричит Гейн Матизен.

На столе стоит грязная тарелка. За наполовину отдернутой занавеской, возле железной печки—горшки и немытая посуда, накопившаяся не меньше, чем за неделю. Вот первое, что увидел Гейн Матизен. Лица женщины он не заметил. Бесцветный, отливающий серым крысиный хвостик косы болтается вдоль спины. Гейн кладет пакет на стол и после «Доброго вечера» не находит что сказать.

— Печь дымит,—выговаривает он наконец.

— Да, сегодня еще сносно. Иногда бывает совсем невыносимо. Хозяин не хочет чинить.

— Трубы засорены, их надо прочистить.—Он пускает-

ся в пространное поучение о тяге и правильном обращении с железными печами.—Да, хороший знакомый прислал меня сюда. Впрочем, у меня мало времени. Я сошел на берег без отпуска,—врет Гейн.—Я принес пакет. Вот он лежит на столе.

Она садится к нему на кровать. Нельзя обойтись без того, чтоб она не задрала юбки. Смотри-ка: на ней сапоги 8,8 и фланелевые казенные подштанники. Гейн уже раньше заметил, что на ней надет морской тельник в синих полосках до самой ключицы. Основное занятие «Гонококка»—чистка картофеля в подвале матросской кухни. Это можно заметить по коже на ее руках и по запаху.

— ...В Гамбурге я тоже бывала. Я жила в Аймсбюттеле.

Над кроватью висит фотография, молоденькая девушка в белой матроске, с длинными косами. Подле фотографии лубок: «Последний матрос на борту военного корабля «Лейпциг». И картинки из иллюстрированных журналов: адмирал Тирпиц, с длинной седой бородой, и кайзер в походной форме, с женой, по дороге в берлинский собор.

— Так не годится. Нельзя ли прикрутить лампу?

Матизен встает, возится некоторое время с лампой и возвращается к кровати. «Гонококк» кажется сейчас нереальной, как нереален портрет девушки с косами на стене.

За свои услуги она немного получает. Кули и так вынуждены довольствоваться караваем хлеба на шестерых. Но иногда ей к порции хлеба дают чего-нибудь в придачу. Она каждый раз очень старается.

Ее старое тело сотрясается в судорогах.

— Ладно уж, хватит!—отдувается Гейн Матизен. Он не увеличивает огня в лампе. С собой он принес полхлеба и кусок колбасы.

— Здесь на столе я оставляю пакет. А теперь мне надо скорей на борт. Прощай!

На улице он чуть не натыкается на дерево. Ничего не видать, кроме слабого мерцания, висящего над домами Вильгельмсгафена.

После обхода целого ряда кабачков (говорят, водка способствует этой штуке, только бы «Бельгравия» не отплыла раньше срока) Матизен остается в кабарэ «Кайзеркроне».

Большой сарай с несколькими сотнями стульев и желтыми мореного дерева простыми столами. Женщин не видать. В Вильгельмсгафене вообще нет женщин, если не считать офицерского бабья. У столов сидят только матросы и кочегары. Жидкое пиво стоит перед ними, и жидкие остроты военного времени преподносятся с подмостков. Но после известной порции алкоголя всякое плоское слово становится глубокомысленным.

Песня, которую с подмостков поет пятипудовая «Германия»,—ерунда. Но припев, подтягиваемый всеми, хлесткий. В нем что-то есть. Неоспоримая истина, которую Гейн только теперь вполне улавливает.

Вот сидят Ян и Дирк, с ними старший боцманмат Вейс. Все трое широко разинули рты: они поют. Они орут припев песни «Германии» так, что клубы табачного дыма в сарае начинают колебаться. Матизен тоже с воодушевлением подхватывает:

Весь этот наш поход
Не скорый пароход!
Бумаги ты возьми,
Глаза себе протри!

— Добрый вечер, старший боцманмат!

— Что, старший боцманмат?—Пауль Вейс выпрямляется.

— Ах, это ты! На, лакай, заткни свою непочтительную глотку.—Он пододвигает Матизену недопитый стакан и заказывает еще пива.

— ... Этот Туруславский, —с ним господа истопники уж справятся. Жаль парня!—заканчивает Вейс прерванный разговор.

У стола внезапно появляется кельнерша с пивом. Табачный дым и испарения алкоголя окружают стол плотной стеной, превращая каждый свободно стоящий столик в отдельный кабинет.

— Будь здоров! Девочка, не убегай!—При этом он хлопает ее по заду.

Кельнерша охотно прощает старшему боцманмату эту вольность. Вильгельмсгафенские девушки считают людьми только тех, у кого якорь и корона—жалованье старшего боцманмата и пенсия; все, кто ниже этого ранга,— кули. Девушка ждет, пока все четверо кончают пить. Пауль Вейс заказывает бутылку вина; он получил вчера жалованье. Вино никуда не годится, зато цена кусается. Ли Арндт, высокая шансонетка, с которой Ян подружился во время пребывания в роте, кончив обход с открытками, подходит и садится к столу.

— Возможно, что мы уже завтра уедем!—говорит Ян.

— Разглашение военных тайн!—вставляет старший боцманмат Вейс.

— Я выставила Блонди!—отвечает Ли и смотрит Яну в лицо.

Пауль Вейс подымает стакан, чокается со своими матросами.

«Ты» говорит он каждому вместо «будь здоров». Он выговаривает это многозначительно каждому в отдельности. К Ли Арндт, у которой худое лицо и умные глаза и которая имеет более аристократический вид, чем любая принцесса, виденная им в течение девятилетней службы в мирное время на военных кораблях, он обращается на «вы». Он прямо-таки извиняется перед ней.

— Неописуемое поведение, подрывающее дисциплину. Наш старший артиллерист сказал бы то же...

— Старший артиллерист!.. Ганси! — орет Гейн.

— Но что ж мне делать? Этот вот мальчик — мой дивизионный писарь и моя правая рука. Вчера, когда дежурный обходил корабль, я двух слов связать не мог, в лежку лежал. Пьян, как стелька. Ян хватает меня и завешивает целым складом шинелей. Пауля Вейса и следа не осталось. Посудите сами, фрейлен, — моя правая рука. Я ведь не могу говорить ему «вы». А вот Гейн. Мы с ним валялись вместе не в канаве. В Северном море. Гейн, друг, помнишь? Наша старая «Ариадна». Как она внезапно перевернулась, и боковой киль и выкрашенное в красный цвет дно поднялись над водой!

— Еще бы, боцман! На мне был спасательный пояс, и он лопнул!

— Вот видите, фрейлен! К тому же Гейн принадлежит к почетной профессии котельщиков. Что бы сталось с мореплаванием без котельщиков? А Дирк Бутендрифт: кулаки, руки, плечи. Потрогайте, фрейлен! Посудите сами!

Откупоривают вторую бутылку. На подмостках музыкальный клоун наигрывает на пивных бутылках «Die Wacht am Rhein»[1]. Немецкие и австрийские флаги, ви-

---

[1] Национальный германский гимн. (Прим. перев.)

сящие крест-накрест на всех столбах зала, тонут в густых облаках.

— У меня отпуска нет, но это не важно! — говорит Ян.

И Ли отвечает:

— Хорошо, ты пойдешь со мной. Я уж все устрою. Завтра, может быть, будет слишком поздно!

Дирк тяжело сидит на стуле. Он думает о «Бельгравии». Неожиданно он говорит:

— Будь, что будет. Пора уж вырваться из этого болота! Пускай нас всех арестуют.

«Нас всех».—Старший боцманмат Вейс нашел слово. «Мы» запрещено и подлежит наказанию. Вдвое и втрое учитывается каждый проступок, если он предполагает содружество. Но Пауль Вейс любит запрещенное. Пятнадцатилетним мальчиком он пробрался на корабль, законтрактовался на двенадцать лет. Проклятая пропаганда флота! Он мечтал о море, союзе отважных мореплавателей. Он нашел казарму и муштру.

— Они превратили меня в старшего чистильщика орудий, старшего чистильщика сапог, старшего чистильщика гальюна! Эй, еще бутылку вина!

Ничего другого не остается. Какой правильный инстинкт был у этих ребят. Матросы торговых пароходов списываются, если судно им не по вкусу, остаются на берегу, где им вздумается. Принудительно призванные в нерегулярные сроки.

— Будь здоров, Дирк! Будь здоров, Ян! Ты, мы — и впредь всегда так. Но, сами знаете, на борту...

Старший боцманмат Вейс принимает военный вид. Вскакивает:

— Матрос Бутендрифт! Матрос Гойлен! В уме ли вы? Не подходить! Руки по швам!—Он так орет, что за

соседними столиками оглядываются, и хозяин подбегает:

— Не позвать ли патруль?

— Ладно. Так принято обращаться на кораблях,— кивает ему Пауль Вейс.—Но вы, ребята, будете знать, в чем дело. Подмигнешь вот так, уголком глаза... Уж мы поладим!

— Решено, Ян! Еще один раз мне надо выступить, тогда мы пойдем. С открытками я покончу.

Ли Арндт прощается со всеми. Еще несколько человек с «Бельгравии» подходят и садятся за столик.

— Завтра отправляемся,—говорит кочегар Балтен.

— Maskie!..—орет старший боцманмат Вейс.

Это слово, перенятое «христианскими мореплавателями» у населения одного из малайских островов, означает, примерно: «Долой навигацию, отдаем руль дьяволу в руки».

— «Maskie»!—При этом Вейс швыряет все содержимое своего кошелька на стол. Матросы и кочегары следуют его примеру.

—Хозяин! Принеси пить, все равно что, за все деньги.

Ян и Ли ушли. На столе вырастает батарея пустых и недопитых бутылок. Герльс на подмостках, кажется, исполняют свой танец на другой планете. Все напились, только Бутендрифт, кочегар Балтен и старший боцманмат еще более или менее в форме. Пауль Вейс встает. Чем больше рюмок он пропустил за галстук, чем неопределеннее и неустойчивее становится окружающий его мир, тем прямее и точнее двигается он сам. Это не имеет ничего общего с дисциплиной—это его собственный закон. Либо держаться на ногах, либо свалиться совсем—середины нет. Вейс стоит у стола, как свеча:

— Пауль Вейс, старший боцманмат имперского фло-

та. Фельдфебель второго дивизиона на корабле его величества «Бельгравия»!

— «Бельгравия» соскоблена,—прерывает его, смеясь, кочегар Балтен.

— Итак, во имя всех чертей: Пауль Вейс, с корабля его величества «Пароход вознесения». Такого-то отправляется произвести смотр дочерям страны. Кругом марш! Курс—Порт-Артур!

Оба оставшихся глядят ему вслед. Он идет между столиками кратчайшим путем к двери.

— Он ведь все свои деньги выложил на стол!

— Ну, да это ничего! Он свое дело сделает и без денег!

— Наш старший машинист—свинья!—говорит кочегар. Они выливают остатки из бутылок в стаканы, пьют, затем подымают товарищей.

— Шабаш! Айда на борт!

Четыре дня «Бельгравия» простояла в верфи. На ней еще устанавливали целую систему труб и жестяных цистерн—аппарат для искусственного тумана, скрывающего корабль. На третий день Гейн Матизен явился в лазарет. На четвертый утром, когда еще не рассвело, он сошел на берег.

Час спустя корабль готов к походу.

На мостике штурманский офицер, адъютант и старший артиллерист Ганси. На баке старший офицер, Пауль Вейс и штирбортная вахта. На юте лейтенант фон-Биркгоф и штирбортный дивизион со своим фельдфебелем.

— Отдать швартовы!

Сначала передние тросы с плеском ударяются по воде, потом задние. Их передают из руки в руки. Винт приходит в движение, пароход отваливает. Королевская га-

вань Вильгельмсгафена медленно скользит мимо. Утреннее солнце пламенем, как красными чернилами, обливает сотканный из дыма и железа Вавилон бешеной работы. Стоящий на стапеле недостроенный крейсер походит на лежащее на морском дне сплюснутое днище корабля, а красные огни похожи на лужи крови.

Кули и стоящие на палубе кочегары свободной смены не знают направления рейса. Они знают только то, что на борту провиант для многомесячного плавания в тропиках и семь тысяч тонн угля; что они находятся на корабле с маскировкой из двух труб и переносных матч, и что целая система кулис скрывает орудия и минные аппараты. Они даже не знают имени корабля. Оно еще лежит скрытое в недрах секретных архивов. Одно только вне сомнения—пароль корабля: вознесение!

Стена над Вильгельмсгафеном—пар, нефтяной дым, туман—становится площе. На внешнем рейде корабль начинает качать. Борта гудят. Волны вздымаются и кидают в лицо матросам ледяные брызги.

Три часа плавания!

— У якоря готовьсь!.. Отдать якорь!

Якорь зацепляет за дно. Корабль качается, натягивая цепь. Стали на якорь.

— Все на бак!

Первый, второй и третий дивизион, вахта кочегаров и офицеры выстроились. На мостике, возвышающемся в два человеческих роста над палубой, стоит командир.

— Подойти!

Экипаж столпился вокруг мостика.

— Приведение в готовность нашего корабля прошло очень быстро. Только сейчас я имею возможность приветствовать весь экипаж полностью и выражаю ему бла-

годарность за выполненную работу. Мы стали на якорь, чтобы произвести на корабле некоторые изменения. О предстоящих нам задачах я ничего не могу сказать. Только то, что они весьма почетны, и что с нами пожелания нашего высочайшего главнокомандующего. Троекратное ура в честь его величества кайзера!

Внизу на палубе триста пятьдесят разинутых ртов.

— Ур-ра-р-ра-ра!

Получается не особенно дружно. Но, может быть, это ветер, прорвавший сейчас снежную пелену, развеял крик.

— Что я еще хотел сказать?.. В общем, я сторонник военной дисциплины и особенно соблюдения военной формы. Но в виду особенности наших задач я желаю, чтобы форма исчезла с палубы. Вахмистр взял на борт полную кладовую курток, штатской одежды, шапок; хватит на весь экипаж. Выберите себе по росту. Можете итти.

Экипаж отхлынул.

— Наш «старик»—что надо!

— Он говорил, как на похоронах.

— «Ура»-то он провозгласил потому, что обязан.

— Он сам тоже не знает, куда мы идем.

— Нет, он получил из Берлина запечатанный приказ, который имеет право открыть только в море,—сообщает один из денщиков.

Парикмахер замечает, что у командира очень грустные глаза.

— Ну, еще бы! У него жена умерла месяц назад, и к тому же—командир «вознесения».

Парикмахер полон мрачных предчувствий. Ему не удалось закупить ни одеколона, ни достаточного количества мыла. Если все будет благополучно, это боль-

шой убыток его делу! Но поставщики ничего не хотели дать в кредит. Да, раньше они тоже бывали на линейных кораблях,—говорили они.

Палубная вахта занята последними переделками на корабле. Джимми размахивает плотницким топором и сносит вторую трубу.

— Ее бы все равно ветер сдунул. Ее поставили только ради шпионов.

Джимми уже в новом штатском костюме.

— На что он похож! Выглядит, как английский лорд.

— Если мы шлепнемся задом в воду,—придется спешно переодеваться. А то англичане вздернут нас на рею как пиратов.

Длинная жестяная стена с иллюминаторами, изображавшая пассажирские каюты, также сносится, а надстройки, окрашенные раньше в белый с коричневым цвет, перекрашиваются в черный. Краски не жалеют: как вода, потоками и полосами стекает она по железной стене.

В самый разгар работы раздается сирена.

Подвахтенные подымаются на палубу. Сквозь туман пробивается корпус корабля: черный, две мачты, вторая труба как раз летит за борт. Корабль бросает якорь и поворачивается. На баке стоит часть экипажа в шерстяных фуфайках и шапках.

— Это штатские.

— Вздор! Кули в штатском!

Корабль стоит слишком далеко, чтоб можно было его окликнуть. Но хором дело, может быть, выйдет. Около двадцати человек, сложив руки рупором, орут:

— На корабль! Ship, ahoi!

Ответ приходит сразу.

— П. В. III,—доносится оттуда.

— Какое самовольство!—возмущается на мостике старший артиллерист.—Вахтенный, установите имена этих матросов. Представить их к рапорту. Теплая компания. Раньше, во время «ура», триста пятьдесят человек стояло, и ничего не было слышно.

Подходит сигналист, переговаривавшийся с кораблем.

— П. В. III из Киля.

Вспомогательный пароход III стоит не долго. Еще до наступления ночи—«выбирай якоря», и корабль исчезает в северном направлении в сгущающихся сумерках. П. В. II тоже снимается с якоря, но берет курс на юг и снова подходит к берегу.

Старший артиллерист сменился. Возле вахтенного лейтенанта стоит штурманский офицер, седоголовый капитан торгового флота. Что «Бельгравия» старая калоша,—он знал заранее. Что она не годна для плавания, в этом он сразу убедился после короткого маневра по «мокрому треугольнику».

— Корабль малоустойчив. Артиллерийское и минное барахло опасно, как плохо погруженный палубный груз. Суденышко и без того перегружено.

Штурманский офицер не знает направления рейса, но семь тысяч тонн угля—означает радиус действия вокруг всего земного шара. Может быть, удастся еще что-нибудь изменить, если переместить боевые припасы. Он подзывает караульного с мостика.

— Попросите старшего артиллериста подняться на мостик на несколько минут.

Но старший артиллерист сидит в ванне.

— Господин старший лейтенант сейчас притти не могут.

Темно, хоть глаз выколи. Море немного успокоилось. «Бельгравия» бесшумно движется сквозь туман.

Вторая и третья смены кочегаров сидят за ужином. Вдоль столов проносится слух. Балтен, бывший на берегу вместе с несколькими матросами, распространил его.

— Кочегар, выдавший товарищей в сторожевой флотилии «Е», у нас на борту.

— Во флотилии «Е»? Вы же помните — у Гельголанда, лишена боеспособности...

— Вот командир, наверно, глаза вытаращил! Его потом сменили.

— Этот самый кочегар у нас на борту. В третьей смене. Можете справиться у матросов. Там среди них есть один, его зовут Гойлен, который был в флотилии. И Бутендрифт тоже знает всю эту историю.

Вокруг Станислава Туруславского образуется пустое место. У его стола не возникает разговоров. Он, широко расставив локти, занял почти всю сторону стола. Сидящие на одной с ним скамье четыре матроса тесно прижались друг к другу.

— Еда все же лучше, чем в роте.

— И прибавки дают.

Никто, собственно, не думает о прибавке и еде. Говорят только, чтобы нарушить молчание за столом.

— К маневру готовьсь!

Матросы стоят по местам. Влажный воздух обдает лица. Холодно.

— Мы еще на Эльбе, мой нос это чует.

— И по времени выходит так.

Лицо Пауля Вейса мелькает в темноте.

— У концов готовьсь! Кудль, ты травишь. Ян, ты остаешься здесь у кофель-нагеля.

Все происходит, как на «штатском пароходе», и дело идет превосходно. Из воды подобно тени возникает длин-

ный черный мол. Несколько минут спустя огромный пароход крепко пришвартован.

— «Старая любовь» Куксгафена.

— Вон стоят железнодорожные вагоны.

Все для погрузки уже готово. Из вагонов принимают груз—морские мины. Огромные, выкрашенные в черный цвет, яйца. Их прикрепляют к крюкам, подымают вверх и переносят на корабль. На палубе их принимают матросы. Пять центнеров железа и взрывчатых веществ в каждой мине.

— Пятьсот штук, еще три тысячи центнеров палубного груза,—вычисляет штурманский офицер. Да здравствует королевское мореплавание!

— Отдать швартовы! Тихим ходом, вперед!

Железный корпус «Бельгравии» начинает вибрировать. Машины и винты работают. Медленно проплывает мимо «Старая любовь»; на самом краю светят два тусклых фонаря и стоят несколько человек. Те самые, что отдали концы.

— До свидания!—кричат они в сырой воздух.

Потом они исчезают. Исчезают и фонари.

Курс—норд-вест. Полный ход.

— Свободная вахта на гамаки!

Они остаются еще немного на палубе, втягивают воздух, глядят на высокие пенящиеся боковые волны.

— Обязательно будет снег.

— Хоть бы шел погуще, пока мы проскочим.

— А наша-то калоша как скачет прытко! Двенадцать миль!

Вахта готовит орудия. Одного от каждого орудия посылают в камбуз варить крепкий кофе.

Свободная вахта улеглась.

Грязь слепила им глаза, забила поры кожи. Они спят в платье и в сапогах. Корабль качает. Бакборт—штирборт. Бакборт—штирборт. Гамаки раскачиваются из стороны в сторону. Где-то гремит плохо прикрепленный предмет. За тонкими железными стенами шумит и грохочет море.

Плоские мели еще тянутся под дном корабля. Но курс—норд-вест и полным ходом вперед! Каждые полчаса бьет судовой колокол. Звук доносится сквозь все уплотняющиеся стены. Под конец он похож на падающие серебряные капельки.

Внезапно раздается резкий свисток боцмана.

Вспыхивает сигнал, раздается голос:

— К маневрам готовься! Все наверх!

Матросы поворачиваются на другой бок. Знаем мы это—боцманмат хочет облегчить себе работу.

Свисток «все наверх». Так они скорее подымутся. Из гамаков раздается несколько возгласов, скупых спросонья:

— Не втирай очки!

— Так мы и поверили!

— Иди ты к...

Как скоро подошла вахта!

Встать придется неизбежно. Они снова зарываются в темные глубины, хоть на несколько минут! Сознание, что никто не поднялся, действует как теплое укрывающее одеяло.

Никто не шевелится.

Нет, все же, один.

Корабельный парикмахер Вилли Реслер проснулся окончательно. Он как натянутая пружина, которая соби-

рается сорваться и понестись в пространство. В чем, собственно, дело? Почему боцманмат убежал после свистка? Корабль имеет иное положение, чем когда они укладывались. Он лежит бортом в море. Изменили курс? Наверху ничего не слышно. Но почему не остался боцманмат? Вилли Реслер уставился на раскачивающиеся гамаки. Гамаки исчезают. Непроницаемая тьма.

Красные глаза дежурных ламп погасли.

Вот снова боцманский свисток. Грохот, шаги по трапу, боцманмат «Алкоголь». Он орет:

— Подыметесь ли вы? Корабль идет ко дну.

Парикмахер с сапогами в руках—к трапу. Вся свободная смена, кочегары, матросы—к трапу. Целый поток тел—вверх по трапу и в люк!

Кудль Бюлов еще может говорить.

— Тихо, ребята! Спокойнее! Мы все выберемся на палубу.

Бутендрифт не пользуется своей силой, он продвигается в общем ряду. Только наверху вспоминает он о своих кулаках и вышибает заржавевшую раздвижную дверь.

Проход расширился.

На лицах мерцает слабый отсвет. На палубе снежная метель. Несколько матросов из вахты в пристегнутых пробковых поясах пробегают мимо. На мостике горит клотиковая лампа. В самом деле—керосиновая лампа. Свет теряется в снежном воздухе. У корабля крен на бакборт. Из средней части корабля вырывается пар.

— Дорогу!—Проносят два безжизненных тела, укутанных в шерстяные одеяла. Машинист и кочегар ошпарены.

— Шинель, офицерская фуражка, Ганси!

Он не приказывает, поясняет:

— Главная паровая труба лопнула. Котлы могут взорваться. Мины...

Мины! Шестьсот мин! Над машинами, у которых лопнули трубы. Над котлами, которые сейчас взорвутся!

На верхней палубе двигаются фигуры. Спускают шлюпки.

— Только восемь человек в мою шлюпку!—орет минный офицер.—Восемь человек! Специалистов, которые умеют грести.

При нем туго набитый чемодан. Но шлюпку спустить невозможно. Короткие волны Северного моря, возникая из метели, кидаются, как звери. Корабль все больше накреняется на бакборт.

Командиру докладывают о положении:

— Корабль на мели.

В средней части корабля глубина четыре метра.

На носу и корме глубокая вода.

Следовательно: корабль сел на мель только средней частью. Провисает кормой и носом. Вся конструкция погнута. Течь в нескольких местах. Заклепанные швы разошлись везде. В настоящий момент корабль вне контроля.

Таково донесение штурманского офицера.

Инженер:

— Опасность взрыва котлов устранена! Кочегары выгребли огонь из-под котлов, но в помещении вода. Проникла во все отделения, всюду вода. Одна из бункерных стен лопнула. Корабль разваливается.

Командир,—на стене его каюты—портрет недавно умершей жены, вообще окружен трофеями несчастий,—грозит кулаком в неизвестность. Грозит верфи, морскому генеральному штабу.

— Снабдили нас такой дрянью.

— Постройка 1908 года, английской верфи,—подтверждает штурманский офицер.

— Германия тогда еще не была в состоянии строить корабли таких размеров,—поясняет инженер.

Слышно, как отскакивают заклепки. Треск, как из пулеметов...

— Бутылку пива, две папиросы...

— Пива и пару сигар...—Команда толпится около корабельной лавочки. Им отпускают в кредит. Заведующий лавочкой записывает: пиво, сигары, папиросы, жевательный табак...

Цепь лиц перед раздвижным окошечком не прерывается. Боцманмат терпеливо записывает: чин, имя, взятое в кредит,—до тех пор, пока крен на бакборт не достигает такого угла, что бутылки скатываются с полок на палубу. Боцманмат плюет в книгу, швыряет ее на кучу осколков и кричит, убегая:

— Шабаш! Сами берите, что хотите!

Ручная помпа на носу выкидывает струю толщиной в руку. Вода, проникающая в корабль, неудержимо подымается. Матросы бросают помпу.

— Не стоит! Баста!

В лавочке раздаются удары топора, рушится стена. Путь в офицерскую кладовую свободен. Пиво, шампанское, колбаса, ветчина! Все это добро ящиками перетаскивается в кубрик.

Машина под водой. Нет ни отопления, ни освещения, радио бездействует. С мостика взлетают к небу сигнальные ракеты.

С кормы все еще продолжают скатывать мины.

Ноги скользят по наклонной, занесенной снегом па-

лубе. Стальные яйца холодны, как лед. Руки коченеют. У подталкивающих растаявший снег и свежая краска стекают вдоль руки под рубахи.

Группы скатывающих мины все уменьшаются.

— Как тихо стало,—говорит Вилли Реслер. Он обессилел от непривычной работы. Его группа, три человека, оставляет мину и прислушивается к темному юту.

— Там вообще никого больше нет.

— Надо поглядеть, куда все девались.

Они взбираются по лестнице, бегут по верхней палубе. Перед кают-компанией еще стоит часовой.

— Они там все здорово нализались,—говорит он.— На мостике только командир, штурманский офицер и вахтенный.

— А куда все наши девались?

— Все впереди, в кубрике.

Люк, ведущий в кубрик, широко открыт. Внизу мерцает слабый свет свечей и якорных фонарей, недостаточный, чтоб осветить большое помещение. Голодная и полузамерзшая группа ощупью спускается по трапу. Взломанные ящики с пивом, бутылки шампанского, морские сапоги. Кули в пробковых поясах валяются на полу, зажав в кулаках бутылки и куски колбасы.

— Алло, цырюльник, и ты тут!

Что-то ударяется ему в живот—большой кусок копченого сала.

— Жрите, ребята, пейте!

— Вы опоздали. Эти двое сейчас сцепились. Стоило посмотреть. Да поглядите-ка, глядите!...

Шкапчики опрокидываются. Бутылки, куски дерева летят по воздуху. Вихрь, куча обломков! Две фигуры! Труславский и Бутендрифт!

Тураславский стоит, рубаха на нем свисает клочьями: грудь Бутендрифта вздымается, как мехи. Лиц не видать, только два больших лохматых силуэта. Позади обоих висит якорный фонарь.

Они кидаются друг на друга.

— Не подходи, цырюльник!

— Однажды я видел двух ястребов в воздухе, когти, клювы.

— Эх, вот это класс!

— Ишь, он все-таки подымается.

Туруславский упал на колени от удара, скользнувшего по голове и пришедшегося на шею. На одно мгновенье только, сейчас же он снова вскакивает. Кровь стекает с его лба. Но ему все-таки удается схватить противника.

Туруусллавский и Бутендрифт, три центнера мускулов и костей! В бешеном движении! Летят лохмотья. Они сцепились в клубок, несущийся по помещению, ударяющийся об стены и вновь отскакивающий. Опрокидываются еще шкапчики. И никто из них не ругается.

Ни слова!

Матросы кругом тоже стихли. Они бросили бутылки и забыли о колбасе, зажатой в кулаках. Они не думают о «Бельгравии» и о том, что корабль погружается все глубже.

Есть! Удар приходится по глазам.

Бутендрифт разжимает зубы:

— Вот это за флотилию «Е»!—Он шатается. Он вцепился рукой в горло противника и не отпускает его.— За флотилию «Е», за «Блауе Балье» и за твое предательство!

Корабль, застрявший на мели, как на качельных под-

порках, чуть заметно вибрирует. Заклепанные швы трескаются; головки заклепок жужжат по комнате, как пули дум-дум.

Лицо Туруславского синеет.

Но вот... ему удалось извернуться и ударить противника в пах. Бутендрифт вскидывается, как бык. От внезапной боли он разжимает руку.

Туруславский снова свободен.

И опять они стоят друг против друга.

— Дирк... Станислав! Вы оба идиоты!

Пауль Вейс становится между дерущимися.

— Кто знает, сколько продержится еще судно. Может быть, еще полчаса—и все кончено. И мы пойдем рыбам на корм! Пейте лучше!

Но те двое друг друга больше не отпускают. Туруславский вытирает кровь с лица и снова кидается.

— Шампанского!

Пробки хлопают.

Туруславский получает удар, который сваливает его с ног. Хрипя, он падает на железный пол.

Бутылки звенят. Кулаки! Головы! Крики!

— Туруславский!

— Бутендрифт!

— Шампанского!

— Ветчины!

— Жрите!

— Пейте!

— Да здравствует кораблекрушение!

Уж эти старинные сооружения! Так же, как и старинные здания: балки, подпорки на веки-вечные! Как будто железо в те времена ничего не стоило. «Бельгравия» еще

держалась, после того, как заклепки целыми рядами повыскакивали, и связки во многих местах перекосились. Это старое сооружение выдержало даже то, что его из плавающего корабля мимоходом превратили в качели с нагрузкой в сто тысяч центнеров на каждом конце.

Якорные фонари в жилой палубе погасли. Под трапом висит открытая коптилка и борется со светом. Рассветает. На средней палубе беспорядок, валяются гамаки, хлопают дверцы шкапчиков.

Все матросы исчезли.

Шкапчики пусты.

Один матрос лежит забытый между кучей швабр. Он с трудом приподымается. Голова, как камень, просто-напросто камень, без нервов и мозгов. Вот пьянка была! И нажрались же! Но какой же у него на плечах пизной котел. Ах да, «Бельгравия»! «Уложить вещевые мешки! Все на верхнюю палубу!» Так, кажется, кричал кто-то.

Но потом, что было потом?

Матрос Ганс Гримм подымается.

Пустые шкапы уставились на него. На темной переборке мелом написано:

«Выехали в виду сырости квартиры».

Что это, шутка?

Ганс Гримм наконец встал на ноги. Он чувствует себя как в безвоздушном пространстве. Он забыл про свою голову и налитое свинцом тело.

— Вот чорт, вот чорт!..

Шатаясь, он подымается по трапу навстречу серому небу. Он сталкивается с цепью матросов, несущих толстый пеньковый канат, и разглядывает их, как чудо.

— Эй, Ганс, ты таращишь глаза, как недорезанный теленок.

— Не стойте на дороге. Беритесь за работу,—ворчит боцманмат.

Ганс Гримм еще не может притти в себя. Он становится в ряд и помогает тащить канат.

— Что случилось? Вы ведь уложили вещевые мешки?

— А ты где был?..

Канат перетаскивают на бак. Пять, шесть, восемь канатов натянуты так, что гудят. На конце каждого каната—миноноска.

«Бельгравию» стаскивают с мели.

По сторонам также стоят лодки. Они подхватили цепями корпус корабля, косо, без дыма лежащего на воде. Против средней части корабля стоят водоотливные пароходы—«Реттер» и «Голиаф» из Бремена.

Старенькая мисс «Бельгравия», окруженная свитой кораблей, с водой в утробе и тяжелым креном, возвращается из своего последнего плавания. Она неавантажна. Неавантажны и кули, находящиеся на ней.

«Запойная дама» основательно глотнула воды из Северного моря, слишком основательно для своих возможностей. Приходится ее выручать. Все люки открыты, и начинается выгрузка. Все переносится на стоящие вдоль борта паромы—мины, боевые припасы и под конец уголь.

Не видать конца возне.

И все делается без пара, вручную. Лопаты, корзины, у каждого каната по две дюжины матросов. Вверх по Эльбе тащут развалину с четырьмя мачтами и копошащимися на палубах серыми рабочими. В отдалении, по берегам стоят люди. Девушка с длинными косами, дети, женщины. Они приветствуют корабль. На берегах скопляется все больше народу. Крики «ура» доносятся до средней палубы, до самого трюма, где команда возится с углем.

— Это—бабы. Ты уже привел себя в порядок, Джимми?

Джимми скалит зубы, ярко сверкающие на замазанном углем лице.

— Все в исправности!

— Что им вздумалось?

— Мы же всего-навсего доконали свое судно. Это ведь не причина для ликования.

— Мы проехали Финкенвердер.

— Вот рыбные склады. Альтона. Гамбург.

В воздухе раздается гул.

— Подымайтесь-ка наверх! Живо!

Из всех люков и отверстий на палубу вылезают матросы. Цеппелин проносится низко над самой Эльбой. Гондола проплывает мимо «Бельгравии» на уровне капитанского мостика. Офицеры в гондоле ведут себя так же странно, как люди на берегу. Они срывают фуражки и машут ими. Один из офицеров подносит ко рту мегафон и орет:

— Троекратное ура в честь возвращающейся победоносной «Чайки».

Командир стоит, как истукан, на мостике своего потерпевшего аварию корабля.

— В честь «Чайки», вот оно что!

— Видал миндал?

— Вот так-так!

Они нас принимают за «Чайку».

— Да, в военной сводке стояло: «Вспомогательный крейсер «Чайка» после потопления пятнадцати неприятельских судов сегодня благополучно вернулся в немецкую гавань».

— «Чайка»—пароход вспомогательный I. А мы-то всего-навсего пароход вспомогательный II.

«Бельгравия» становится в Рейерштигский пловучий док.

Командир держит речь. Обращенные к нему лица матросов освещены электрическими лампами.

—... Корабль разоружается. Команда остается в том же составе и переходит на другой пароход. Я слагаю с себя командование и передаю его человеку, который, быть может, родился под более счастливой звездой. Сегодня на вечер отпуск для всех, кроме караульных. Можете итти.

Паром перевозит отпускников через реку. На другом берегу, на понтонах, по всему мосту до самой улицы—люди: мужчины, женщины! Женщины!

— Алло! Добро пожаловать! Великолепно! Замечательно... Один корабль против всего мира. Ур-ра!

Каждый кули утопает в водовороте лиц. На каждой его руке женщина, целые пачки женщин.

— Идемте с нами! Идемте! Замечательно! Пятнадцать кораблей!..

— Ну, костей-то мне, по крайней мере, не перешибите,—ногами и руками сопротивляется Джимми. Ему, собственно говоря, хочется попасть в Сан-Паули, к своей «малютке».

— Отстаньте! Я ведь совсем не с «Чайки»,—пыхтит другой.

— Но вы же с того вон корабля, который в доке?

— Так точно, с этой посудины.

— Идемте!..

И в кабачке, а позже в пивной:

— Чего вы желаете покушать?

— Кельнер, принесите выпить. Все, что закажут господа матросы, я плачу.

Господин из фирмы «Консервированные угри» платит. С других столиков подходят, заказывают и платят.

— Пятнадцать кораблей... поздравляю! За ваше здоровье! Наши моряки! Ура! Подсядьте-ка к нашему столу.

«Наши моряки» такие неумытые! Ноздри и уши забиты копотью. Это они ведь только «пыль стирали» перед тем, как сошли на берег. На них надеты морские сапоги и третья синяя форменная перемена. Первая и вторая давно уже проданы. В Вильгельмсгафене—другой коленкор. Там выпить можно только за наличные.

— Я так скоро всего этого и проглотить не могу. Тут еще хуже, чем на старой «Бельгравии».

— Что, галстук на память? Получайте, барышня!

У барышни на правой руке кольцо. Ганс Гримм развязывает галстук.

Оркестр играет морскую патриотическую песнь «Stolz weht die Flagge schwarz-weiss-rot...»[1]. Кули знают только первую строфу. Женщины и штатские поют все три. Балтен—свинья. Он сошел на берег в рабочей одежде, в той самой, в которой выбрался из залитой водой топки.

— Знаешь, что она говорит?—орет он через стол.— Атлантическая грязь. Пусть она так и сидит на нас.

Атлантическая грязь! Но господа матросы ничего не рассказывают о своем отважном рейсе. Никаких артиллерийских поединков, горящих кораблей и тонущих пачками в голубых пучинах английских собратьев. «Консервный господин» не удовлетворен.

— Отцепись! Я тебе сразу сказал, что никаких ко-

---

[1] Гордо веет знамя черно-бело-красно... (Прим. перев.).

раблей не топил. Мы посадили на мель свое корыто. Только и всего.

— Ваш товарищ очень нелюбезен,—с легким упреком обращается фабрикант к Джимми. Но он не на таковского напал. Джимми дружески похлопывает его по упитанному затылку.

— Сало первый сорт, довоенного качества. Хлебных карточек, наверно, всегда хватало, да еще чего-нибудь к хлебу, а?

Рядом с Яном Гойленом сидит бледная женщина с очень нежной кожей. Рыжие волосы собраны в тяжелый узел. Ян видит, как кровь приливает к ее лицу. Возле Альриха Бусколя тоже женщина. Полушелкозая юбка и чулки. Больное лицо. Она работает на пороховом заводе, и зовут ее Анна. Альрих играет ее желтыми руками и робко называет ее Анти.

— Эх, проклятый толстопузый, твое брюхо как раз сгодилось бы рыбам на корм!

— Или для окопа. Чего он еще здесь околачивается, обожравшаяся дубина?

Нет, эти матросы, видно, правда, не герои с «Чайки». И какие они грязные! Какая распущенность!

— Кельнер, получите!

Фабрикант консервов уходит. Его друзья и женщины уходят. Бледная женщина остается. Анти и темноволосая возле кочегара Балтена, и та возле Ганса Гримма— эти остаются. Подходят еще другие.

Матросы вытряхивают из карманов последние гроши. Если не хватает,—открывается сумочка и добавляется, сколько нужно. «Чайка» или «Бельгравия»—не все ли равно? И лучше неумытый кули в твоей кровати, чем муж в окопе.

Когда Ян Гойлен просыпается на следующее утро, чья-то рука нежно проходится по его лицу, рукам, телу. У женщины светлые спокойные глаза. На ее коже виднеется синяя сетка жилок.

— Я даже не знаю, как тебя зовут!

Она закручивает узлом поток рыжих волос. Потом она выходит и возвращается с маленькой девочкой.

— Лоттхен. Ей четырнадцать месяцев. Она переночевала у соседки.

У окна, над письменным столом, висит фотография. Мужчина в шлеме, с винтовкой в руке.

— Уже в 1914 г. При Марне...

Ян застегивает шинель. Девочка играет ленточками его шапки:

— Папа, пруа.

— Уже поздно. Я не могу ждать кофе.

— Ты ведь вернешься, да?

— Приду.... сегодня вечером. И принесу керосина. Завтра я еду в отпуск.

На прибитой к дверям дощечке написано: «Ганс Ольрих, литограф». На углу Ян натыкается на жирные буквы вывешенной газеты:

«29 февраля в северной части Северного моря произошел бой между немецким вспомогательным крейсером «Грейф» и тремя английскими крейсерами, сопровождаемыми истребителем. Вспомогательный крейсер «Грейф» выпустил мину и потопил английский крейсер водоизмещением около пятнадцати тысяч тонн, после чего взорвал свое собственное судно.

Начальник морского генерального штаба».

Под строчками помещено изображение военного корабля «Грейф». «П. В. III» из Киля теперь получило название.

В Оснабрюке Гойлен пересел на курьерский поезд. В Мюнстере его снова ссадили: его билет годен только для пассажирских поездов.

На второй день они прибыл в Мюльгейм, Рурской области.

Его мать живет в Штируме. Улица проходит прямо посредине «Сталелитейного и прокатного завода Тиссена». Корпуса, доменные печи, железнодорожные ветки, клубы пара... и на краю группа запыленных домов.

Ян забыл все это... воздух, закопченные дома, загроможденные скарбом балконы. С крыши все еще кричит реклама: «Одоль—лучшее средство для зубов!» А по фасаду трещина идет до самого первого этажа, точь в точь, как и прежде.

Ян подымается по лестнице очень медленно. На дверях та же фарфоровая дощечка с медными краями. Никто не открывает. На площадке лестницы темно.

Из соседней двери выглядывает фрау Хекенс:

— Ян, ты? Вот тебе раз! И такой стал большой! Пожалуй, надо тебе говорить «вы»? Да, твоя мать в смене, до вечера. Заходи же!

— Катрин? Пошла за картошкой... Нет, вернется не скоро. Она ушла сегодня с утра. Но приходится иногда простаивать до вечера. Девчонка славная, шустрая.

— Я только хотел бы оставить у вас свой узел, фрау Хекенс! Может, я разыщу Катрин!

— Отпускников пускают без очереди. У железнодорожного туннеля. Ты увидишь: там, где стоят женщины!

Когда он уже спустился вниз, она кричит ему вслед:

— Руди и Ганнес играют на улице.

Руди и Ганнес, они еще ползали по полу, когда он

ушел из дому. Катрин как раз начала ходить в школу; ей теперь должно быть двенадцать.

Женщины! Они стоят по четыре в ряд, длинным хвостом, их около сотни. Несколько детей, мужчин, грязных защитных мундиров замешались в толпу. У дверей склада стоят два полицейских. Дверь заперта.

Ян медленно обходит очередь. Женщины... Юбки свисают в жестких складках, грубые сапоги, деревянные туфли. Нет форм, нет лиц, женских лиц. Они смотрят на Яна и остаются каменными.

— Еще один из этих...—говорит женщина за его спиной почти враждебно. Ян оглядывается.

— Да, это к тебе относится! Фронтовые быки! Да еще моряки... проходят без очереди. А мы тут стой да жди!

Худые щеки женщины и все лица за ней—в платках, с косматыми волосами—посинели от холода.

Толпа приходит в движение.

Двери склада открылись.

Плечи! Волосы, завязанные узлом! В бесцветной толпе на уровне бедер—крысиные хвостики, маленькие девочки! Все толкаются и торопят. Боятся, как бы не кончилась выдача раньше, чем до них дойдет черед.

Каждый получает десять кило картофеля.

Ян ищет в толпе.

Обрывки разговоров:

— ...выстрелом в легкое! Мать хватил удар!

— Шульциха, та, маленькая, черненькая! Ее муж еще был в побывке семь месяцев назад. Ей уже скоро срок, ходит вот с таким брюхом. А теперь убили мужа.

— Что за дрянь он курит! Прямо стошнить может.

— Уж эти отпускники! Она оставила мужа дома со

стиркой. А он возьми да поставь кипятить бумажные рубахи. Все превратилось в кашу, когда жена пришла домой.

— Были б деньги, можно бы съездить к нему в лазарет.

Ян видит девочку с гладкими каштановыми волосами, девочку лет двенадцати. Матрос и ребенок не сводят друг с друга глаз.

— Катрин.

— Ян...

— Это ты, Катрин?

Красная волна заливает ей лицо и лоб до висков, корней волос. Она не может слова выговорить. Но видно, как она вырастает...

— Нет, корзины у меня нет. Она очень вот тут давит. Я уж лучше беру мешок.

Ян отбирает у нее мешок. Ему отпускают тут же. Двадцать пять фунтов картошки он несет в одной руке. Другую ухватила Катрин. Гордая, она легко бежит рядом с ним. Она худа, длинные ноги, худые руки... она такая шустренькая и так хорошо умеет пробиваться в очередях на картофель и жиры...

Впереди них бежит беременная женщина и несет корзину с картошкой.

— Я ее знаю. Она тоже из таких. Притворяется.

— Из каких таких? Чего притворяется?

— Она запихала под юбку подушку. Тогда ее пускают без очереди. Прошлый раз одну поймали... Я и стряпаю. Руди и Ганнес, они большей частью играют внизу... Это вот на шее? Это же от операции! И у Руди то же самое. И Марту Хекенс оперировали на прошлой неделе... Вон там мама работает, в корпусе VII. Я ей всегда ношу еду.

Ян смотрит по направлению протянутой руки. Обшир-

ные корпуса с потускневшими стеклянными крышами: токарные цеха, мартены. Прокатные отделения.

Они проходят мимо доменной печи.

Только что кончилась погрузка. Под давлением невидимых сил подымается конус. Калошник, обод, тянущийся вокруг всей башни и наполненный рудой и коксом, воронкообразно опускается. Все содержимое проваливается внутрь. Наверх вырывается пламя. Дым и газы окутывают людей, которые наверху на мостике орудуют тяжелыми опрокидывающимися вагонетками.

Возле вагонеток восемь или десять человек. Ян видит их ясно выделяющимися на фоне неба. Они одеты в мешки, вокруг ног обернуты тряпки. Часовой с ружьем стоит возле них.

— Русские,—объясняет Катрин.

Рабочие, подвозящие руду и кокс к подъемнику и работающие у литейных ям, куда стекает расплавленный металл из доменной печи,—тоже пленные русские.

Катрин знает все.

Женщины засовывают под юбки подушки! А это русские! Вон в тех бараках живут «желтые канарейки».

— Как, ты не знаешь? Женщины с порохового завода. Они здесь живут, потому что их никто не хочет. Они все кашляют и харкают. Но они много зарабатывают. Они всегда в перчатках и, когда ходят за покупками, нацепляют вуаль.

Восемь дней отпуска.

Ян больше не расспрашивает.

Мать, вернувшись вечером с завода, убирает комнату, раздает детям хлеб. Самую маленькую порцию она всегда оставляет себе. Стряпать почти нечего.

Ян страдает в этой душной, лишенной света яме, стра-

дает за мать, за сестру. Вечером, когда они раздеваются ко сну—Катрин и оба мальчика,—худые руки, вздутые животы. Такие животы у детей Ян видел на островах южного моря и в голодающих кварталах китайских гаваней.

Восемь дней—долгий срок.

Ян ходит за продуктами, носит матери еду, бродит вокруг корпусов и по территории завода. Вот вагон с ломом—колеса, буфера, железнодорожные рельсы, которые вместе с сырьем переплавляются в мартенах. Люди, возящиеся с вагоном, одеты в старые пехотные мундиры: присужденные к крепости немецкие солдаты с фронта.

Однажды Ян натолкнулся на группу русских. Сгорбленные спины с нашитыми на них большими номерами пленных. Ввалившиеся, жадные, изголодавшиеся глаза. Они пекли в куске горячего шлака украденный качан капусты.

Внезапно солдатский сапог въехал в середину пригнувшихся к земле бородатых лиц и раздавил качан.

— Эй вы, собаки проклятые! Пошли работать!

Ударами приклада ополченец погоняет испуганных русских.

Печи изрыгают пламя. Трубы дымят. Посреди завода находится бетонированное помещение длиной с кегельбан, в котором производится пробная пристрелка орудий.

Пленные! Присужденные к крепости! Насильно мобилизованные рабочие из Бельгии! Женщины!

Настал последний вечер отпуска.

Малыши уже спят. Ян сидит возле кровати, где лежат мать и Катрин.

— Из школы ее отпустят. Это мне директор обещал. Но в прокатное отделение они ее не берут. Я и у мастера была—она еще мала.

Взгляд Яна скользит по Катрин. Груди, виднеющиеся под рубашкой, как половинки лимонов, на шее шрам от ножа хирурга, старческий взгляд детских глаз! На голове матери коричневые пятна: волосы склеились от капающего из трансмиссионных подшипников масла.

— Можно было бы попробовать в сортировочной. Там ей только придется билетики наклеивать. Там легче, чем в прокатном. И там нет этого палача мастера.

Этот палач мастер!

Мастера, штейгеры, ополченцы, которые стоят за рабочими в цехах, у печей, в шахтах, превратились из страха перед фронтом в неумолимых надсмотрщиков. Ян беспомощно гладит руки, пальцы матери, жесткие и узловатые.

Мать засыпает. Внезапно она вскакивает, глядит на Яна широко открытыми глазами.

— Ян, веришь ли ты, что есть бог?

Ян гладит ее жесткие слипшиеся волосы. Последний день отпуска. Мать борется со сном, но глаза ее слипаются. Она говорит тише:

— Нет, бога нет. Мне нельзя спать—мастер. Надо остановить ножницы...

Ян прикручивает газовую лампу.

От времени до времени, когда одна из доменных печей проглатывает очередную шихту,—стены, кровати, все предметы в комнате вспыхивают густым красным светом. За окном пылают гигантские красные языки пламени и шипит белый пар.

Здесь производят: листы стальной брони! Пушки! Гранаты!

СКАГЕРРАК

Все котлы—под парами.

Два часа ночи—приказ:

— Выбирай якоря!

Небо с большими северными созвездиями медленно вращается вокруг мачт кораблей. Двадцать два линейных корабля и пять броненосных крейсеров выплывают из бухт и речных устьев в море.

Курс: на север. Скорость: восемнадцать миль.

Ветер дует с запада с силой от трех до четырех баллов. На суше он шелестит маленькими веточками. Здесь же он подхватывает дым из двадцати семи двойных труб и, перегибая у правого борта, гонит его над морем. Корабли оставляют за собой большую гряду, которая скрадывает часть неба. Иногда из темных приземистых труб взмываются огненные языки.

Сорок пять тысяч человек команды лежат в казематах на броневом полу, покрытом линолеумом, замурованные в сталь, как порох и гранаты. Случайный взгляд в смотровое отверстие сменившегося часового, набегающая волна, какая-нибудь звезда—больше ничего!

Северная ночь коротка!

В начале четвертого начинает светать.

Корабли отчетливее выделяются на фоне воды. Стадо серых чудовищ с выдвинутыми вперед клыками. Они пыхтят по зыби и неуклонно продвигают вперед свои широкие борта.

Броненосные крейсеры отделились от главного флота и стали во главе. Далеко впереди туловища движется эта пятичленная головка, окруженная венцом миноносок. И широким веером к горизонту стремятся, подобно вы-

пученным рачьим глазам, разведочные отряды маленьких крейсеров.

Демонстрация всех морских сил! Выступление флота, одно из многих! Английский флот проделал их бесчисленное количество раз.

31 мая третьего года войны.

Легкие облака плывут по небу. Горизонт обширен и затуманен лишь очень незначительно. Зыбь мягко колеблется и похожа на прозрачный зеленый фарфор. Гигантская блестящая тарелка, по которой движется пять бронированных слонов.

Много тысяч таких тарелок, залитых солнцем,—вот Северное море. Величайшие флоты могут проплыть, не видя друг друга.

Ни одного дымного флажка на горизонте, ни одной верхушки мачты—ничего!

На броненосных крейсерах адмирала фон-Гиппера прочищают орудия, потом стреляют учебными снарядами, как обыкновенно. Линейные корабли с адмиралом Шеером, находящиеся за ними в ста километрах, развертываются, маневрируют. На мостиках, овеянные легким бризом норд-веста, стоят подвахтенные офицеры; остальные же и большинство команды в броневых башнях и казематах.

Три часа пополудни.

Легкий крейсер «Эльбинг»,—далеко влево выдвинувшийся глаз авангарда,—замечает дымный флажок, потом трубу и две тоненьких, как иголки, мачты—датский товарный пароход. «Эльбинг» высылает два миноносца, чтобы задержать и обыскать его. Датчанин застопорил машину и выпускает пары.

Поднимающийся пар замечает крайний с левого фланга

глаз другого авангарда—английский крейсер «Галатея», за которым движутся две эскадры боевых крейсеров и «Грэнд Флит» Великобритании.

Пар становится полюсной точкой.

«Галатея» дает первый выстрел дня. Сигналы по радио летят назад в обе неприятельские линии, Гипперу и командующему английскими броненосными крейсерами, сэру Битти,— Шееру и Джеллико, которые с главными боевыми силами находятся еще в двухстах сорока километрах расстояния друг от друга.

Приказы: флажными сигналами, знаками Морзе, по радио.

Легкие крейсеры держат связь. За ними наступают флоты. Борьба за лучшее место под солнцем начинается.

Немецкие броненосцы идут быстрым ходом к западу. Миноносцы следуют теперь за ними. Их почти не видно за высокими океанскими валами. Маленькие крейсеры, идущие спереди, оставляют за собой густые завесы дыма и затуманивают горизонт.

Так будет, пока не появятся в виду неприятельские броненосные эскадры и легкие силы не очистят поля.

Дым стелется по воде.

Воздух становится прозрачнее.

Броненосные крейсеры стоят друг против друга. Адмирал Гиппер с кораблями: «Лютцов», «Дерфлингер», «Зейдлитц», «Мольтке», «Фон дер Танн». Сэр Битти с «Лайон», «Принцесс Ройаль», «Квин Мэри», «Тайгер», «Нью-Зеланд», и «Индефатигэбль». Пять против шести! Вес бортового заряда в четырнадцать тысяч килограммов против двадцати четырех тысяч килограммов!

Неприятельские эскадры медленно поворачиваются на боевой курс и движутся по сближающимся линиям, все

еще отстоящим друг от друга на расстоянии двадцать километров. Серые гигантские звери. Двигаясь по горизонту, они в перспективе кажутся маленькими, но все же мощными!

В недрах меньшего из двух стад не меньше сорока восьми тысяч лошадиных сил. Каждое тащит с собой до восьмидесяти тысяч центнеров угля и столько же стали и динамита.

Немецкие орудия бьют на восемнадцать километров.

Английские орудия бьют на двадцать один километр.

Адмирал Битти еще не стреляет. Немецкие корабли окружены слегка затуманенным воздухом. Гиппер быстрым курсом летит на неприятельскую линию, чтобы поскорей пройти односторонне опасную зону. Уголь подается к топке по рельсам, как в шахте. Дымовые трубы превратились в огнедышащие горы.

Последние лица исчезли с палубы. Все броневые двери заперты, смотровые отверстия закупорены. На командных постах, в башнях, казематах горит электричество. Противники несутся бок о бок со спущенными забралами. Руки командоров на запальных кнопках, глаза у дальномера. Командиры и управляющие артиллерией стоят у подзорных труб, увеличивающих зеркальное отображение в пятнадцать раз.

Сэр Битти все еще не стреляет.

Четыреста восемьдесят центнеров металла против трехсот двадцати! А позади находится пятая боевая эскадра, которая неверно прочитала флажный сигнал и еще не выстроилась. Адмирал Ивэн Томас с четырьмя «Елизаветами»—новейшими кораблями британского флота: еще преимущество в шестьсот центнеров на каждом борту!

Гиппер поднимает сигнал. Кроваво-красный!

— Открыть огонь!
— Пятнадцать тысяч!
— Пятнадцать километров!

Артиллерийский поединок начинается. Корабль против корабля.

Шестой крейсер британской линии остается необстрелянным. Пороховой дым набухает до величины тяжелых кучевых туч, липнет некоторое время у бортов, застилая оптические стекла, иллюминаторы, стекла подзорных труб, а потом уносится ветром поверх кораблей. Британская эскадра находится с наветренной стороны. Охровый чад ее выстрелов остается здесь же и застилает поле зрения.

Попадания приближаются. Фонтаны воды, ядовито-зеленые и желтые у основания, а сверху блестяще-белые. Взорванные водяные массы окатывают корпуса кораблей до мачт. От попаданий стальные тела содрогаются и гудят, как диковинные музыкальные инструменты.

Это-то и есть самое потрясающее.

Внезапно ветер начинает играть на стальных крученых штангах. Высокая носовая волна шумит. Стоит летний день, и море подобно прозрачному зеленому фарфору.

И снова орудия поднимаются. Огненные жерла! Гудение атмосфер! На марсе в тридцати пяти метрах над морем висит артиллерийский наблюдатель и доносит в управление огнем по телефону о попаданиях.

«Лайон» горит. Из «Тайгера» бьет густой дым. На «Зейдлитце» одна башня выбывает из строя. Восемьдесят человек—единая смерть, без крови, без трупов. Когда спадает столб огня, сыплются вниз мягкие черные хлопья.

Наблюдатель на марсе. Старший артиллерист. Командир. Другие ничего не знают, ничего не видят, чувству-

ют только движения своего корабля, который быстрыми поворотами старается избегнуть попаданий противника.

Люди в башне.

В шахтах.

В проходах.

Живой мозг чудовищ, мчащихся по морю.

При выстрелах, когда огонь из дула отражается на броневых стенах и они багрово вспыхивают, прислуга—одно существо. Когда же воздух начинает колебаться в отделениях и корпусах кораблей, как пустые бочки гудящих под ударами попавших снарядов,—вся команда—один содрогающийся ком.

Управление огнем отмечает:

— Залп каждые двадцать секунд!

Человек больше не существует. Только номер первый, второй, третий, шестнадцатый на поворотном диске, двадцать четвертый в зарядной камере, сороковой в помещениях для снарядов—звенья единого механизма. Заряжай—стреляй! Заряжай—стреляй! Таково биение пульса.

Пока пушка стреляет—корабль жив.

Пауза! Корабль делает поворот.

Тела орудий накалены. Серая масляная краска размякла и принимает коричневый оттенок. Лампы в помещениях висят, как светляки. Из пороховых помещений поднимается сухой горячий воздух.

Всех мучит жажда. Чайные котлы пусты. Вода в пожарных ведрах превратилась в теплую жижу. Но ведра все же опустошаются вмиг.

Битва все продолжается.

Медленнее.

Управление огнем должно пристреляться к новому кур-

су, выждать попадание и исправить расстояние.

Движения, как у машины: точные, быстрые!

Там, где кончается горячка, начинается живое существо.

Мочевой пузырь давит; в башне давят восемьдесят замурованных пузырей. Пожарные ведра наполнены мочей и льют через край. Битва продолжается час. Физические отправления людей—кровь, нервы, кишки—работают тем же сумасшедшим темпом, что и машины. Кочегары справляют свои «дела» в угольные лопаты и швыряют в огонь.

Кочегары.

На «Зейдлитце» двадцать семь котлов, восемьдесят одна топка и двести шестьдесят квадратных метров площади нагрева. Бункера вмещают три тысячи шестьсот тонн угля,—железнодорожный поезд в триста шестьдесят вагонов. «Дерфлингер», «Лютцов», «Лайон», «Тайгер», «Принцесс Ройаль» и «Квин Мэри» еще чудовищнее размером.

Бой на параллельных курсах!

На тринадцать километров!

Восточный горизонт стал непроницаемее.

Немецкие корабли стоят в мягком тумане. Их очертания неясны. Британские боевые крейсеры вырисовываются на западном небе яркими контурами.

Гиппер ведет бой.

На юг, по направлению к главным немецким силам, Битти, не отставая, держит курс параллельно германской эскадре.

«Лютцов», флагманский корабль Гиппера, получает большую пробоину. Из «Зейдлитца» вырывается пламя. Следующий меткий залп англичан—водяные столбы взле-

тают в три раза выше мачт! Они погребают стальной корпус под своими пенящимися водопадами и снова тушат огонь.

На «Лайоне» сметено башенное перекрытие. Толстая броневая плита дугой летит в море. Та же граната выводит из строя вторую башню. Команда ее сгорает, за исключением двух человек. «Лайон» выходит из линии, таща за собой покрывало чада, вспыхивающее снизу ржаво-коричневым цветом.

Битти переходит на другой корабль.

Световой сигнал, белые световые молнии.

— Миноносцы в атаку!

Они выдвигаются перед британской линией—легкий крейсер «Чемпион» и три шеренги быстро несущихся темносерых миноносцев. Их встречает легкий крейсер «Регенсбург» и черная стая германских миноносцев.

Они сближаются, останавливаясь на расстоянии тысячи метров друг от друга. Легкая артиллерия, настильный огонь! Снаряды прыгают по водяному зеркалу, как полированные камешки. Приземистые трубы пыхтят. К воде липнет черный дым. Простреленные миноноски не двигаются, и их носит по воде, как распластанных уток. Погружаясь, они все еще выпускают мины.

Битва в битве! Поверх бешеного кружения и жирного блестящего дыма сражения миноносок чертят свои дуги тяжелые снаряды боевых крейсеров.

Фонтаны! Попадания! Действия газов и пожаров.

«Мольтке» и «Фон дер Танн» концентрируют свой огонь на замковом корабле британской линии «Индефатигэбль». Бронебойные гранаты! Они проникают сквозь броню и разрываются внутри корабля. Серые стальные стены ходят, как бока загнанного зверя. «Индефатигэбль»

садится на зад и больше не следует движениям своей эскадры. Огня нет, только дым! Черная кипящая сила! Лишь через 30 секунд из корпуса вырывается пламя. Обломки летят по воздуху. Темные куски брони тяжело взлетают в воздух,, все же достигая вершины мачт. «Индефатигэбль» ложится на бок и перевертывается. Он хоронит под собой тысячу семнадцать человек.

— Наш противник взлетел на воздух! Менять прицел налево! На трехтрубный, двухмачтовый корабль!—приказывает старший артиллерист по переговорной трубке. Взлетел на воздух! Сгорбленные спины выпрямляются. С носов сдвигаются предохранительные маски. Из сухих глоток вырываются больные, воспаленные пороховым дымом голоса, как хриплый лай. Переговорные трубы дрожат:—Ура! Мы еще поживем!

Но радость моментально угасает.

Тысяча двести пар ушей превращаются в один звукоприемник.

Длительный высокий звук пронизывает «Фон дер Танн». Корабль начинает колебаться, как исполинский камертон. Точно он задерживает воздух. Свет на мгновение гаснет. Это снаряд, попавший в корму—граната в девятьсот тридцать килограммов с приближающихся «Елизавет». На этот раз она отскочила, как резиновый мяч. Четыре «Елизаветы» наступают. Они открывают огонь с огромного расстояния, разметают перед собой легкие крейсеры и попарно концентрируют огонь на замковых кораблях немецкой линии.

... взлетел на воздух! Заряды! Гранаты! Подъемные механизмы!.. Зияющие жерла орудий! Через семьдесят секунд под первым залпом корабль вскидывается и бросается на нового противника. У дымящихся орудий—клуб-

ки команд. Они дышат в ритм с тяжело щелкающими металлическими частями. Барабанная перепонка отказывается служить. Удары воспринимаются кишками и брюшиной.

Грохот выстрела каждый раз—облегчение и возвышает, как хорал.

Залп—огонь! Залп — огонь!

Там, где это кончается, скалит зубы небытие.

На «Квин Мэри» тысяча двести пятьдесят человек команды.

«God, save the King...» [1], пропетое погибающей командой коробля, или тысячеголосый вопль деморализованных траншей—одно и то же. Там, где взлетают на воздух двадцать тысяч центнеров снарядов, кончается и это,— и гимны и молитвы! Там нет места противящейся плоти. Черные хлопья, взлетающие из зияющего нутра корабля, уже ничего не чувствуют. Но катастрофа все же развертывается по трем ясно обозначенным этапам: угольная пыль, огонь, дым!

Корабль переламывается посредине, как раскаленное железо. Трубы и мачты подгибаются внутрь. Из развороченного корпуса клубами вырывается угольная пыль, блестящая жирным блеском. Потом пламя пронизывает угольный покров и поднимается высоким темнокрасным пятном. Наконец закипает дым и обволакизает тяжелыми клубами сноп пламени, взвившийся в поднебесье. Из каждого клуба дыма вырывается новый, до тех пор, пока пирамида черных, до невероятия вздутых громад не задушит всего остального.

Перенести прицел! Ревущие переговорные трубки!

Битти сигнализирует Джеллико:

---

[1] «Бог, защити короля»... английский гимн. (Прим. перев.)

— Внимание! «Квин Мэри» взорвана!

«Тайгер» чуть не налетает на погружающуюся корму с вращающимися еще винтами. На его палубу, звеня, летят обломки. Вентиляторы всасывают вредные испарения и извергают их в нижние помещения. Дым крутится бешеными спиралями и окутывает густыми облаками «Тайгера», а потом и «Нью-Зеланд». Оба корабля идут полным ходом, и все же некоторое время незримы.

В немецкой линии за взрывами наблюдали «Дерфлингер» и «Зейдлитц». Управления огнем других кораблей не могут оторваться каждый от своего противника. Они носятся по полю сражения, вцепившись друг в друга мертвой хваткой. Дымный столб «Квин Мэри» держится еще на небе могучим наклонным деревом в семьсот метров вышины, а сражающиеся колоссы уже успели продвинуться за горизонт.

Вплески и фонтаны от снарядов с четырех «Елизавет» ложатся вернее. Замковые корабли Гиппера попадают в воронки или неподвижно стоят перед баррикадами взорванной воды. Работающие на холостом ходу одиннадцать тысяч лошадиных сил и девяносто тысяч лошадиных сил—так бьется сердце у птицы, схваченной на лету! Пока винты не загребут опять воды.

Но вот главный германский флот достигает поля сражения и вступает в бой. Корабли класса «Кениг»—новейшие и сильнейшие корабли всего флота!

Битти поворачивает к северу.

Гиппер от него не отстает.

Англичанин быстроходнее. Расстояние все увеличивается. Залпы становятся реже. Небо плоско, облака спускаются. Воздух делается более мягким и волокнистым, зеленое море темно, с металлическим отливом.

Когда удаляющаяся эскадра стреляет, туман над морем вспыхивает подобно кровавой пене. Потом огонь из жерл кажется еще ниже притиснутым к горизонту. Наконец вспыхивают лишь красные точки.

Битти ускользнул из поля обстрела.

Гиппер становится во главе линейных кораблей. Строй снова сомкнулся. Двадцать два линейных корабля Шеера и пять броненосных крейсеров Гиппера идут длинной боевой колонной к северу, прикрытые с боков и спереди легкими крейсерами и миноносцами.

Броненосцы Гиппера сильно пострадали во время боя. Радио-антенны и переговорные трубки разорваны и свисают на палубу. Значительное число башен сгорело; они покрыты черной сажей и изборождены коричневыми полосами трупного жира, как перекипевшие горшки. В корпусах зияют дыры. В казематах и камерах пылает огонь.

Огонь удается локализировать. Течи забивают гамаками, деревом и обломками. Палубы прибирают. Раненых относят на перевязочные пункты. Эти пять кораблей видели, как затонуло два броненосных крейсера; их же главные жизненные части остались невредимыми. Машины еще работают. Помпы справляются с проникающей водой. Броненосцы ведут за собой главные силы флота, не уменьшая скорости.

К северу, на Скагеррак!

Над поверхностью моря еще лежат широкие полосы света. Волны становятся выше. Нордвест всей тяжестью углубляет обрывы между валами и вскидывает пенящиеся горы на наступающую орду.

Перед головными короблями снова и снова вспыхивают красные глаза. Пушечный гром противоминной и средней артиллерии; держащие связь корабли неприя-

тельского флота! Флоты не отстают друг от друга. Глаза становятся многочисленнее. Вскоре они вспыхивают исполинской, широко захватывающей дугой, с севера на восток.

Глаза увеличиваются и становятся более угрожающими.

Тяжелая артиллерия пристреливается.

— Помните традиции славного первого июня и отомстите за Бельгию,—передает по радио один из командиров британской эскадры кораблям своей дивизии.

Легкие крейсеры германского авангарда вынуждены окружить себя туманом и изменить курс, не успев разузнать во мгле сил и расположения противника. Снова обстрел броненосных крейсеров. Линейные эскадры входят в сферу огня, корабль за кораблем.

Картина изменилась. Адмиралу сэру Битти удался грандиозный маневр окружения неприятеля. Англичанин находится за дымом и завесой мглы на севере и востоке. Немецкие корабли резко выделяются на вечернем небе.

— Курс на север! Не меняя!

Битва входит в новую фазу. Там, где подстерегали красные глаза, вспыхивают длинные полосы. Стреляющие эскадры скрыты мглой. Немецкая артиллерия может руководствоваться лишь огнем выстрелов противника, и с каждым залпом она застилает поле зрения новой дымной завесой, и только орудия головных кораблей способны попадать в цель.

Пушки неправильно поставлены на лафеты.

Угол подъема ограничен слишком низко.

Как и раньше против «Елизавет», как в битве при Догербанке, как при Фалклендских островах,—корабли находятся под обстрелом и не могут защищаться.

Отдельные командиры помогают себе сами по мере

сил. Они кладут корабль на бок и забирают до тысячи тонн воды. Накрененные, косо лежащие корпуса представляют собой обширную площадь попадания, но дают артиллерии несколько большой угол подъема.

Адмирал Шеер все еще держит курс на север. Он идет в середине своих боевых сил, длинной линии броненосцев и линейных кораблей.

До тех пор, пока горизонт не вспыхивает и все небо не представляет сплошной гигантской огненной дуги! Окружены, только на юго-западе кольцо еще не вполне сомкнулось.

Теперь Шеер узнает: это не Битти.

Это Джеллико—«Грэнд Флит».

Это—«тот день».

День принадлежит флоту открытого моря!

Шеер—Джеллико!

Шестьсот тысяч тонн водоизмещения против миллиона! Вес бортового залпа две тысячи центнеров против четырех тысяч пятисот, не считая двойного превосходства в легких крейсерах и истребителях, не считая скорости английских сил, превосходящей немецкие на несколько миль.

Шеер! Сын пастора, прилежный, старательный. Доморощенные добродетели. Перегнал своего старшего по службе. Умеет считаться только с видимыми величинами. Ему недостает огня. Он не распознал птицы по полету. Ему не дано совершить гениальной атаки в тумане Скагеррака, где противник еще только строится в колонны, слишком неповоротливые и медлительные благодаря своей мощной длине.

Это не юноша Давид с пращой.

И Джеллико тоже—не Нельсон. Это не гений Тра-

фальгара, адмирал «Скапа-Фло», связанный тяжелой ответственностью сохранить величайший флот мира. Джеллико был назначен главнокомандующим «Грэнд Флит», потому что решимость и темперамент его предшественника Каллагана внушали известные опасения высшему совету английского адмиралтейства.

Хладнокровный математик—вот что такое Джеллико.

Шеер—Джеллико.

Математика!

Броневая сталь!

Динамит!

Военные кули, сто пять тысяч штук!

Последняя искра гения погасла в Скагерраке. Тридцать тысяч тонн корпусов, выстроенные колоннами и продвигаемые вперед подобно величинам математического уравнения. Бронебойные гранаты,—если они проходят сквозь стены и разрываются внутри, они рвут на части жизненные органы. Если же они разрываются при ударе, то место, куда они попали, раскаляется добела. Обломки брони! Жидкая лава! Человеческие тела превращаются в серую шипящую массу.

У кита на ребрах слои жира в четыреста миллиметров толщины. У боевых же кораблей толстая никелированная сталь в триста тридцать миллиметров. А поперечные переборки,—металлическая брюшина,—разделяющие корпуса на отделения, в известной степени предохраняют корабль от потопления.

Тяжелый огонь концентрируется на головке германского флота. На броненосных крейсерах снова вспыхивают пожары. В флагманский корабль Гиппера попадает мина, и корабль утыкает нос в воду.

«Грэнд Флит» все еще невидим. На горизонте стоит

кровавое зарево. В поле зрения попадают лишь отдельные единицы, выхваченные немецкой артиллерией.

Миноноски, легкие крейсеры и броненосцы старого типа, сомкнутые в боевые группы, проплывают через сцену...

Одна из ржаво-коричневых завес дыма разрывается. Боевой крейсер «Инвинсибль»—победитель у Фалклендских островов—выделяется на фоне неба отчетливыми линиями. Он находится в девяти тысячах метров от «Лютцова» и «Дерфлингера». Три минуты концентрированного огня. Взрыв. Рушащиеся мачты. Пламя. Корабельные обломки темнее, и они тяжелее взлетают на воздух, чем вырывающийся чад и газы. Между частями разорванного корабля выплывают человеческие головы и руки. Шесть человек цепляются за плот, их вылавливает миноноска.

Большое серое чудовище прорывает пороховой чад линии и, безумно вращаясь вокруг собственной оси, беспомощно приближается к немецкой линии. Это «Ворспайт» с пробоиной и ущемленным рулем. Как факел, вращаемый в воздухе, горящие остатки корабля завертываются в собственный дым и таким образом избегают немедленного уничтожения.

Снаряд попадает в трубу маленького крейсера «Пиллау». Котлы и половина кочегаров выбывают из строя. Вихри освобожденного пара и дождь масла, горящего зеленым цветом. Рубка и мостик разрушены. Но отгороженные переборками отделения держат корабль на воде. «Пиллау» идет дальше со скоростью двадцати четырех миль. Маленький «Висбаден» тоже еще держится. Он стоит с разбитой машиной между обеими боевыми линиями, огненный сигнал, видимый издалека.

В уравнении Джеллико одно неверное число. Ошибка Битти в счислении мест кораблей. Он двинулся на главный немецкий флот двадцатью пятью минутами раньше срока. Главные его силы еще в колоннах и только начинают строиться. На развертывание этого исполинского аппарата требуется время. И «Грэнд Флит», непобедимый в развернутой боевой линии, в данной фазе боя неповоротлив и тяжел.

Адмирал Шеер со своим штабом.

Чертежный стол. Намеченные точки: корабли. Пятна: эскадры. Синие, красные линии: заштрихованные поля артиллерии. Стрелки, флажки: курс, ветер, направление дыма.

Но математика здесь оказывается несостоятельной.

Здесь есть какая-то неизвестная величина.

А лейтенант—Бонапарт этого дня? Он тонет на миноноске или изжаривается в броневой башне. Или, может быть, облеченный в форму кули, он, полуоглушенный, как вошь, с распластанными ногами и руками, прирос к стальной палубе командного поста и руками протирает стекла перископов, которые беспрестанно затуманиваются пороховым дымом.

Адмирал Шеер видит только исполинскую пламенную дугу. Он видит, как она вспыхивает все ярче, и дает сигнал к отступлению. Этим он теряет единственный шанс.

Конец огненной дуги бежит к югу за отступающим флотом. «Грэнд Флит» наверстал время и может теперь спокойно развернуться. Ржаво-коричневые гряды газа закрывают горизонт. Море меняется, оно покрыто теперь тусклыми зеркалами. Клубы газа и острова дыма выскакивают из пустоты. Атмосфера движется по необычайным законам.

Нет больше человеческой массы. Огненный круг, вспыхивающий от быстро следующих один за другим залпов, вырезает из поверхности. Северного моря гигантский диск.

По этому диску движутся двадцать семь убегающих кораблей. Бронированные собаки, они пыхтят, фыркают. Корпуса, шпангоуты, ребра дрожат от силы выпускаемых снарядов. Паровые котлы, турбины, поршни,—все слилось в безумном ритме. В огонь подливают масло. Старые заезженные машины еще раз достигают скорости своего пробного пробега и даже превосходят ее.

Бредовая горячка материи! Высшая точка напряжения нервов, прикованных к колесам и рычагам!

С юга на диск попадает парусник, это норвежский трехмачтовик с надутыми светлыми парусами. Он проплывает мимо немецких кораблей и летит поперек диска, являя своим деревом и холстиной картину из забытого тысячелетия.

Флот не достигает края диска.

Огненное окружение движется с той же быстротой.

Сорок пять тысяч человек экипажа линейного флота теперь лишь единый груз для смерти.

Только здесь Шееру удается маневр, упущенный им против не развернувшегося еще флота Джеллико. Он еще раз бросает свои корабли на восток и направляет их в середину неприятельской линии.

Это уже не собаки, а крысы, затравленные, исступленные звери с оскаленными зубами. Артиллерия—тяжелая, средняя, по залпу каждые семь секунд. А люди! Ведь в казематах, пороховых камерах на поворотных дисках башен—люди. Шум, подавляющий страх смерти, затих. Ужас тоже имеет пределы. Только холодная дрожь!

Вращающиеся броневые стены!
Бронебойные гранаты!
Зияющие жерла!

Двадцать семь тысяч выстрелов! Триста тысяч центнеров боевых припасов! Все в дело!

«Лютцов» выходит из линии и ложится на бок. Легкие крейсеры и миноноски окружают умирающего великана и воздвигают вокруг него непроницаемую стену черных туманных гряд. Горящий «Висбаден» с развороченными бортами и упавшими трубами снова попадает между немецкими главным флотом и «Грэнд Флит». Его носит как бы на огромных свиных пузырях. Еще удар— и он бы кончился. Но его предоставляют самому себе, как ободранную овцу.

На флагманском корабле поднимается сигнал.

— Боевые крейсеры—в атаку на неприятеля!

Этот знак на старинном языке сигнальной книги переводится выражением: «На абордаж!» На языке современной техники это означает смерть.

— Миноноски—на неприятельскую линию! Погружаясь, прикрыть отступление!

Имея за собой превосходство в скорости, броненосные крейсеры и миноносцы отделяются от главного флота. Курс—на голову «Грэнд Флит».

Настал конец света. Выгоревшие башни пахнут иначе, чем казематы, наполненные газом. Лица, прижавшиеся к плывущим обломкам, выглядят как идиллии: изрешетенный капитан-лейтенант стонет не иначе, чем кули. Различия кончились. Золотые нашивки на рукавах или ленточки на шапках, репа или пять блюд к обеду—все теперь едино.

«Лютцов» лежит в кильватере в гуще дыма.

Бой ведет «Дерфлингер» без радио, без сигналов. Все флаги сгорели. Корабль движется к пламенному кругу, три остальных следуют за ним. Адмирал носится около эскадры без корабля. Он нагоняет «Зейдлитца» и собирается перейти на него.

Шлюпка с адмиральским флагом и броненосец «Зейдлитц»: двадцать восемь миль.

На мостике броненосца, освещенный блеском разрывающихся гранат, стоит матрос-сигнальщик, расставив руки, точно распятый, в руках семафорные флажки.

Семафор:

«Двадцать серьезных пробоин, помещения и палубы разрушены. Угольные бункера под водой. Антенны и радио сметены. В бою только три орудия».

Адмирал несется дальше и не находит корабля.

У «Дерфлингера» всего одна башня, у «Фон дер Танна»—одна, в «Мольтке»—тысяча тонн воды.

Мертвые башни. Выкуренные казематы. Развороченные бока. Вода в утробах. Чудовища с выбитыми зубами. В таком виде они несутся на неприятельскую линию.

— Миноносцы в атаку!

Еще не совсем стемнело. На море уже как черное сукно. Миноносцы бледнеют в ярком свете вспыхивающих прожекторов. Металлические коробки с десятимиллиметровыми бортами. Там, куда попадает снаряд, не много что остается. Экипаж сто лиц, двести лиц, сбившиеся в кучу и приросшие к неподвижным, разбитым обломкам. Офицеры запевают песню: «Stolz weht die Flagge schwarz-weiss-rot...» Все подхватывают и вопят: «Anunsres Schiffes Mast!»[1]. Они станут молиться или выть, если бы

---

[1] На мачте нашего корабля. (Прим. перев.)

кто-нибудь им подал пример. Масло, сочащееся из бункеров, превращается в пар, в зеленый светящийся газ. Из живых просмоленных факелов древнего Рима, с костров средневековья неслись исповедания. Здесь же ревет горящее мясо.

Английские радиосообщения:

«Потерял из виду германский линейный флот. Сражаюсь с боевыми крейсерами... Неприятельские крейсеры взяли направление на SO... На помощь! Поврежден миной. Неприятельские истребители на SW... Неприятельские истребители на SW... Поворот... Попарно поворот овертаг два румба от врага... поворот овертаг два румба лево руля... Поворот четыре румба лево руля... Адмирал собирается итти со скоростью двадцати двух узлов! Адмирал собирается итти со скоростью двадцати четырех узлов».

«Грэнд Флит» уклоняется от атаки миноносцев. Линия колеблется. Пламенный круг тает.

Это не тот закал. Это только Джеллико со своим формальным тактическим расчетом. Для сильного—день! А ночь с ее случайностями дает шансы и слабому! «Грэнд Флит» владеет миром. Он больше ничего не может выиграть. Он может лишь потерять.

Старый лев обрюзг для прыжка.

Когти «Грэнд Флит» снова разжимаются.

Маневр Шеера удался. Линейные корабли повернули обратно. Теперь и броненосные крейсеры меняют курс на обратный. За грядами тумана и чада линейной атаки им удается отделаться от последнего неприятельского наблюдателя. Линейный флот исчезает в пространстве беззвездной ночи.

«Грэнд Флит» движется к югу. Он держит курс на

немецкие минные поля, перед которыми Джеллико хочет на рассвете подкараулить немецкие корабли. Линейный флот движется в юго-западном направлении, потом по широкой дуге загибает на юго-восток. Английские корабли идут рядом, колоннами. Немецкие друг за дружкой в длинной кильватерной колонне.

В своем курсе на SW немецкий линейный флот проходит между колоннами главных английских сил и их арьергардом. После полуночи флотилии истребителей натыкаются на немецкие корабли, идущие в кильватерной колонне. Они не знают, кто перед ними, и дают опознавательные сигналы.

Прожекторы вырывают из темных пространств моря яркие круги света и беспощадно останавливаются на серых, как моль, бегущих кораблях. Средняя артиллерия. Броненосный крейсер «Блэк Принс», блуждающий позади английской линии, тоже наталкивается на немецкие корабли и дает опознавательный сигнал.

Выстрелы глухо гудят. Жужжание гранат выше и резче. Пороховой дым, освещенный прожекторами, имеет вид испаряющейся крови.

«Блэк Принс» горит.

Истребители также.

Цепь безумных исполинских факелов высоко горит в ночи. И в этом костре масла, пороха и стали существуют люди: двести, триста, семьсот человек.

Английские главные силы находятся на двадцать миль впереди.

Ни один сигнал не доходит до главнокомандующего Джеллико.

На немецкой линии во время ночного похода пробиты минами «Фрауенлоб» и линейный корабль «Поммерн».

«Фрауенлоб» тонет. «Поммерн» разваливается пополам.

«Поммерн»! Восемьсот человек!.

Последние жертвы!

Тысяча сто восемьдесят один раненый. Девять тысяч пятьсот двадцать шесть убитых.

Многие убитые еще живы!

Шестнадцать на «Висбадене». Они вперили глаза в медленно догорающий огонь. Пылает только еще дерево да писчие принадлежности в корабельной канцелярии. После того, как и это потухло, они начинают чувствовать свою мокрую одежду, холод и асфальтово-черное море...

Сорок на «Лютцове», заключенные в переднем минном помещении, оторванные от прочей команды. Броневая дверь заскочила. У них вдоволь воздуха для дыхания. Электричество горит. Все сорок висят у переговорной трубки, единственной пуповины, связывающей их с миром.

— Две тысячи тонн воды! Помпы еще действуют. Мы идем тихим ходом.

Шестнадцать обреченных на «Висбадене». Сорок на «Лютцове», сотни рассыпанных по покинутой пустынной поверхности Скагеррака!

Восемьдесят или тысяча двести человек, взлетающих в одном огненном столбе,—это миг, только одна вспышка и немедленное угасание. Триста или четыреста лиц, пригвожденных к погружающемуся кораблю, имеют перед собой необычайный вид палуб, поднимающихся к небу; они чувствуют кипящую температуру катастрофы, общее безумие.

Только разве над бойней нависает такая тяжелая атмосфера крови и теплый пар от полных кишек. Но

оглушенный бык истекает кровью в несколько минут, умирать же щепкой, гоняемой по бесконечному морю:

Жесткий треск рвущегося железа, огненный язык. Не самый высокий за этот день, зато фонтан темных обломков брони! Куски дерева и человеческие члены взлетают выше железа.

Последний удар!

Корабль продолжает держать курс.

В кильваторе прыгают пузыри. Поднимается голова— зеленое лицо с кровавым шрамом через лоб и левый глаз.

Корабль плывет дальше.

Лицо со шрамом, две гребущих руки. Они цепляются за дерево! Кусок дерева!

Изо рта течет вода. Ноздри раздуты.

— Я не булыжник! Не аристократ! Нет, господин капитан! Дерево плавает!

Волны похожи на серые бесцветные холмы.

Карл Клеезаттель замечает корабль. Он перекатывается через хребет волны. Из труб идет темный чад. Клеезаттель видит корабль еще два раза. Достигает следующего гребня,—корабль настолько отдалился, что видны лишь красные огни выстрелов.

«Вот они плывут и стреляют, плывут, и в них стреляют. Бедные ребята! Бронебойная граната, видел? Как у фотографа! Моментальный снимок. Только здесь и у тебя в момент глотка пересыхает. Интересно... ничего не слышишь, ничего не знаешь! Стены толстые. А ты лежишь задом в воде. Это не так уж плохо, можно дышать, больше не воняет. Матрос Клеезаттель! Ура! Теперь дальше собственными силами. Водоизмещение рав-

но нулю. Полный ход, шестьдесят ударов в минуту. Но тогда я должен выпустить бревно. Нет, этому не бывать!»

Кровь ударяет «Адмиралу» в голову, пробивается в поры кожи. Он не чувствует низкой температуры воды. Но эта тишина, эта большая мягкая линия волны, которая его поднимает и снова опускает. Его вдруг охватывает ужас.

«Ей-богу, их уж больше не видать. Как, ушли дальше, а меня бросили здесь одного? Что это за злосчастная граната была? Один каземат, может быть, только одна пушка. «Бакборт. Пятый каземат не отвечает». Ну, а дальше? Кто осведомлялся о первом, втором казематах, о башнях «Анне» и «Берте»? Больше не отвечают. Крышка! Но их было двенадцать у орудия. Куда девались одиннадцать остальных?»

Корабль исчез. Выстрелы смолкли. Ни одного хоть бы отдаленного залпа. Лишь бесформенная ночь и безмолвная монотонность моря.

Карл Клеезаттель начинает вопить: все громче и громче!

Бакборт пятый лопнул, просто-таки лопнул.

А из тех одиннадцати хоть один должен быть поблизости. Заряжающий «номер» у орудия как раз сменился. Он спустил штаны и присел над пожарным ведром. Клеезаттель смеется из глубины живота и кишек. Может быть смех поможет. Веселое общество всегда приятно.

Смех повисает над его головой.

Он глубоко лежит в волне. Вокруг стеной поднимается вода. Она похожа на черную эмаль ведра, в котором топят маленькую мышку.

Битва при Скагерраке насчитывает девять тысяч пя ьсот двадцать шесть убитыми.

Не счесть провалов между волнами, не счесть воронок, на дне которых одинокие, покинутые существа отчаянно кружатся в последний раз.

И «Висбадену» тоже приходит конец.

Никто не сумел бы сказать, какая сила продержала его столько времени на воде. Пробоины зияют в боках, как двери сараев, вода поднялась теперь до края. «Висбаден» ложится на бок и тонет, как переполненное ведро, совсем мягко и без водоворота. Остаются три плота, за них цепляются руки...

А на «Лютцове» сорок человек в минном помещении. Они все еще висят у переговорной трубки. Там место только для одного уха, только один рот может кричать:

— Братцы, братцы, ребята! Да слушайте же!

Дело не в словах, а в тоне!

— ...разве никого нет? Разве никто не слышит?

В соседнем помещении тихо.

Весь корабль молчит.

Вдали содрогаются машины. Свет в лампочках горит слабее. Броневая стена слегка погнута и сдвинута. Дверь имеет самый обыкновенный вид, но она не подается. Не подается ни на один миллиметр.

— Да не ори же так! Сам капитан только что был здесь. Он сказал, что все уладится, и мы приедем в гавань.

Корабль похож на двойное дно гигантской скрипки: так чувствителен к звукам. Разве это не топот ног, не топот многих вверх по трапу? Зачем они все бегут на верхнюю палубу... а дежурный у переговорной трубки, где часовой у трубки?

— Молчите! Да замолчите же!..

Один орет за всех сорок:

— Что случилось? Дежурный! Господин капитан! Милый господин капитан!

Переговорная трубка молчит. Далекое дрожание машин смолкло. Шагов не слышно больше.

Капитан покидает корабль последним. Вниз по фалрепу на миноносец. Миноносец почернел от количества людей—весь экипаж «Лютцова» в полном безмолвии. При отчаливании протягиваются руки и тайком гладят металлический корпус.

Миноносец останавливается на небольшом расстоянии.

— Сколько мин, господин капитан?

— Все четыре.

Чей-то голос, как удар в лицо:

— Ура в честь военного корабля «Лютцов»!

Вся тысяча глоток точно забита.

Четыре минных следа, взрыв—море открывает широкую воронку. Обломки корабля движутся, вращаясь в воронке, вниз ко дну.

«Миноносец типа Д 38—начальнику разведочных сил: В два часа сорок минут утра «Лютцов» взорван и покинут».

Когда вода подступает к горлу, море имеет другой вид. Волны становятся больше, а человек меньше. Собственно говоря, налицо всего кусочек головы: нос, глаза, волосы.

Пойманный альбатрос, принесенный на палубу, заболевает и выворачивает наружу свой желудок. Человек в волнах блюет до тех пор, пока ничего не остается: ни желудка, ни желчи. Хорошо еще, что кишки что-то держат, а то пропало бы ощущение верха и низа.

К шестнадцати человекам с «Висбадена» прибавилось еще несколько. В последнюю минуту они очнулись из

своего оцепенения и отделились от кучи покойников. Они прыгнули за борт в количестве двадцати двух.

Двадцать два висели на трех плотах!

С оторванной конечностью не очень долго продержишься на воде. Но и для здоровых рук и ног время ограниченно. К утру на плотах висела только половина. Остальные устали и разжали руки.

Как скоро гаснет лицо! Губы пухнут, вздуваются щеки и рты. Глаза—как тусклый студень. Они отражают свет: утром они были молочными, теперь—зеленые.

Море опять прозрачно-зеленое.

Те, что бросили плот, еще виднеются некоторое время. Руки, ноги и туловище свернуты в комок—так они идут ко дну.

Небо находится в постоянном движении. Как гигантский насос. Когда головы лежат глубоко между волнами, небо кажется плоской крышей; когда же головы скользят по гребню, свод обширен и высок.

Волнующаяся зеленая пустыня тоже движется.

Три плота разносит в разные стороны. Два несутся по течению на восток, один отстает. Руки, поднимающиеся для последнего привета, отяжелели, пальцы распухли от воды.

Три дороги ведут сквозь минные поля во внутреннюю часть немецкой бухты. Джеллико не получил известий от флотилии истребителей, наткнувшихся ночью на немецкий флот. Он ничего не знает о прорыве германского флота сквозь его собственные силы. Он ждет Шеера у среднего входа. Но германский флот находится у другого крыла, перед восточным проходом.

И «Грэнд Флит» довольствуется жестом. Не встретив германского флота у среднего прохода, он направляет-

ся в обратный путь. Он плывет тремя раздельными колоннами через Северное море к своей базе. Только броненосные корабли, легкие крейсеры и истребители сэра Битти еще раз обшаривают гладь Скагеррака, чтобы нанести смертельный удар оставшимся кораблям.

Но пространства Скагеррака обширны.

А корабли Битти повреждены во время боя.

Они не задерживаются и даже не замечают броненосного крейсера «Зейдлитца», разбитого впереди и погруженного в воду до подножья мостика. «Зейдлитц» движется еще небольшой скоростью и задним ходом ползет к югу.

Плоты и обломки не интересны, а от человека, носящегося на пробковом поясе, не далеко до утопленника.

Море прибирает.

Сто пятнадцать тысяч двадцать пять тонн английских кораблей, шестьдесят одна тысяча сто восемнадцать тонн немецких—от всего этого остались лохмотья. Человеческая кровь—жидкость совсем особого рода. Она пульсирует и работает даже в разбухающих телах и цепко держится за обломки. Но когда пальцы настолько распухают, что срастаются, и руки делаются похожими на рыбные плавники, то приходится отпускать.

«Адмирал» еще борется.

Он уцепился за кусок дерева.

Он выловил плававшую шапку—шапку английского матроса.

Ура! Тот выиграл сражение, кто выуживает трупы!

Прострелена: хорошо! Быстрая смерть!

Залп—огонь! Залп...

Нажми на кнопку, у тебя есть рука, есть кулак. На пятнадцать километров летят осколки. За мировой

рынок. Дело идет о мировом рынке и о моем вещевом мешке. За место под солнцем.

Англичане тоже стреляют....

За демократию, за свободу малых народов. Свобода морей. Месть за Бельгию. На Цейлоне голод. Резиновые дубины для Дублина и Манчестера. Чорт возьми, затвор не действует! Первый номер затвор не действует! Осколок!

Готово. Пушка снова готова. Заряжать, стрелять. Заряжающий номер выбыл. Номер первый. Заряжающий номер выбыл.

Фарфоровый завод вверх дном.

За свободу! За народы!

Заряжающий номер... Пусть этот шут перестанет орать. Ведь не он же нарушил нейтралитет Бельгии. Сборщиком податей на Цейлоне он тоже не был. Он даже не знал как следует географической карты.

Стрелять: хорошо, быстро. Тогда кончится бой. Мы не различаем больше партий. Суп с клецками, взбитые яйца, шпинат, филе, фрукты, кофе, а для матросов репа.

Клеезаттеля высосало высокое небо, он охрип от воды и холода. Но он все кричит. Воздух хлещет ему в глотку. Только не молчать. Кто прячет голову, тот потерян. При этом он тяжело опирается на грудную клетку. Голова болтается взад и вперед. Глаза закрываются. Набегающая волна, сильный толчок, он снова подскакивает.

«Матрос Клеезаттель, половинной скоростью, а остальное все в порядке. Чуточку воды в желудке. Но это из-за лафетов. Угол прицела. Сортирные стульчаки в Вильгельмсгафене. Замечательно поставлены на лафетах: никто не сидит дольше, чем требуется.

Меняй прицел налево».

Невдалеке от него плавает оторвавшаяся мина. Он наблюдает за ней с раннего утра. Она плывет впереди него в том же направлении. Немного потише. Он приближается к ней на своем бревне.

«Хотелось бы мне только знать, немецкая это мина, или английская? Алло! Англичанка?»

Мина кивает своей большой черной голвой: «Yes, сэр!»

«Или немка, может быть, из Куксгафена?»

Мина качается взад и вперед, взад и вперед: «Да, господин. Yes, сэр. Да, господин. Yes, сэр». Мы понимаем друг друга; да, да, ведь больше нет разногласий».

«Хотелось бы мне только знать...»

Немецкие мины взрываются высоким снопом, английские поднимаются как дерево и широко разлетаются наверху.

«Что, у женщин в английских минных складах такие же лимонно-желтые лица и руки, как и в Куксгафене?»—«Yes, сэр!»—«И у них не бывает больше детей?»—«Yes, сэр».—«И королевский суп с клецми?» — «No, сэр». Но мировой рынок, свобода торговли, грузы, японские кимоно, белье и чулки из Коби, шелк из Шанхая... Черномазая Милли в Ньюкэстле вообще не носила белья. Она была так дешева. Шесть пенсов. Мое жалованье тридцать пять пфеннигов за морскую битву и тридцать процентов военной надбавки. Я все жертвую обществу спасения на водах».

Воздух тяжелыми клубами тащится по воде. Солнце где-то далеко; его лучи завешены облаками.

Волна мягко лижет его по плечу.

«Братец, ты же спишь! Трусишь неприятеля! За это— крепость! Есть, господин капитан!.. Но Фреди дал мне

сувенир на Мальте, в кафе «Триполи». Ленточку с шапки: «Индефатигэбль». Он собирался открыть торговлю сладостями после отбытия службы—мороженым, конфетами, папиросами.

У Фреди башка на месте, он знает, чего хочет.

Может быть, он тоже где-нибудь поблизости? Алло, Фреди! Ship, ahoi!

Вы, может быть, видели Фреди?»—«Yes, сэр».

Мина приблизилась. Четыре рожка и маленькие стеклянные трубки качаются взад и вперед.

«Маленькая черная мина с подводной лодки. Маленькая, черненькая... ее бы следовало подержать за трубочку. Маленькая огненная чертовка. Только и всего: Да—да! Нет—нет! Я этого больше не потерплю.

Милли, та иначе. Шесть пенсов—и за дело.

Выше ногу, кайзеру нужны солдаты!»

Солнце прорывается сквозь отверстие в туче. Мир еще раз расширяется. Море—необъятная постель из мягкого шелка.

У Карла Клеезаттеля зеленые руки, зеленое лицо, а шрам на лбу белый, как мел.

«Примечание: матрос Клеезаттель не годен для службы.

Впрочем, все в порядке. Солнце светит.

Я веду вас навстречу чудесной эре. Ура его величеству кайзеру! Он все же сказал правду: «место под солнцем».

Мина все приближается и болтается, как церковный колокол.

«Извините, мадам. Легкие непорядки желудка... Сейчас уже лучше. О чем же вы думаете? Мы совсем о ни, и постель из зеленого шелка.

Да, да, мы выиграли войну. Белье из Банкока и чулки из Шанхая. Бедная Милли! А китаянки... Слишком дешевы—они укладывают спать своих детей под ткацким станком.

Спать... а солнце светит.

Только бы узнать: англичанка? немка?»

Мина качает головой совсем близко.

«Что? Я не заплачу? Всего шесть пенсов за ночь. А мой вещевой мешок. Гамбург, Гопфенштрассе 3. Что за прекрасные сапоги! Я их только один рейс носил!»

Карл Клеезаттель хватается за стеклянную трубочку.

«Тише, тише, мадам, ведь это же совсем не больно...»

Мина взрывается и поднимается деревом. Потом она рассыпается широкой шапкой и стоит в небе подобно исполинскому грибу.

КОНЕЦ

Девять тысяч пятьсот двадцать шесть убитых в бою при Скагерраке, пять тысяч четыреста семьдесят пять— при Догербанке, у Фалкландских островов и Гельголанде. Рядом друг подле друга лежат они в братских могилах Вильгельмсгафена и Розит, или зарыты в патагонских пустынях. Остальные пошли рыбам на корм.

Это не роман, это документ!

Кроме того: и я ведь принимал в этом участие.

Призван вне срока в 1914 году. Второй флотский экипаж в Вильгельмсгафене. Пятая рота. № 143. На борту его величества «Парохода вознесения».

Есть, господин капитан-лейтенант!

Я не добровольно явился. Но своего номера по списку уж никогда не забуду. Он выжжен, как клеймо

каторжника, как тавро годного для военных надобностей битюга.

Но с нами дело обстояло иначе. Мы не были кастрированы. Мы сохранили еще свои чурбаны. И это погубило империю. Небольшая операция при наборе рекрутов—и многое сложилось бы иначе.

Подвергался ли я взысканиям?

Вы думаете, я ополаскивал ночные горшки, гладил офицерские брюки, обмывал облеванные рукава и скалил зубы, если под вышитыми на фуражке дубовыми листьями появлялась милостивая улыбка? Не думайте этого. Итак: выговор, арест, строгий арест, вся шкала—до двадцати восьми дней карцера включительно.

Этим никого не удивишь.

Два года, пять... пятнадцать лет крепости! Их отправляли вагонами или запирали в сумасшедший дом. Иные еще гниют за проволочными заграждениями штрафных батальонов Шлезвиг-Голштейна. Я же был как в дурмане.

Но:

«Двадцать восемь» были вписаны красными чернилами.

«Двадцать один»—тоже.

Лозунг «вознесения»: ротами во Фландрию или на кораблях сквозь английскую блокаду. А если повезет: не видя земли и портов, по всем пяти океанам земного шара—к геройской смерти.

«Пароход вознесения» VIII.

Номер I была «Чайка», номер II—«Бельгравия», номер III—«Грейф», о номерах IV, V и VI нам ничего не известно. Номер VII—снаряженный в Киле парусник «Зеадлер». Номер VIII—бременский пароход «Вахтфельс», перекрещенный в военный корабль «Вольф».

Военный корабль «Вольф», вместительностью в семь тысяч тонн, одна труба, две мачты, ход—от силы двенадцать морских миль. Пароход, каких сотни плавают по всем океанам. Орудия и минные аппараты спрятаны за фальшбортом. И когда у нашей кормы развевается английский торговый флаг, ни одно судно не признает в нас немецкого военного корабля.

Я стою у руля.

Три, четыре ганшпука... у корабля ровный ход, даже в плохую погоду. Он равномерно подымается на темные валы и мягко опускается вниз. Нам повезло: плохая погода и туман в Северном море. Под прикрытием нависшего неба мы прошли сквозь блокаду. Один единственный раз мы видели дым, курчавыми хлопьями висевший в сыром воздухе. Но и он сразу исчез.

Лишь изредка мне приходится взглядывать на компас.

На правом крыле мостика стоит вахтенный офицер и старший артиллерист, тот самый, который был у нас на «Бельгравии»—обер-лейтенант с собачкой... Ганси. На другой стороне стоит наш «старик».

Девять дней назад мы снялись с якоря.

Столько же ночей «старик» не раздевался. Он спит за рулем в рубке. При малейшем шуме на мостике он уже там, выслушивает рапорт вахтенного офицера, стоит потом с подветренной стороны нока и глядит в пространство.

Час назад:

— Лед впереди справа!—крикнул матрос с марса. Серая огромная масса надвигалась на штевень. «Старик» уже стоял у машинного телеграфа, поворот:

— Стоп!

Еще поворот:

— Самым полным ходом назад!

Столкновение было мягко и пружинисто. Громада, высокая, как деревенская колокольня, прошла вплотную мимо штирборта. Синяя мерцающая гора осталась позади и исчезла в ночи.

Во-время данная для машины команда!

Вообще: наш «старик» на своем месте! Раньше он командовал боевым кораблем. Адмиралы отправили его на «вознесение» так же, как и нас. Чорт знает почему!

Но «старик» борется.

В Вильгельмсгафене он сражался с портовыми бюрократами за каждый предмет снаряжения и не уступил, пока не снарядил корабля полностью пятнадцатисантиметровыми орудиями, аппаратами минными и для искусственного тумана. В нашем складском помещении был спрятан самолет, и даже подводная лодка была нам дана для того, чтобы пробраться сквозь блокаду. Он проводил даже среди своих товарищей меры предосторожности против шпионов. Он скрыл от офицеров время отплытия, заказал прощальный ужин и разослал приглашения, а мы тем временем давно уже снялись с якоря и прошли английскую блокаду.

Восемь склянок! Восемь ударов судового колокола. Сменяющий меня матрос следующей вахты подымается по трапу.

— Вест-нордвест!—передаю я.

— Вест-нордвест!—отвечает сменяющий.

На палубе стоит вахта, девять человек за каждым орудием, одетые в толстые шерстяные фуфайки и завернутые в одеяла.

— Куда идем?—спрашивают караульные.

— Вест-нордвест! Стоим у Датского пролива!

В девять дней и девять ночей мы прошли Северное море. Мы стоим у Датского пролива, прохода между Гренландией и Исландией, ведущего в Атлантический океан.

В кубрике горит всего несколько ламп. Табачный дым, запах масла и краски, из недр корабля подымается вонь от воды. Мы лежим в гамаках. Некоторое время мы еще слышим удары волн и шум льдин, трущихся о борт.

Где-то стучат тяжелые сапоги.

Кто-то кричит со сна...

Когда мы снова подымаемся, высовываем нос на палубу,—снег уже взобрался вверх по вантам и начертил на фоне ночи сеть толстых линий. Снег все еще идет; струи воздуха едва просеиваются сквозь частое решето хлопьев. Волны вздымаются еще высоко, но удары их о борт стали мягче.

Подводную лодку мы потеряли из виду. Это маленькое движущееся жестяное тело поднималось вверх по гребням, становилось на голову внизу в долинах волн. Так плыло оно за нами дни и ночи. Но теперь оно исчезло.

Мы останавливаем машины и не движемся часа два. Но подводную лодку мы больше не замечаем, так продолжаем мы путь по ледяному морю. Одни!

Двадцать часов длится ночь!

И четыре часа день без солнца. Утренняя и вечерняя заря встречаются на небе. Льдины длинными караванами проплывают мимо нас. Караульные у орудий могут уйти. Пушки замерзли, так же как и минные аппараты. Никто уж не думает об англичанах; у всех на уме только лед. Он ложится на море мириадами тончайших иголок; становится все гуще, надвигается все

ближе. Подымается у нас, с боков, тяжелый, серый как свинец. Еще пока есть движение под покровом, он эластично колеблется вверх и вниз. Но внезапно все стало неподвижно; серая прерия, насколько хватает глаз. Сменившихся рулевых больше не спрашивают о курсе, спрашивают только лишь о скорости.

— Еще делаем по семи узлов!

— Еще делаем по пяти!

Металлически звенят ледяные массы, ломаемые продвигающимся носом корабля. Наметенные снежные сугробы слева и справа похожи на синие обмерзшие верстовые столбы. Мы бы могли сойти с корабля и итти пешком рядом с ним. Мы все больше теряем скорость. Воздух, всасываемый вентиляторами, ледяной. В котельной топки воют и трещат. Заклепки отскакивают, и цилиндрические трубы сдвигаются, как гармошки. Цепкие кулаки кочегаров, согнутые спины, кочерги, лопаты: состязание со льдом!

После боя тебя еще могут выловить. А если лед станет гуще? Если котлы и винты больше не смогут с ним бороться? Куда девались пароходы IV, V и VI? А подводная лодка? На борту было сорок человек.

Нас двести в матросском кубрике, сто—в кубрике кочегаров, девять человек за каждым столом. Весь экипаж потерпевшей аварию «Бельгравии».

Сало, хлеб, горячий чай!

Батареи излучают тепло.

Собственно говоря, мы рады, что избавились от бессмысленной муштры, и не вынуждены больше смотреть на плоско припавший к берегу Вильгельмсгафен. Поход сквозь лед—игра, и мы можем отыграться, вернуть себе ставку—жизнь.

Ради чего—это другой вопрос!

— Все это ерунда! Если мы садимся и играем партию в скат,—я рискую грошом, но могу выиграть твой. Тогда у меня будут два. А что же будет, когда война кончится? Если Германия победит? Мой вещевой мешок не станет тяжелее. Большого жалованья я тоже не получу. Я найду себе судно и уйду в плавание,—все, как раньше! Я тебе говорю—ерунда!

Ян прав. Мне нечего ему возразить.

— По крайней мере, мы выбрались и снова слышим воду под кормой и ветер в ушах,—говорит Альрих Бусколь.

А другой:

— Может быть, нам удастся захватить этакий пароход с грузом виски.

— И еще один с сигарами.

Старший боцманмат Вейс просовывает голову в люк:

— Ребята, наверх, на палубу!

— Что случилось?

— Лед, целая гора!

Только одни кочегары остались у котлов. Все остальные на палубе. Уже снова стало темно. Температура сразу скакнула вниз. Когда дышишь, кажется, что втягиваешь в нос ледяные осколки.

Вот что мы ощущаем первым делом—ощущаем нечто особенное в воздухе. Ни шума, ни шороха. И звук даже не очень громкий. Но похож на звон перетряхиваемых осколков. Непрерывный высокий ровный звук.

— Земля!—крикнул наблюдатель на марсе.

Ледяная громада уже вырастает совсем близко.

Она похожа на остров с нагроможденными вокруг него мрачными скалами. Пловучий ледник. Нависающие

карнизы! Пропасти! Есть и мосты, перекинутые гигантскими дугами, есть и равнины и альпийские луга. И все это светится холодным синим светом. Айсберг больше острова Гельголанда. Он движется по своему собственному курсу и проходит мимо нас со скоростью трех миль в час.

— Вахта, наверх!

— Подвахтенные, вниз!

Мы пробираемся по проливу, пробитому айсбергом, проезжаем длинные лагуны. На краю света полыхают пучки желтых лучей северного сияния.

Пролив расширяется.

Пловучий лед и ледяные поля!

Мы проходим еще сто восемьдесят миль, и перед носом корабля открывается свободное от льдов водное пространство. Солнце светит, перед нами простирается Атлантический океан, гладкий, как зеркало, необъятный.

Один из котлов тушат и начинают чинить.

На двух котлах, со скоростью семи миль в час мы плывем к югу.

Английское радио:

«Замечено неприятельское пиратское судно. Оно хорошо вооружено, имеет минный аппарат и короткую толстую трубу. Идет большим ходом. Предлагается величайшая осторожность.».

Это относится не к нам, с нашими семью милями, а к «Чайке», вышедшей за несколько дней до нас вторично и пиратствующей на северо-атлантических пароходных путях. Мы пересекаем пароходные пути, не трогая ни одного из проплывающих судов.

Командир объясняет:

— Первым долгом мы должны поставить минные за-

граждения. Нашу задачу можно считать выполненной только в том случае, если мы на протяжении всего рейса не произведем ни одного выстрела.

Рейс без выстрелов, доброе слово!

Я—номер «второй» у третьего бакбортного орудия. Пушка—это такая штука... Дуло, заряд пороху, впереди кусок железа. Рука у спускового механизма—и раз-раз: рука превратилась в кулак и бьет на горизонте по чьей-то палубе.

Вот именно, такая у тебя рука!

Только не надо думать о том, что за этим следует. Я видел утопленников, вздутых, как коровье брюхо, я видел убитых при Скагерраке, из куч сваленных трупов кровь сочилась, как коричневый клей. Когда флот вернулся, и командующий фон-Гиппер делал смотр своей эскадре,—кучи эти покрыли парусиной.

Адмирал осматривал разбитые броневые стены, зубчатые колеса, машины. На лица и остекляневшие глаза под парусиной он не посмотрел.

Поврежденные корабли нуждаются в материале, работе, времени. Для мертвых кули можно нанять повозки с угольных складов Вильгельмсгафена. Если положить трупы друг на друга, то в повозке поместится пятьдесят. Для живых кули необходима на тысячу человек паровая кухня, на десять тысяч—бордель, или два раза в год свободный вход в город.

Мы получили первое жалованье.

За проезд сквозь блокаду и ледяное море—пять жестяных марок. В судовой лавочке за это можно получить пиво в бутылках, папиросы, табак. Если мы будем выпивать бутылку пива в неделю и экономить курево, мы можем обойтись до следующей получки.

Мы скребем палубу, производим ученье у орудий, сменяемся у руля и на марсе. Мы давно уже не носим обуви, на нас нет рубах, короткие штаны,—вот и все. В свободное время мы лежим наверху на баке, глядим в воду или в пространство.

Сверкающие облачные цепи северо-восточных пассатов проплыли над нами; и стального цвета небо над Сарагосским морем, небо, которое кажется усеянным черными хлопьями, когда долго на него глядишь. Под потоками горячих дождей и ливней мы устраивали большую стирку и основательную баню. Нам нужно беречь запасы воды, даже питьевая вода под замком. Часть нашего провианта,—несколько сот центнеров муки,—мы выбросили за борт. Поставщики в Вильгельмсгафене рассчитывали на то, что мы застрянем в английской блокаде и затонем. Когда мы вскрыли мешки, мука оказалась затхлой. Мы проплыли мимо обломков корабля—выгоревший железный остов без матч, кусок паруса еще висел на кливере. Больше мы ничего не видели: ни судна, ни дымка. Все одно и то же: вода и облака. И все те же лица—у орудий, за едой, в свободное время. Мы почти забыли про войну. И ощущение, что где-то за вечно синим морем притаилась земля,—потускнело.

Но вот из моря подымается скала.

Широкая, четырехугольная: Столовая гора!

Характерный навигационный знак Капштадта. Юго-восточный пассат стих. Одинокая птица, длиннокрылый страж южного мыса, устало чертит круги по напоенному солнцем небу.

— Дым впереди!

Широкая полоса плывущих в море кораблей. Дым быстро приближается: шесть дымных флажков. Шесть

труб вырастают у горизонта.

Корабли идут из Капштадта.

Мы держим курс на Капштадт.

Под палубой жарко, как в печке. Голые спины, лоснящиеся жиром и потом. Лица не такие, как всегда,— приоткрытые губы, зубы. Торопливо пьем холодный кофе. Кое-кто набивает трубки.

Авральный колокол!

— Корабль к бою приготовить!

Шесть больших пароходов, конвоируемые крейсером. Корабли идут полным ходом. Мы можем невооруженным глазом разглядеть британский военный флаг на корме броневого крейсера. У нашей кормы—английский торговый флаг.

Снаружи мы походим на самое обыкновенное угольное судно. Орудия замаскированы. Орудийная прислуга сидит скорчившись за фальшбортом. На мостике видны только командир и рулевой. Командир в штатской шапке. Рулевые и матрос на корме у флага—все не в военной форме.

У третьего бакбортного орудия.

Пушка заряжена. Телефонист надел наушники. Нам запрещено подыматься, и мы, сбившись в кучу, скорчились у клюза и глядим в дырку.

Все шесть пароходов имеют толстые желтые трубы: войсковой транспорт. Броневой крейсер принадлежит к классу «Бервик»: четырнадцать пятнадцатисантиметровых орудий. С нами ему не трудно справиться. Одно-единственное попадание в наш минный груз—у нас на борту шестьсот штук—превратит наш корабль в пылающий ад.

Море отсвечивает шлифованными плоскостями. Мы

можем видеть на большую глубину, круг за кругом: ближние—густо синего цвета, дальние—фиолетовые и огненно-желтые. Столовая гора и силуэт берега, как стеклянные, выделяются на фоне вечернего неба. Подвинувшись, я задеваю голое плечо Кудля Бюлова, нашего «зарядного номера».

Он смотрит на меня:

— Тедди... все это, собственно говоря, г...!

— Когда оттуда раздастся первый залп, я прыгну за борт,—заявляет Ян, также стоящий у нашего орудия.

— Приготовьсь?—передает телефонист.

Мы сидим за пушкой, все еще согнувшись и невидимые снаружи. «Бервик» стоит по траверсу. На его мостике подымается сигнальный флажок. Но это не для нас, это для пароходов, следующих за ним.

Матрос у нашей кормы спускает флаг, подымает его и снова спускает; обычное приветствие встречных кораблей.

Глаза всех не отрываясь смотрят на флаг броненосца. Ответит ли он на наше приветствие, или запросит, «откуда и куда»?

Британский военный флаг опускается.

Потом снова подымается, очень медленно.

Новый сигнал, опять-таки только для транспорта: распоряжения на ночь.

После того, как мы миновали транспорт, мы замедляем ход, внезапно наступившая тропическая ночь поглощает нас. Без огней. Никакого света, даже вспышки спички. Если кто-нибудь хочет закурить трубку, он спускается вниз.

Мы приближаемся к берегу.

Лотом нащупывают глубину.

— Триста метров.

— Двести девяносто метров!

На ста восьмидесяти метрах начинается работа. Небо африканских широт высится над нами. Звезды. Светлые круги на воде! Отсветы, серебристые на минах и синеватые на согнутых спинах. По-двое, по-трое матросы скатывают мины по юту.

У отверстия короткий приказ:

— Кидай!

Телефонист доносит:

— Десятая мина упала!

— Одиннадцатая мина упала!

Над водой, рукой подать, цепь белых огней: длинный мол Капштадта. Тени: ошвартованные суда. В бинокль можно разглядеть высокие дома у пристани и освещенные ущелья улиц.

Нам, стоящим у орудия, делать нечего; приходится только на всякий случай быть наготове. Кудль Бюлов обращается к Яну:

— Вот насчет того, чтобы прыгать за борт, какая тебе от этого польза?

— Никакой! Но пусть и другие этим не пользуются и не устраивают себе рекламы. Наплевать мне на геройскую смерть. Уж лучше прыгнуть в воду и—ко дну.

Бюлов смотрит на Капштадт, на корабли, темные и призрачные на фоне моря огней.

— Если они выедут и наскочат на мину...

— Они тоже не виноваты.

— Они—нет, они плывут на корабле, только и всего.

Все снова взлетают брызги из-под падающих мин, и огромные, в человеческий рост яйца, способные взорвать самое большое судно, погружаются и зацепляют

якорем за дно на точно определенной глубине.

Телефонист монотонно поет:

— Сорок вторая мина упала!

— Сорок третья мина упала!

Прислуга третьего бакбортного уселась у котла с кофе. Разговор вертится вокруг Капштадта.

— Если б нам сойти здесь на берег. Вот было б дело!

— Уже восемь недель в пути.

Джимми еще незадолго до войны был у африканских берегов.

— Вот времячко было! А черные мэмми,—не в Капштадте, а дальше к северу, в большом порту,—за кусок мыла можно было получить любую из них.

Бюлов еще пережевывает мысль: кто виноват?

— Мэмми не виноваты! И Джонни, которые сейчас сидят там в «Делягоа Бар» или у папаши Дональда и завтра наткнутся на одну из наших мин,—тоже не виноваты.

— Готовсь! У всех орудий готовсь!

— На трехстах двадцати градусах пароход! Пять тысяч пятьсот!

Мы подбегаем к орудиям. Ян кладет руку на рычаг затвора, Кудль хватает гранату. Я ставлю на расстояние пять тысяч пятьсот. Каждый из нас девяти стоит на своем посту. Но это только пассажирский пароход, с ярко горящими огнями и освещенными каютами и салонами как в самое мирное время; он выплывает из Капштадта.

Мы устанавливаем еще одно минное заграждение. Потом отделяемся от берега.

В последующие ночи мы ставим мины дальше вдоль берега, под конец у мыса Игольного, самого южного

пункта материка, куда заходят проезжающие корабли.

Плавание продолжается.

Курс на север, через Индийский океан.

Мы едем снова вне обычных пароходных путей. Монсун, дующий сзади, движется с той же скоростью, что и наш корабль. Так что, собственно говоря, мы стоим, как пригвожденные, в неподвижном воздухе под горячим небом. Дым из труб подымается отвесно, и густая угольная пыль окутывает нас.

Все люки открыты. Лебедки скрипят. Мы перетаскиваем уголь с передней части корабля назад. Густыми тучами взвивается пыль и ложится на наши тела. Под раскаленным тропическим солнцем мы перетаскиваем каждый тридцать пять центнеров в день по палубе длиной в сто пятьдесят метров.

Нас несколько человек, отдыхающих у фальшборта. Высокое небо необъятно. Море—растопленный синий свет. Выброшенный за борт кусочек угля, кажется, повисает в бездонной глубине. Секунды проходят прежде, чем уголек превращается в точку и исчезает.

Мы снова беремся за работу. Пот застревает под кожей. Язык болтается во рту, как кусочек черствого хлеба. Не слышно больше ругани.

Некоторых поражает тепловой удар, и их уносят.

— Лучший материал, господин майор!—сказал штабной врач в 1914 году, при рекрутском наборе. А наш старший артиллерист заносит в свои заметки для будущей книги о войне: «Работа сопровождалась песнями и шутками, недовольных лиц не было. Некоторые щеголяли тем, что таскали по две корзины сразу».

Некоторые таскают по две корзины сразу, потому что тогда, после работы, они первыми смогут воспользо-

ваться несколькими кубическими метрами соленой воды в купальном помещении. Тридцатые и сороковые купаются в теплой кофейного цвета жиже.

Мы стоим с чайниками в руках перед камбузом, друг за дружкой, один от каждого стола, и дожидаемся выдачи ужина—чай без сахара, маргарин и хлеб.

— Вы видели старшего артиллериста? Он сидит на верхней палубе с ящиком красок.

— Пачкотня, в которой сам чорт не разберется!

— Жаль хороших красок.

— Ему б не мешало потаскать уголь. А на обед—сушеных овощей. И вечером—маргарин!

Выдают хлеб. Он плохо выпечен, из затхлой муки. Из офицерской кухни несется и ударяет нам в нос запах жареного мяса.

Медленно мы проходим с чайниками по верхней палубе мимо старшего артиллериста. Он сидит перед мольбертом и пытается изобразить закат, ложащийся пламенными красками на море и загромождающий горизонт тяжелыми глыбами и грядами облаков. Я видел как-то одну из его картин: айсберг в Датском проливе. Денщик показал мне эту картину. Айсберг был на ней похож на плум-пуддинг, плавающий в малиновом соусе.

Над мостиком проносится легкий ветерок.

Кубрики расположены в трюме передней части корабля. Ни одного окна, даже днем большей частью горит огонь. Столы и кружки осыпаны угольной пылью. Едим наспех. Потом мы укладываемся на столах и скамьях, или же на палубе, пока не раздается сигнала «На гамаки!» Наши тела будто налиты свинцом, но из-за жары мы долго не можем уснуть.

И так изо дня в день.

Всегда по одному и тому же расписанию.

Работа—как бешеная оргия. И когда нас подымают со сна, мы чувствуем себя разбитыми, и головы гудят. Циклон вносит некоторое разнообразие. Небо съеживается, превращается в огромный желтый, с оборванными краями мешок и вскоре делается совсем бесцветным. Возникающие порывы ветра перегибают волны и, подхлестывая, вздымают могучие, увенчанные пеной, горы. Люки задраены наглухо, штормовые леера натянуты на палубе. Корабль—маленькая жестяная коробка, устремляющаяся в темные, клубящиеся тучи и кидающаяся в пропасти.

Мы попадаем в центр тропического урагана. Лишь посты у руля и на марсе сменяются, да кочегары стоят у котлов, остальная работа вся стала. Кубрик кидает, как коробку в руках великана. Подвешенное промасленное пальто, сапоги, болтающиеся с палубного бимса, и тела, уцепившиеся за столы и стулья,—вот единственные предметы, сохраняющие вертикальное положение. Матросы играют непрерывно в скат, ругают жратву, плаванье, войну.

— Куда только «старик» нас волокет?

— В Индию, это мы знаем по курсу. А дальше?

— Если б можно было хоть сойти на берег, попасть в такой веселый домик.

— Один разок с бабой в кровать.

— Или хоть бы пошляться по улице, вечером, когда горят огни.

— Или проехаться на трамвае, когда много народу справа, слева, спереди, со всех сторон женщины,—хоть раз нюхнуть этот запах. Самый длинный рейс на паруснике длится девяносто дней.

Мы уже превзошли этот срок.

— Брось курить!

— На гамаки!

Шпангоуты корабля скрипят и стонут. Металлические борты—как гигантская туго натянутая бычья шкура: они дрожат, вибрируют, гудят. Гамаки качаются, подымаются и падают. Шерстяные одеяла—как лихорадочные руки. Тела матросов выбиваются из-под них, обнажаются.

Люк закрыт из-за перекатывающихся через палубу волн.

С палубы спускается матрос, у него в руках что-то окровавленное—птица с перебитыми крыльями.

Мчащийся ураган несется через тропические острова, деревни и плантации. Птиц и бабочек ураган увлекает на сотни миль в море.

— Она шлепнулась о нашу трубу,—говорит матрос с птицей. Кое-кто вытягивает шеи из гамаков и рассматривает промокшее окровавленное существо.

— Нам бы там быть, откуда она.

— Когда мы наконец опять увидим землю?

Таскать уголь, счищать ржавчину, красить! Да еще нести караулы, чистить орудия, производить учение! Нет конца плаванию.

Сто дней!

Мы поставили мины у Капштадта, у мыса Игольного, у Коломбо, Бомбея и в Уотчбанке—мелководье Индийского океана, где в бурную или туманную погоду суда опускают лот для ориентировки.

Двести дней!

Мы нападали на торговые суда и топили их. Происходит это всегда следующим образом: пароход, одиноко продвигающийся по сверкающей глади. Мы приближаемся

и на расстоянии тысячи или пятисот метров подымаем сигнал: «Застопорите немедленно, или мы стреляем».

— Второе орудие на штирборте... выпустить заряд впереди корабля... Огонь!

Взрыв—перед носом парохода водяной столб! Пароход застопорил и покачивается на зыби. Из помещений для кочегаров потоком хлынувшие люди бегут по палубе, подымаются по трапам, к шлюпкам. Они тащат с собой узлы с платьем, иногда совсем не нужное барахло: клетку с птицей, модель судна. Спуск шлюпок происходит, по их мнению, недостаточно быстро. Они вытаскивают ножи и перерезают канаты, но никогда не делают это одновременно с обеих сторон. Шлюпки повисают на одном конце, другой опускается, и все сидящие в них падают в воду. И каждый раз все повторяется в точности.

Вплоть до мелочей, до перерезанных канатов и переломанных при падении из шлюпок ног.

Дальше все идет медленнее.

Наша моторная лодка перевозит на корабль призовую команду, старая команда возвращается на борт. Мы плывем рядом с захваченным судном. Спустя полдня, вне обычных пароходных путей мы ошвартовываемся борт о борт и выгружаем приз.

—Нам нужны уголь, провиант, оснастка, медикаменты,— нужно все, что имеется на кораблях, идущих из порта. Расход угля остается все тот же. Но расход на провиант увеличивается с каждым захваченным судном, потому что команды остаются у нас на борту в качестве пленных.

Мы захватили десять судов.

Железо мы взрываем, и через пять или десять минут судно идет ко дну. Дерево мы поджигаем, и его иногда днями носит по воде.

Дважды мы потеряли людей.

Один раз погибло двадцать шесть человек на пароходе «Туpателла», захваченном на линии Аден—Коломбо. Ошвартованные бок о бок корабли качало, и они сильно ударялись бортами.

На палубе «Туpателлы» шла возня, как будто мы находились не в океане, а в каком-нибудь порту. Ацетиленовым аппаратом мы сделали в борту парохода брешь для скидывания мин, установили орудия и перенесли мины. Английский капитан, штурманы и машинисты были нами захвачены в плен. Наш старший офицер и двадцать пять матросов, взяв с собой вещевые мешки, перебрались на пароход и устроились там.

Китайская команда собралась у главного люка.

Слова, жесты, разгоряченные лица, взволнованно болтающиеся косы!

После обсуждения переводчик заявляет:

— Немецкое или английское,—нам все равно. Мы плаваем не ради флага, а ради пяти фунтов в месяц.

Наш «старик» обещал им восемь.

Жалованья этого китайцы никогда не получили. И мы больше никого не видели: ни китайцев, ни немцев. Пароход ставил мины в Красном море. Во время бегства корабль взорвали, и команда его покинула. После того, как их носило двадцать четыре часа, команду подобрал английский крейсер. Немецких и китайских кули привлекли к суду в Бомбее по обвинению в разбое и убийстве. Их присудили к каторжным работам на много лет.

В другой раз несчастный случай был причиной потери людей.

Это случилось при захвате старого ржавого «бродяги».

По приказу старшего артиллериста зарядили орудия

прежде, чем они были наведены, когда они еще смотрели дулами на свой собственный корабль. И вдруг одно орудие выстрелило и граната взорвалась среди нашей же команды.

Огненный столб, еще один!

Мы бросились в разные стороны через люк, вверх по трапу, на верхнюю палубу, и только во время бега стали приходить в себя. Произошел выстрел одного из наших же орудий.

Мы поворачиваем обратно. Навстречу нам идет матрос с окровавленным лицом, другой прижимает красную, липкую от крови рубаху к животу. Бутендрифт с четвертого орудия поднял раздробленную руку, как факел. Остальные неподвижно лежат под дымящимся еще жерлом.

Появляются санитары с носилками. Мы ничего не понимаем, да и некогда раздумывать о случившемся.

— Спустить бакбортный катер!

Мы спускаем катер на воду.

Переезжаем на пароход.

Судно «Джумна», невооруженное, с грузом соли, по пути из Испании в Калькутту, триста тонн угля.

Позже мы стоим борт о борт. Стрелы подняты. Лебедки скрипят. «Вольф» перегружает уголь и провиант с парохода.

Всем есть работа.

На носу и на корме два отряда заняты возобновлением тросов, которые от сильной океанской качки лопаются, как скрипичная струна. Другие группы укрепляют канаты и тросы для предохранения обоих судов от столкновения. Остальные заняты перегрузкой или в бункерах «Джумны».

Судно старое, бункера все в закоулках, ни освещения, ни вентиляции; сухая пыль и раскаленный воздух. Уголь блестит в полумраке; мы можем наполнять корзины.

Двое убитых, двадцать четыре раненых! Двое или трое еще умрут,— так сказал врач.

— Проклятая война!

— И старший артиллерист!

Старший артиллерист,—может быть, он и не виноват. Но следует ли заряжать орудия, когда жерла еще направлены на собственный корабль? Да к тому же заряжать ради несчастного невооруженного, торгового судна? И потом, все же его знают: вечно он занят своими псами, ящиком с красками, карандашами или фотографией.

— Хотел бы я видеть его здесь, внизу, здесь в темном бункере!

С этими словами кто-то поднимает глыбу угля и с такой силой швыряет ее об стену бункера, что глыба рассыпается на куски.

— Они все таковы. Наш дивизионный офицер тоже не лучше. Расчесать волосы на пробор и отполировать ногти—это он умеет.

— Им никогда не приходилось работать,—вот в чем дело.

Кубрик превращен в лазарет.

Все двадцать четыре, в ожидании ножа хирурга, лежат в гамаках, плоско поставленных на железном полу. Кое-кому делают впрыскивания до тех пор, пока не прекратится вой, сменяющийся детским тонким плачем. Некоторые лежат совсем тихо, лишь поблескивая оскаленными зубами. Лица сразу посерели.

Вот лежит механик Байерль, голова и верхняя часть

туловища обожжены. У него больше нет глаз, он вскидывает обгоревшие руки.

— Снимите же перчатки, снимите перчатки, они мне не нужны!

У Дирка Бутендрифта рука на перевязи. Он видел огонь выстрела, а потом дымящееся дуло, и знает, откуда была граната. Он уставился в палубный бимс, все в одну и ту же точку.

Альрих Бусколь лежит в стороне от других.

— Альриху пришел конец,—говорит санитар.

У Бусколя разворочен живот. Он не может ни есть, ни пить. От времени до времени он набирает в рот подслащенной воды и снова ее выплевывает. Он проделывает это осторожно, почти не шевелясь.

Два врача, операционный стол.

Врачи работают без перерыва.

Когда санитар опрокидывает за борт ведра с окровавленными отбросами и лохмотьями мяса, следующие за кораблем акулы двумя-тремя ленивыми движениями, ударами хвоста подплывают и подбирают все до чиста.

Паровые лебедки скрипят.

Стальные тросы, гаки, корзины.

По четыре корзины зараз переносится с «Джумны» на «Вольфа». Триста тонн угля—это не много. Но это дает нам возможность проплыть две тысячи миль.

Старший артиллерист составил протокол. Металлический осколок, прилипший ко дну гильзы, при закрывании затвора надавил на капсюль и послужил причиной выстрела. Старший артиллерист только сейчас открыл, что к смазанным по его приказу гильзам легко может что-нибудь пристать, и что походная кузня стоит возле приготовленных для стрельбы снарядов.

Вечером мы спускаем в море первые трупы: одного матроса и одного кочегара. Кочегара Стювена я видел утром. Он сидел, прислонившись спиной к люку, с трубкой во рту. Головку трубки и зажженную спичку он защищал ладонью от ветра. В этот самый миг взорвалась граната. У кочегара была только небольшая дырочка на лбу.

В следующий вечер на доске лежит механик Байерль.

Десятиминутный перерыв в работе! Мы все собрались—из бункеров, от тросов, лебедок и стрел—и стоим полукругом на баке. Голые спины и ноги, черные, потные. Кругом валяются корзины и лопаты.

В середине лежит тело, завернутое в парусину; к ногам привязан кусок железа. Старший офицер читает молитву. Мы глядим на желтый свет торжественно расставленных якорных фонарей, на растянутое полотнище военного знамени. Два матроса подымают доску. Тело скользит за борт. Мы слышим всплеск воды.

На следующий день мы топим «Джумну». Пачка разрывных патронов закладывается на уровне машинного помещения, и десять минут спустя пароход утыкается носом в воду и исчезает.

Альрих Бусколь все еще набирает в рот воду и снова выплевывает ее. Уже третий день так, в пыли и духоте средней палубы. Он не хочет умирать и борется со смертью. Он не дает ни одной капле влаги попасть в развороченные кишки, не делает ни одного лишнего движения.

Бусколь подзывает глазами Кудля Бюлова.

— Кудль... теперь мы пойдем... теперь станет лучше... И когда рейс кончится...

Бюлов совсем низко наклоняет голову, чтобы уло-

вить едва слышные слова. Он знает, что Али пришел конец. И понимает, что тот говорит, цепляясь за последнюю надежду

— Все уладится, Али! Решено: когда рейс кончится, мы вдвоем поищем себе китобойное судно...

Крупные капли пота выступают на лбу Бюлова. Он с трудом выдавливает из себя слова:

— Норвежское судно, Али! Мы найдем норвежца: они платят лучше всего.

Голова Альриха Бусколь—широкий фрисландский лоб, тяжелые скулы—неподвижно лежит на подушке, будто вылепленная из светлой глины; глаза его широко открыты.

— Норвежца... сделаем рейс... а когда мы демобилизуемся... поедем в Фирлянд, посмотрим еще раз, как цветут деревья.

Через час Альрих Бусколь умер.

А старший артиллерист в свою книгу о войне для немецкой молодежи заносит сто строк о смерти, ставшей обычной гостьей среди немецких моряков. Он пишет о прекрасной белой парусине, в которую заворачивают трупы, о зеленой мураве на братских могилах Фландрии, о дне Северного моря. Он цитирует солдатскую песенку: «Ich hatt'einen Kameraden...» и полустраницей ниже «Er ging an meiner Seite...»[1], а когда описывает, как Альрих Бусколь лежит на доске—третью строфу песенки: «Kann dir die Hand nicht geben»[2].

Пропаганда для следующей войны. Ян Гойлен был прав тогда, у Капштадта:

— Я прыгну за борт, если не будет другого выхода!

---

[1] Он шел о бок со мной.
[2] Дать не могу тебе руки.

(Прим. перев.)

Чтоб только они не могли устроить себе рекламы из моей смерти.

Курс на юг.

Больше не видно земли, только одна вода. Водные глади, на которые день ложится, как белый огонь, а ночью они, темные, проплывают мимо нас.

Где-то мир!..

И все еще—война!

Иногда мы перехватываем радио с кораблей, покидающих порт или заходящих в него, шифрованные радиограммы с военных кораблей, «SOS» судов в беде. Наши мины у африканских берегов и индийских портов производят свое действие. Корабли натыкаются на них и тонут—вместе с рисом, сахаром, пушечным металлом, боевыми припасами, людьми, лошадьми.

У нас на борту еще двести мин.

И мы плывем; триста человек в трюмах носовой части корабля и столько же пленных в трюмах кормовой части. Между ними возвышается верхняя палуба с офицерскими каютами, а над ней мостик с командным постом, с помещением командира.

Наш командир:

Он читает Канта и Шопенгауэра, он самый одинокий человек на борту. Ни с кем, даже с офицерами, он не имеет дружеского общения. Когда он по случаю какого-то празднества и попойки зашел в кают-компанию,—настроение сразу упало, и господа офицеры сидели друг против друга, как истуканы. Сухой математик, который избег преследований врага не скоростью, а невероятной медлительностью нашего корабля. Преследовавшие нас военные корабли постоянно проплывали мимо и подкарауливали нас в необъятных пространствах в не-

скольких стах милях от нашего настоящего местонахождения. Без выстрела, без отчаянных гусарских геройских выходок он действовал только, когда шел наверняка.

Притом он обладал совершенно обескровленной справедливостью, одинаковой беспристрастностью в отношении матросов и офицеров. Когда мы стояли борт о борт с «Туpателлой», командир вдруг с мостика окликнул старшего офицера:

— Господин капитан-лейтенант, что там тащут матросы? Я бы хотел это выяснить!

И после того, как старший офицер доложил, что отнесенные в матросский кубрик ящики из груза «Туpателлы» содержат ананасы,—командир обратился к нам с речью:

— Все, что захвачено,—собственность государства. Кто этим воспользуется, совершает кражу. На войне это называется мародерством. А кто после этого предупреждения будет пойман с поличными,—будет вздернут на рею.

При этом он поднял худую руку к мачте и указал место, где должны были повесить нас, присвоивших себе несколько банок ананасов в качестве прибавки к голодному пайку.

В другой раз он обратился против офицеров.

Захваченный на каком-то судне груз в несколько тысяч яиц весь без остатка исчез в офицерской кладовой. В течение недели целыми днями денщики бегали из кухни в кают-компанию: «Яйцо в смятку! Яичницу-глазунью!» Пока командир не заметил этого и не кликнул заведующего хозяйством.

— Сколько яиц мы взяли с призом? Сколько попало в офицерскую кухню, сколько в матросскую?

Толстяк заведующий мог только сообщить, что в ма-

тросскую кухню не попало ни одного яйца.

В этом не было ничего особенного, это обычная точка зрения: все «государственное имущество» идет офицерам, а команде лишь самое необходимое.

Но § 58 п. 10 военного уложения о наказаниях гласит: «Военная измена карается смертью... кто не выполняет своих обязанностей по обеспечению продовольствием вверенных ему частей».

В этом духе была речь, с которой командир обратился к офицерам, и жалкие остатки яичного груза были доставлены в матросскую кухню.

Вокруг командира стало еще просторнее.

Команда его не любит.

Офицеры открыто издеваются над ним.

Пленные задней части корабля стали такими же ободранными и грязными, как и мы. Англичане, португальцы, негры! Представители полдюжины различных рас. Они получают ту же еду, что и мы, но живут еще более скученно. К тому же они без работы, действующей как постоянный дурман на экипаж.

А если действительно придет конец, и мы в один прекрасный день вступим в бой с каким-нибудь крейсером, их судьба будет судьбой крыс, которых топят вместе с мышеловкой. Когда на горизонте появляется дым, они все должны спускаться под палубу. Они лежат тогда в трюме, как тюки, или какой-нибудь груз. Люки у них над головой закрыты, накрепко закупорены.

Перед нами стоит парусник. Почти полное безветрие, паруса повисли. Без приглашения парусник подымает сигнал:

— Английская барка «Ди» с балластом, по пути с островов Маврикия и Бамбур!

Парусник совершил длинный рейс и просит сообщить время по хронометру.

Вместо ответа мы подымаем военный флаг.

Мы отправляем команду для взятия приза.

Парусник «Ди» плывет с балластом. На борту у него только камни и немного провианта. Мы перевозим ящики и бочки на шлюпках. Последняя шлюпка доставляет английского капитана, двух французских штурманов и экипаж—дюжину негров. Негры пьяны. Некоторых приходится втягивать на канатах, точно так же как незадолго до этого мешки с мукой. На палубе они падают и остаются лежать.

От парусника отчаливает шлюпка с подрывной командой.

Глухой взрыв, летят обломки!

Капитан на нашей корме, седой шестидесятилетний старик, срывает с головы шапку.

Сколько мы видели тонущих кораблей. И всегда одно и то же. Вода проникает через брешь в трюмы. Судно оседает, становится тяжелым и неестественно качается. Некоторые суда тонут носом, другие кормой; одно судно легло на бок и опрокинулось.

Капитан с «Ди» стоит неподвижно. Водяная пыль летит ему прямо в лицо. Кругом него лежат негры. Остальные пленные так же, как и немецкая команда, стоят у фальшборта. Все наблюдают борьбу старой барки с водой.

Судно погружается по траверсу совершенно равномерно. Английские штурманы бьются о заклад на табак, на папиросы, на пару брюк.

— Затонет кормой.

— Нет, носом! Держу пари на свою калабашскую трубку!—орет лысый ирландец.

Старый капитан привел свое судно из Шотландии. С тех пор он в течение двадцати лет с цветными командами объезжал на нем моря южного полушария. Его лицо—как старый пергамент, морщины, складки. По щекам его стекают слезы, он их не замечает.

Корпус «Ди» содрогается.

Передняя часть корабля рухнула, корма вздымается вверх. Скопившийся в задней части корабля воздух взрывает палубу. С грохотом и воем, как раненый насмерть кит, «Ди» идет ко дну.

Капитан уронил из рук шапку.

Лысый ирландец выиграл пари.

Сто дней!

Двести дней!

Триста дней!

Ни земли, ни женщин. Нет конца плаванью.

В кают-компании сидят офицеры и поют: «У нас в кармане ни гроша...» Боцманмат «Алкоголь», дождавшись благоприятной минуты, шмыгнул в лазарет.

— Ледель, дай-ка мне еще!

И санитар Ледель наливает чайный стакан доверху спиртом, девяностошестиградусным. За тонкой занавеской сидит судовой врач и наблюдает этот феномен. Лицо боцмана, растерянное и тупое, когда он зашел, после выпитого стакана преобразилось. Снова приведенный в равновесие, он покидает лазарет и берется за работу. В один прекрасный день он свалится, но пока что еще действует.

И так вся команда:

Все естественные источники иссякли. Вспыхивающая на корабле нервозность—симптоматична. Больше так не может продолжаться. Да, если б всей команде можно было бы преподнести порцию яда, как алкоголизиро-

ванному боцманмату,—под действием такого дурмана плавание, пожалуй, могло бы еще продолжаться.

А к тому же еще питание: сушеные овощи, сушеный картофель, рис, консервированное мясо, мороженое мясо, консервы! Ни свежих овощей, ни фруктов! Лишенное витаминов питание не может не повлечь за собой последствий. Когда врач проходит по палубе, ему бросается в глаза странная бледность большинства лиц. При осмотрах он отмечает увеличенные зрачки, одышку. Кое-кто уже жалуется на распухшие колени.

Если б он мог поговорить с командиром! Но врач имеет право обращаться к морскому офицеру только с донесением. А для этого время еще не наступило. Пока что налицо только признаки общего малокровия, окисления крови и увеличивающегося упадка сил. Но за этим встают призраки: цынга, бери-бери!

Командир—в поисках угля, необходимого для дальнейшего плавания. Перед ним лежит карта южного моря. Через эти вечно бурные области пролегает путь парусных судов, провозящих уголь из Австралии в Западную Америку.

Дни—серый, дымящийся хаос. Ночью одинокие звезды проглядывают сквозь клубящиеся тучи. Ветер дует с запада, постоянно с запада. Море треплет и кидает корабль с полупустыми трюмами.

Сменившаяся вахта спускается в дек. С промокшей одежды рулевого, дежурных на марсе и на палубе стекает вода. На остальных—черные лохмотья, рубахи, штаны, сапоги или деревянные туфли. Это отряд из трюма I. В трюме I уголь воспламенился вследствие долгого лежания.

Пожар на корабле! На это не обращают никакого внимания. Так тянется уже неделями. Сменяющиеся вах-

ты спускаются в полный угара и чада трюм или в бункера, разыскивают очаг огня и тушат его.

Сменившаяся вахта сидит в жилой палубе и жадно поглощает еду. Потом играют в карты, закуривают трубки.

Табака больше нет. Курят сушеные чайные листья и всякую сухую дрянь, лишь бы дымило.

Граммофон играет:

I want to be...
I want to be...
Into my home in Dixiland! [1]

На этом месте иголка притупляется, и слышится только царапанье и хрип. Граммофон попал сюда с захваченного парохода. Мы наизусть знаем все пластинки и даже все испорченные места. И если кто-нибудь за столом открывает рот, остальные уже знают, что он собирается сказать.

Нас десятеро за столом. Захватанные сальные карты.

— Восемнадцать... двадцать два... я пас!

— Двадцать четыре... двадцать семь... твоя взяла!

Дежурные по столам перемывают посуду. Кудль Бюлов вырезает модель парусника. Остальные уставились в пустое пространство.

— Твой парусник никогда не будет готов, Кудль!

— Будет, не бойся!—возражает Бюлов. Он занят обтачиванием шпиля величиной с горошину. С огромным терпением и сосредоточенностью уже месяцами работает он над этой моделью.

Джимми швыряет карты на стол.

— Я пассую! К чорту этот хлам! Даже «гранд» с четырьмя не может меня больше увлечь.

---

[1] Я хотел бы быть, я хотел бы быть
в моем доме в Дихилэнде. (Прим. перев.)

— Сколько ж времени «старик» собирается нас еще катать?

— Жрать нечего, курить нечего...

— Пускай даст себя интернировать!

— Этакое свинство!—ругается кто-то, возившийся у полки и нашедший свою кружку невымытой.

Дежурный по столу едва взглядывает на него. Несколько месяцев назад подобное выражение послужило бы поводом для драки.

Но драк больше не бывает.

Лица серые, тупые.

— Я тебе сейчас объясню, ради чего мы здесь плаваем,—говорит Гойлен.—Вот у меня английская газета с захваченного корабля. «У порта Бомбея минное заграждение». «Мины в Индийском океане».—«Предостерегают от неприятельского пиратского корабля в Тихом океане!» А вот что главное—страховые премии и тариф возросли почти в пять раз! Мы как каторжные работаем на страховые общества и судовладельцев. Они извлекают из этого пользу. А также и верфи, строящие новые суда. Вообще все, кто торгует железом и сталью, кто продает снаряды и пушки.

— Что случилось? Чего они забегали?

— Радист... радиограмма о флоте!.. Он прибил ее у трапа.

— Радиограмма: в немецком флоте восстание!

Кудль Бюлов бросает модель и нож. Ян Гойлен, Джимми, вся свободная вахта толпится у трапа. Командир не скрыл радио, а вывесил его, как образец лживых английских сообщений.

Кто-то читает вслух:

«В некоторых частях немецкого флота открытого мо-

ря, стоящего на якоре в Киле и Вильгельмсгафене, команды подняли восстание. На «Принце-регенте Луитпольде», на «Вестфалии» и на флагманском корабле «Фридрих Великий» восставшие совершили насилия над офицерами. Командир «Кенига Альберта» был выброшен за борт и погиб в Северном море».

— На «Принце-регенте»! На «Вестфалии»! На «Фридрихе Великом»!

— Восстали и выкинули за борт!

— И ты этому веришь? Все выдумки, вот что я тебе говорю!

Толпа вокруг бумаги не убывает. Матросы спускаются с палубы, приходят из бункеров и котельных.

Всюду обсуждают сообщение.

— Несомненно, это английское ложное сообщение, но какая-то правда тут есть!

— Русские тоже положили этому конец и выкинули офицеров в Балтийское море!

— Но Германия, это совсем другое дело!

— А мы все плаваем!..

— Когда же это наконец кончится?

В четыре часа утра нас подымают из гамаков. Мы натягиваем испачканную в угле одежду, жесткую от пропитавшего ее пота. Во время одевания в кубрике стоит вонь.

На палубе еще темно.

Белые, как мел, вздымаются пенные гребни волн. Вверх и вниз, в бесконечном ритме, корабль—вечные качели. А мы этого больше не чувствуем. Может быть, нас свалила бы морская болезнь, если б мы внезапно попали на землю.

Мы спускаемся в трюм I.

Трюм высокий, как церковный свод. Уголь походит на хаотическое вулканическое поле, изрезанное ходами. Лампы окутаны белым клубящимся паром.

Мы таскаем и волочим корзины через дверь в соседнее помещение. Когда открывается очаг огня, туда направляют струю воды из шланга. Пар, чад. Свет лампы не может проникнуть, мы больше не видим друг друга. Мы видим лишь отдельные пятна, ногу, лицо.

Углекислые газы! В голове гудит, тело налито, как свинцом. Лопату подымаешь с усилием. Когда мы стоим под виндзелем, чтобы глотнуть воздуха, никто не говорит ни слова. Мы безразлично смотрим на блюющих товарищей.

Четыре часа, потом нас сменяют.

В кубрике мы ложимся на столы и стулья, но не для всех хватает места. И очень недолго нам можно отдохнуть.

А потом палубная вахта, чистка орудий.

И снова в бункера!

И снова в кубрик!

У меня тоже начинается. Пока что это всего маленькие мешечки вокруг зубов. У других зубы выпадают, и десны становятся дряблыми. А в лазарете лежат несколько пленных португальцев с распухшими ногами. Когда врач надавливает пальцем на ляжку, в ней остаются углубления.

— Чорт возьми, мы здесь заживо гнием!

— Уж лучше бы натолкнуться на крейсер!

— Но помяни мое слово: если мы подохнем, мы еще кое-кого с собой прихватим!

— Мы еще посмотрим, кто будет болтаться на рее!

Дирк Бутендрифт стоит посреди кучки людей на баке

и покрытой шрамами рукой грозит мостику.

Наверху взад и вперед расхаживает вахтенный офицер. С подветренной стороны нока стоит командир и курит сигару. На марсе висят два наблюдателя и смотрят поверх катящихся волн в серое небо.

Но кораблей не видать.

Да корабль в этих широтах дал бы нам только уголь, ни овощей, ни картошки, никакого свежего провианта.

Над трюмом I установили подъемник. Матросы наверху у каната тянут очень осторожно. Две пары рук опускаются в люк, вытаскивают голову, плечи, всего человека и кладут его на палубу. Еще одного, третьего. Отравление угольным газом! Лица и кожа под слоем угольной пыли пепельно-серого цвета. Без признаков жизни всех четырех уносят в лазарет.

В следующую вахту часть матросов из трюма I укрываются в кубрике. Там собралось человек двадцать или тридцать. Дежурный боцманмат спускается вниз.

— Ну-ка, ребята, подымайтесь, всего ведь еще один час!

Но кули не встают.

— Мы не пойдем!

— Мы останемся здесь!

— Пускай сами возятся с этим дермом!

— Пускай «старик» даст себя интернировать!

— Вот именно! Я им больше не работник!

Сверху раздается голос лейтенанта:

— Боцманмат, куда девались люди?

И вот он уже сам внизу, длинноногий, мундир в талию. Ему необходимо сохранить «молодцеватость» перед матросами.

— Отправляйтесь-ка на палубу! Десять тысяч чертей! Что с вами случилось? Я вас научу работать!

Но кули не встают и не обращают на него никакого внимания.

И что за парни, какие грудные клетки, руки! Точно орава оранг-утангов! И вонь стоит в кубрике, как в конюшне.

Лейтенант кричит изо всех сил:

— Второй дивизион, на работу!

— Второй дивизион, стройся!

Дивизион не движется с места. В деке стало тихо. Волна ударяется о борт и заставляет его гудеть. Наверху в снастях воет ветер.

Лейтенанту кровь кинулась в голову. Глаза беспокойно перебегают с одного на другого. Нельзя представить к рапорту весь дивизион. Он ищет кого-нибудь, кого можно наказать в пример прочим. Взгляд лейтенанта останавливается на Бюлове. Бюлов как раз подходящий человек, неуклюжий парень, ширококостный и мускулистый, притом беспомощен, как молодой бык.

— Матрос Бюлов, на работу!

Бюлов остается сидеть у стола, он только подымает голову. Губы шевелятся, но лишь немного погодя он выдавливает из себя слова. Они выражают протест против начальства, авторитетов, войны:

— Бюлов больше не желает.

Голова лейтенанта идет кругом.

— Я категорически приказываю... второй дивизион!.. Бюлов... стройся... Вахмистр!..

Лейтенант уже на трапе. Ему вслед летят сапоги. Матросы сбились в безмолвную кучу.

Лейтенант докладывает старшему офицеру.

Старший офицер—командиру.

Вахмистр с пятью матросами, вооруженными тесаками, появляются в деке.

— Бюлов, к командиру на рапорт... Бросьте канителиться... ничего ведь не поможет!

Бюлов уставился на вахмистра и пятерых матросов. Вокруг него стало пусто. Остальные не идут на работу, но жмутся к сторонке и выжидают.

Отдельные выкрики:

— С нас довольно!

— Мы не хотим больше плавать!

— Мы здесь все сдохнем!

— Уж лучше попасть на колючую проволоку!

— Пускай «старик» даст себя интернировать!

Вахмистр приказывает:

— Хватай его! Веди наверх, на мостик!

Все пятеро медлят. Они едва подвигаются, не подымая глаз от пола.

— Бюлов, ну, идите же!

Тяжелое лицо Бюлова принимает упрямое выражение. До самых отдаленных углов дека раздается его голос.

— Сказал, не хочу—и не хочу!

При этом он хватает свой нож и протыкает лезвие сквозь руку. Левая рука пригвождена к столу. Бюлов стоит согнувшись и смотрит в упор на вахмистра.

В немецких газетах рекламируются стальные подметки, молоко в порошке, суррогаты мяса.

Профессора и теоретики питания открыли брюкву— превосходную пищу для народа.

Кофе из брюквы!

Суп из брюквы!

Пюре из брюквы!

Каждый морской офицер получает в месяц двадцать бутылок вина. Три раза в неделю в кают-компании

устраиваются пиршества. На кораблях флота открытого моря существует одна кухня на тысячу, тысячу пятьсот матросов и три офицерских кухни с соответствующим количеством провизионных и винных погребов.

Сценки из жизни флота.

На военном корабле «Нюрнберг». Празднуется спуск только что отстроенного крейсера. Денщики мчатся с подогретыми блюдами в кают-компанию. Подаются пять мясных блюд, пуддинг, фрукты, мокко. На карте вин — семь марок белого вина, две марки красного, портвейн, шерри, десять сортов водки. Возглашаются тосты за славные традиции флота. За его величество кайзера, за войну до победного конца.

— Немецкий меч принесет мир!

— Только не допускать расхлябанности. Явления в роде тех, что имели место на-днях в Киле... Свора бунтовщиков, бегающих по улицам и требующих хлеба, — это надо с корнем вырвать из недр немецкого народа!

— Долой позорный мир!

— Нам нужны обеспечения!

— Земля для колонизации! Нам необходимо сохранить за собой рудники Лонгви-Бриэ! Восток должен превратиться в немецкие крестьянские земли! Бельгия и Антверпен — мост и ворота в Англию — должны остаться под немецким протекторатом!

Офицеры сидят за столом по рангу, на конце стола — лейтенанты. Только после того, как еда кончена и первая бутылка опрокинулась и пролилась на скатерть, настроение повышается.

Денщик, собравший осколки, жалуется помощнику кока в буфете:

— Хоть бы на палубу вышли, когда блевать начнут, тогда палубным кули пришлось бы убирать за ними. Офицеры уже поделили весь мир и добрались до баб, только этим у них голова и забита. Если кули постоянно говорят о бабах, это понятно, им не остается ничего другого, на их жалованье не раскутишься. Один из истопников, Вилли из третьей смены, вчера сошел на берег с куском угля. Но офицеры! Каждый день они бегают к бабам. Послушай-ка как они орут... наверно, опять кто-нибудь рассказывает анекдот...

Музыканты у кают-компании получают каждый час стакан пива. В кают-компании расстегивают пуговицы, воротники, распускают галстуки. Среди офицеров—молодой лейтенант, со светлыми, по-мальчишески зачесанными волосами и бледным лицом. Он не переносит вина, но храбро не отстает от других.

Матросы и кочегары в своих гамаках не могут уснуть. Кое-кто закуривает трубки, тишком, конечно. Курение после команды «брось курить» запрещено и подлежит наказанию.

— Ну и банда!

— Пускай идут в публичный дом и там скандалят!

— Голодаем, голодаем!

— Долой эту жвачку!

— И сказать ничего нельзя, а то сразу назначат к «вознесению», как других.

Несколько дней спустя старший офицер, капитан-лейтенант Лерхэ, обращается с речью к выстроившейся команде.

— ...Сегодня несколько человек команды просило прибавки хлеба. Хлеба нет, придется поголодать. Если кто-нибудь из вас при этом погибнет, я готов похоронить

его с воинскими почестями. За работу! Можете итти!

Военный корабль «Гельголанд». Погрузка угля. Результаты гонки: ободранная, как обычно, кожа, одна разбитая физиономия, один перешибленный позвоночник. Старший офицер собирается пожертвовать пятьдесят марок в пользу сестры погибшего.

— Хватило бы и двадцати пяти марок, господин капитан-лейтенант,—советует младший офицер.

В другой раз при погрузке угля один дивизион запаздывает. За это дивизионный офицер назначает им штрафное учение. На берегу между грудами угля он заставляет их отчеканивать парадный марш, минутами просиживать на корточках, и ежеминутно ложиться в грязь.

— Я вас научу грузить уголь! Это вы называете парадным маршем? Отделение, стой! Вольно! Поглядите-ка сперва на это болото!

Под ногами матросов большая лужа.

— Лечь, встать! Лечь, встать! Лечь!..

Они лежат, уткнувшись лбами в угольную грязь.

На мостике флагманского корабля стоит господин эскадренный пастор и изучает в бинокль физиономии муштруемых матросов.

— Бегом! Марш-марш! Лечь, встать!

И так целый час!

Матрос Штумпф с этого самого корабля записывает в свой дневник:

«...Хотя я и записал уже аналогичный случай, я все же запишу и этот, потому что сегодняшняя история еще позорнее.

Перед кораблем, как обычно, собралось несколько человек, работающих в порту, чтобы подобрать остатки еды. Среди них был также хромой солдат-инвалид. Ка-

кой-то матрос дал ему половину своей порции репы. Как только вахтенный офицер это увидел, он подозвал к себе солдата. «Как вы смеете приходить сюда за едой?»—«Я голоден, господин лейтенант!»—«Мне на это наплевать! Во всяком случае, вам известно, что это запрещено. Вестовой! Отберите еду у этого человека и вылейте ее вон». Стиснув зубы, я пошел с солдатом вниз по фалрепу, но вдруг инвалид дал волю своему гневу: «Это просто-напросто подлость!» Наш молодец лейтенант это услыхал, вернул еще раз беднягу и дал ему тяжелую взбучку. Затем записал его номер, а мне еще раз приказал вылить еду. К счастью, горшочек был с крышкой, и я смог сделать вид, что вылил.

Я совершенно не могу понять такой жестокости. Я скорее могу приписать вину не лейтенанту, а его воспитанию. Он—сын главного врача и, должно быть, не знает, каково голодать. А может быть, еще ребенком привык думать, что все, связанное с работой, достойно презрения».

«Фридрих Великий». Матросы едят за столами. Едят сушеные овощи. На этой неделе давали репу, суп из картофельной шелухи и воблу. Дежурные по столам приносят и раздают миски: теплая водичка с зеленью, больше ничего.

Офицерская кухня помещается в том же каземате. Запах жареного мяса и картошки, аромат соусов, подаваемых адмиралу, флотскому штабу и офицерам, носятся по жилой палубе.

А у нас в брюхе полощется суп.

Это не всегда вынесешь.

Вот один свалился, рослый парень, еще черный от

работы у котлов. В обмороке, с белым как бумага лицом лежит он на покрытом линолеумом полу.

Несколько человек хлопочут вокруг него.

— Ничего нет удивительного!

— После такого супа нечего в уборную итти: это выйдет потом и мочей!

— Воды? Брось, ему нужен кусок жареного.

Буфетчик проходит мимо с блюдом нарезанного мяса. Длинная рука кочегара охватывает шею буфетчика. Блюдо летит на пол. Клубок согнутых спин, жадно хватающие руки. Команда одного стола имеет теперь обед, кое-что приберегается и для кочегара, лежащего в обмороке.

В другой раз жаркое офицеров исчезает со сковороды, и они вынуждены ждать два часа, пока кок приготовит новый обед. При погрузке провианта исчезают сотни хлебов, картошка исчезает центнерами. Нет уже больше корабля во флоте, на котором не был бы произведен взлом провизионных кладовых. Команды отказываются принимать еду, не берут ее из кухонь. Командиры выстраивают свои команды и читают им вслух пункты воинского устава.

Вот на крыше орудийной башни стоит, широко расставив ноги, один из покрытых золотыми нашивками господ:

— Мне нечего вам рассказывать, что дома в кастрюлях ваших родных еще меньше, чем у вас. Мы живем в трудное время.

Внизу двое подталкивают друг друга; это матросы с катера, ездившие на-днях вечером за этим оратором на берег и доставившие его пьяным на борт.

— Эй вы, там!..—офицер смотрит на матроса, не

поднявшего, как все остальные, к нему лица.—Я вас сейчас одним плевком с палубы сотру! Мерзавцы!—И, обращаясь к кочегарам:—Сволочи! Сукины дети! Я вам покажу, где раки зимуют! Вы зазнались! Муштровать вас надо, вот что!

— Господа дивизионные офицеры!

Дивизионные офицеры вытягиваются.

— По-дивизионно наставления и чтение воинского устава!

Читают воинский устав:

— ...Запрещается, подлежит наказанию. Арест, строгий арест, разжалование, исправительный дом, расстрел.

Но еда не улучшается.

Угрозами сыт не будешь.

«Принц-регент Луитпольд». 31 июля. Десять часов вечера. Третья смена кочегаров возвращается с работы. Все пятьдесят человек отмыли, как могли, грязь песком и суррогатным мылом. Они все голые, только на ногах деревянные туфли, и в руках узелки с грязной одеждой и принадлежностями для мытья.

Так они спускаются в жилую палубу.

Перед доской с приказами, кочегары останавливаются.

— Вот тебе раз!

— Инженер, видно, с ума сошел!

— У нас же завтра отдых! Нам обещали кино!

Но тут на черной доске ясно написано: «Третья смена кочегаров; завтра утром в 8.30 военное учение».

После работы у котлов строевое учение на большом учебном плацу Вильгельмсгафена.

— Вместо кино—муштра!

— Доложу я вам!

— Все из-за того, что мы потребовали больше мыла!

— Мерзавцы! Обжоры!

— У самих в комодах запрятано туалетное мыло!

— Вот именно, целыми коробками! Я сам видел!

— Знаете, что устроили матросы на «Пиллау»? Их тоже надули, не дали отпуска. Тогда вся команда сошла и только вечером вернулась на борт.

— Пропустите-ка меня к доске!

Один из кочегаров пробирается вперед. У него в руках кусок мела, и он пишет поперек приказа: «Если завтра не будет кино, уйдем без разрешения!»

На следующее утро, после кофе, дежурный боцманмат объявляет приказ:

— Третья смена, стройся перед оружейным складом!

Но смена не строится. Поодиночке они пробираются по фалрепу и собираются на берегу под мостом. Сорок девять человек проходят через ворота, маршируют по городу к плотине.

К обеду они возвращаются на борт.

— Лучше всего было бы поставить эту банду к орудийной башне и расстрелять,—говорит один из старших боцманматов в то время, как кочегары подымаются по фалрепу.

В два часа—на рапорт к командиру. Все сорок девять человек выстроились на верхней палубе. Командир, старший офицер, дивизионный офицер идут вдоль шеренги, всматриваясь в лица.

— Выходи вперед!

— Выходи вперед!

Они отбирают одиннадцать человек.

— Две недели строгого ареста! Двадцать один день ареста! Разжалование!

Одиннадцать человек получают наказание. Остальные могут итти.

В этот вечер, после команды «брось курить» тишина на корабле не наступает. Матросы сидят в темноте под гамаками и обсуждают случившееся.

А в порту несколько человек собралось в железнодорожном вагоне—палубные кули и кочегары с «При ца-регента», несколько человек с «Фридриха Великого», несколько—с легкого крейсера «Пиллау».

— Одиннадцать из сорока девяти! И как дивизионный офицер их отбирал! Длинного Вилли потому, что он всегда не брит,—вообще все лица, которые ему не по душе.

— Невозможно больше это выносить! Надо положить конец произволу!

— И каторжной работе!

— И погрузке угля!

— У нас на «Тюрингии»,—это было неделю назад,—в обед, когда они сидели в кают-компании за жратвой... мы направили туда шланг полной струей. Блюда, тарелки—все на пол. А офицерам, которые хотели к дверям, струю в рыло, в брюхо. Они мигом полегли на задницы!

— А что произошло потом?

— Ничего. Они пошли в свои каюты и переоделись. И виду потом не подали, ни расследования, ничего. Если бы это стало известно, они бы уже гуляли в штатском! Теперь они все ходят с браунингами в кармане!

Полсотни матросов и кочегаров собрались в вагоне и говорят о происшествиях на различных кораблях: на «Гельголанде» части орудий выброшены за борт, на «Фридрихе Великом» перерезаны оттяжки и канаты.

Дверь вагона заперта, полная тьма. Только когда зажигают спичку, на мгновение освещаются стоящие плечом к плечу люди.

— Товарищи! Мы собрались сюда ради одиннадцати кочегаров с «Принца-регента»!..

— Мы требуем, чтобы наказали всех или никого!

— Заткни глотку, дай Альвину говорить!

Альвин Кебис, снова начинает:

— Товарищи! Палубные кули и кочегары с «Принца-регента» ждут от нас решения. Мы должны обсудить, что предпринять! Каким образом нам выразить свой протест?

— Лучше всего мы завтра всей командой сойдем на берег и оставим наше корыто без обслуживания!

— Я решительно против! Это надо приберечь для последнего удара!

— Вот именно! Альвин прав! Не следует раньше времени пугать офицеров!—говорит кочегар Беккерс.

— Я предлагаю, чтобы мы освободили этих одиннадцать человек и потребовали от командира отмены наказания!

— Нет, нам надо хоть разок огрызнуться!

— Мы выступим!

— Мы выступим!

— Но мы сохраним боевую готовность и вернемся в полном порядке через три часа. Дело идет о большем, и не стоит ради этой истории попасть под суд за бунт!

— Согласны!

— Мы выступим!

— До плотины! Через три часа обратно!

— А если командир не отпустит тех одиннадцать?

— А на что мы с «Фридриха»? Тогда мы с «Фридриха Великого» тоже выступим.

— А у нас кое-что попортится, кроме аккумулятора,— заявляет матрос с «Пиллау».

— Мы все одинаково голодаем!

— У нас такие же офицерские своры!

Очертания стоящих в порту кораблей, палубные надстройки, мостики, орудийные башни постепенно вырисовываются в наступающем дневном свете. Дым, поднимающийся из толстых труб, теряется в сыром воздухе. На небе большое движение. Западный ветер, быстро набегающие серо-синие облачные массы. Тяжелые шквалы налетают на палубы кораблей.

Команда на «Принце-регенте» проглотила кофе из брюквы. Помещения команд пустеют. Поток матросов и кочегаров выливается по фалрепу в порт. До тех пор, пока дежурный офицер не замечает этого и не велит запереть фалреп.

Несколько человек обходят казематы. Среди них кочегар Беккерс. Кое-кто еще сидит у столов или возится у своих вещей.

— Айда! Пошли, на борту никого не должно оставаться!

Когда Беккерс с последней группой людей подымается на верхнюю палубу, несколько человек уже идут им навстречу.

— Дождались! Фалреп заперт! Пока что никому нельзя на берег!

— Что делать?

— Мы же не останемся одни на борту?

— Ни в коем случае, погодите-ка, я уже нашел дорогу.

С этими словами Беккерс ухватывается за фальшборт и прыгает через борт. Другие следом за ним. По плоту, скользящему между кораблем и берегом, они добираются

до стены набережной и взбираются на нее.

Тем временем заработал телефон. Портовые ворота заперты. У ворот стоит полиция, пожарные, караул. Но число людей, прибывающих с «Принца регента», все увеличивается: четыреста человек, пятьсот человек, шестьсот человек!

— Ну-ка, посторонитесь!

— А то плохо будет!

— И кое-кто в морду получит!

Полицейских оттесняют в сторону. Караульные сами уходят. Ворота из тяжелого железа, вышиной в два человеческих роста. Движение плеч, сзади напирают и давят, все хотят участвовать. Ворота с треском открываются, обе половинки расходятся.

— На этот раз не придется прыгать через стену!

— Пройдем прямо в ворота!

— Это «старику» боком выйдет!

— А проклятое строевое учение пусть сам проделывает!

С криком и гиканьем команда «Принца-регента» проникает на улицу. Там они строятся по четыре в ряд и сомкнутым строем идут через город. Они идут мимо казарм морского батальона к плотине. И по плотине вдоль бухты.

Кочегар Альвин Кебис ведет отряд. Накануне вечером он занял место, на которое его выдвинули. Над бухтой проносится ливень, он хлещет по плотине, по одиноким тополям на полях и по лицам шагающей команды. Альвин Кебис становится все тише среди общего гомона товарищей, из которых многие считают это выступление удачной выходкой.

Отряд подходит к приморскому ресторану, терраса

которого укреплена на бетонных столбах над плотиной и возвышается на десять метров над водой. В послеобеденные и вечерние часы этот ресторан посещают офицеры. Но в это время дня, да к тому же при такой скверной погоде, здесь полное безлюдье.

Все шестьсот человек с «Принца-регента» укрываются от дождя под террасой. Возбужденные лица, сумбур слов и речей: наконец-то вырвались, и вся толпа двинулась сегодня не по предписанному пути.

— Посмотрим, выпустит ли теперь «старик» тех одиннадцать?

—«Фридрих Великий» и «Пиллау» тоже с нами!

— Ребята, ведь дело вовсе не в этих одиннадцати! Мы должны же наконец показать, что мы люди, и должны сопротивляться, когда нас унижают.

— Все приходится сносить, и единственно, что дозволено, это держать язык за зубами!

— Войне давно был бы конец, если бы мы не были так глупы и трусливы!

— Ты думаешь, нас поставят всех шестьсот к стенке? Они этого не могут, потому что мы им нужны!

Команда разбивается на группы по пятьдесят, сто человек. Кое-кто держит речи.

— Не только у нас, и на других кораблях так. Все думают только о своем собственном брюхе. О жалованьи, об орденах, которые надеются получить...

— Мы производим в три раза больше картошки, чем нам необходимо для своих нужд, а где она? Мы производим столько сахара, что снабжали им полмира, а где он? Будет ли у нас будущей зимой репа—еще неизвестно. Зато вполне достоверно, что у нас не будет угля. В Германии достаточно угля, но эти распреде-

лительные пункты! Они умеют устраивать так, что отдельным людям ничего не достается. Кроме того, я уверен, что они изобретут еще суррогат вместо недостающего угля. В этом отношении Германия сейчас заняла первое в мире место...

— Дольше так продолжаться не может. Если б они сейчас кончили войну, это было бы разумно!

— Эх ты, голова! Откуда в наше сумасшедшее время, когда царит безумие, возьмется вдруг разум?

— Мы должны попасть в списки и голосовать за мир!

Вот стоит Альвин Кебис, серый, как бетонный столб за его спиной. Он говорит о цели сегодняшнего выступления, о войне, которая сама собой не кончится.

— Голодный бунт на «Принце-регенте», «мыльная демонстрация» на «Фридрихе Великом» и других кораблях! И мы ведь все бывали в отпуску и видели женщин в хвостах за картошкой и мармеладом! А рабочие—простреленные, больные нервами солдаты; вчера в гавани я говорил с одним из них. Мне пришлось кричать: он был полуглухой и едва мог удержать в руках пневматический молоток. Его руки прыгали взад и вперед, и, как он мне сказал, это продолжается и ночью во сне. И к тому же голод... А в кают-компаниях орут о «войне до победного конца». Они желают получить Бельгию, пол-России, целые куски Франции. Держитесь, отдавайте последнее, продолжайте итти под пули, наше военное положение блестяще...

Остальные ораторы под террасой замолкают. Все больше народа собирается вокруг Кебиса и прислушивается к его словам. Снаружи хлюпает дождь.

— Когда началось, говорили, что мы вынуждены защищаться. А теперь нам нужны аннексии. Нас всегда обма-

нывали. Они назначают учения, ставят с гамаками на башни, гонят через топ и придираются днем и ночью. А сами своего дела не знают. А если знают, сразу нос задирают. О Скагерраке они врут, как о победе, притом сами в штаны наклали со страху и были счастливы не менее нас, когда на следующее утро горизонт был свободен и не видать было английских кораблей. Они искали боя, только чтобы оправдать свое существование, свое безделье и блестящее будущее.

Но нам-то до этого какое дело?

Этакий офицер, кладущий в карман жалованье, имеющий квартиру на берегу и не терпящий ни в чем недостатка,—когда я вижу такую бритую морду и прилизанный затылок...

Альвин Кебис потрясает кулаком...

— Каждый раз руки чешутся: схватить бы и придушить. Но это не имеет смысла, этого нам не следует делать. Ведь не в одних офицерах дело. Есть же еще военные поставщики, промышленность: сталь, железо, кожа—все равно что. Все они зарабатывают и все увеличили свои барыши. Ради этого мы трудимся! Ради этого голодаем! Нам не нужна война до победного конца, не нужны земли и богатства. Наши завоевательные стремления—наша погибель. Без них был бы уже мир. Мы бы снова могли работать и имели бы что жрать. И те, другие, ведь тоже люди. Народы должны сойтись и договориться. Эта бойня бессмысленна. Рабочие на суше уже начинают понимать. Они тоже не могут продолжать на голодное брюхо. Всюду начинается. Поэтому нас заставляют проделывать столько строевого учения. Чтобы мы могли стрелять в рабочих, если они бастуют...

Кебису несколько минут не дают продолжать. Тер-

раса аристократического приморского ресторана сотрясается сотнею голосов.

— На это мы не пойдем!

— Солдат не пойдет против солдата!

— И против голодающего народа!

— Мы повернем тогда дула орудий!

— Забастовка флота!

— Забастовка флота!

Кебис продолжает говорить о государстве, милитаризме, разуме, который должен наконец проявиться. В вещевом мешке Альвина Кебиса на «Принце-регенте» лежат книги Макса Штирнера и Фридриха Ницше. Кебис говорит с тяжелым, страстным пафосом и заканчивает:

— Восемьдесят адмиралов околачивается у нас, почти все на суше и занимают княжески оплачиваемые должности! А потом еще генералы и губернаторы завоеванных провинций—никто добровольно не уступит своего места. И акционеры и пожиратели прибылей, пушками и суррогатами зарабатывающие миллионы... Война—это гигантская афера! И обману наступит конец, если мы это поймем и не пожелаем больше в нем участвовать! Товарищи! Один за всех и все за одного! Лучше ужасный конец, чем ужас без конца! Долой войну!

Под проливным дождем все шестьсот возвращаются на борт. Мокрые до нитки, они подымаются по фалрепу и отправляются в казематы.

Корабль уже под парами.

Начальство ничего не предпринимает. Распорядок дня идет своим чередом:

— К маневрам готовьсь!

Отдают концы. «Принц-регент Луитпольд» выходит в море. Там, вдалеке от других кораблей, он становится на якорь.

События развертываются.

Флот тоже выходит в море. Пассивное сопротивление матросов и кочегаров на «Фридрихе Великом» и других кораблях может только немного отсрочить отплытие. Вечером все корабли стоят в Шиллиг-рейде. Команды стараются раглядеть «Принца-регента», но он стоит далеко в море, и его не видать. Между «Фридрихом Великим» и «Принцем-регентом» взад и вперед летают радио. Командир и адмирал сговариваются и принимают меры.

На следующий день в три часа пополудни к «Принцу-регенту» пристает маленький пароход. Команда выстроилась. Выкликают имена.

— Налево вперед!

— На пароход!

Пароход отчаливает. Машут шапками, руками:

— До свиданья, Гейн!

— Приберегите для меня мою порцию!

— Мы только отправляемся на допрос, потом вернемся до слушания дела!

«Принц-регент» исчезает за поднявшимся шквалом.

Пароход катит по желтой, тинистой воде рейда.

Арестованные толпятся с подветренной стороны и обсуждают события последних дней.

— Во всяком случае, мы показали, что они не могут себе все позволить!

— Но, ребята, перед следователем—держись! Мы должны им показать, что не страшимся их параграфов!

— И что правда на нашей стороне, даже если они нас упрячут!

Кебис замечает тревогу в словах многих. Он думает о томительных допросах.

— Послушайте-ка, что я вам скажу! Нет смысла, чтобы в крепость попало больше, чем это необходимо. Поэтому свалите всю вину на меня!

— И на меня!—дополняет предложение Кебиса Беккерс.

Пароход входит в шлюз, причаливает.

Матросы с «Принца-регента» выбираются на берег. Рота солдат морской пехоты. По двое берут они матроса и кочегара и уводят их.

Одиночные камеры. Допросы. Протоколы.

Обвиняемый Беккерс говорит:

— Я очень интересуюсь философией. Мои занятия привели меня к убеждению, что всякая война зло. Вследствие этого я считаю мир без аннексий,—и чем раньше, тем лучше,—единственной достойной целью.

И другие:

— Мы голодали. Нас морочили относительно целей войны и всего прочего. Нас обманывали: вместо отпуска—учение, вместо отдыха—штрафные работы. Всякий лейтенант может гонять нас через топ или заставить часами стоять с гамаками на плечах на орудийной башне. Наши письма цензуруются. Молодые лейтенанты, которым едва минуло двадцать лет, читают, что мы пишем нашим женам. Мы голодаем, нас все снова морочат, обманывают, издеваются над нами...

Но советник военного суда вовсе не хочет знать всего этого.

— Как вы относитесь к насильственному перевороту? Вы член солдатского союза? Кто вожди? Кто агитировал за забастовку во флоте? Что за человек этот Кебис?

Обвиняемые во время допроса обязаны сохранять военную выправку. Советник военного суда сидит за столом и безучастным голосом диктует протоколы.

Этот чиновник никогда не ступал на корабль; у Скагеррака и Догербанка он не стоял за дымящимся орудием; он представления не имеет об унижающей человека службе, о голоде военных лет. Он видит в этом деле только счастливый случай, который поможет ему в дальнейшей карьере.

По его инициативе на многие корабли флота посылаются шпики и производятся дальнейшие массовые аресты. Матросы и кочегары, являющиеся в руках адмиралтейства лишь количеством и материалом,—почему бы им не послужить трамплином и для ничтожного советника военного суда?

— Ага, один из кандидатов в могилу!—Так советник, начинает очередной допрос Беккерса.—Не изволите ли вы встать и взять руки по швам?

— Теперь уже не стоит, господин советник! Вы же сами сейчас сказали.

А когда перед советником стоят матрос Рейхпитч и кочегар Заксэ с «Фридриха Великого»,—он кладет на стол свой револьвер и рисует на листе бумаги виселицу.

— Как видите, вот револьвер и вот виселица! Вас, значит, могут расстрелять или повесить. А так как повешение более позорно, чем расстрел, то от ваших показаний зависит, будете ли вы только расстреляны!

Перед следователем стоит Альвин Кебис.

Целая серия вопросов: о собрании в вагоне, о речах под террасой приморского ресторана и в «Белом Лебеде», об организации и связи с некоей политической партией, существующей лишь в головах судей и донесениях шпиков.

Кебис не отвечает.

Советник военного суда пробует применить иную систему и начинает ласково уговаривать. А когда Кебис и тут не отвечает, советник вскакивает и в ярости орет:

— Для вас я обязательно потребую смертного приговора, и суд вынужден будет покориться моему требованию!

Кебис стоит, как истукан, только руки вдруг отяжелели. Стол перед ним, прожилки дерева, сидящий спиной к окну секретарь, уши которого просвечивают красным светом... Кебис никогда еще не замечал таких подробностей.

Советник опять уселся.

Его пальцы нервно роются в страницах дела. Эти пальцы, эта желтая рука напишет смертный приговор. И горы дел на столе: «Прин-регент Луитпольд», «Фридрих Великий», «Вестфалия»! Откуда взялось столько дел? Приготовленный для Кебиса лист не исписан и отсвечивает белыми бликами от прыгающего по нем солнечного луча.

— Отвечайте, кочегар Кебис!

Но кочегар Кебис не отвечает.

Секретаря вызвали из комнаты.

Добринг и Кебис одни остались в комнате.

Советник военного суда, которому открываются сейчас большие возможности, которому дозволено лично докладывать адмиралам и который удостоен работать на виду у самой верхушки государства,—советник военного суда доктор Добринг и слесарь и корабельный кочегар Альвин Кебис остались с глазу на глаз.

Глаза за стеклами очков начинают бегать. Военная формула, которой советник хочет защититься от этого лица, застревает у него в горле.

Что за неуклюжий, неповоротливый парень!

Как долго не возвращается секретарь!

Тиканье лежащих на столе карманных часов заполняет всю комнату. Советник Добринг не может вынести больше этой тишины и неподвижного лица. Он выхватывает револьвер. Палец одной руки на взведенном курке, другая—на кнопке электрического звонка,—так он сидит до тех пор, пока не раздается стука в дверь и не возвращается секретарь.

Позже, в коридоре Кебис встречает своего товарища Беккерса.

— Повидимому, Добринг меня боится. Может быть, он думает, что я его схвачу за горло? Но не стоит рук марать!

Процесс против одиннадцати человек третьей смены кочегаров закончился: один смертный приговор, для остальных от двух до десяти лет исправительного дома. Сотни людей из команд других кораблей, которые на собраниях в ресторанах и угольных бункерах вынесли революции по поводу осуждения, все, кто принимал участие в угольных стачках, саботажах, пассивном сопротивлении,—арестованы и ждут суда.

Горы дел растут.

Где на самом деле лишь непосредственный взрыв протеста против голода, против наглости офицерской касты и отчаянное неорганизованное сопротивление,—там следователи создают крупный заговор, проникший во флот при помощи политической партии. Это им удается без труда. Не все обвиняемые походят на Кебиса, противопоставляющего малопонятному юридическому языку упорное молчание. Бесконечными допросами, угрозами смерти, неуклюжим элементарным взыванием к «чести и мужеству» у моряков вынуждают подписи под лю-

бым документом. Но им не удалось увенчать всего дела. Недостаточно одних донесений агентов. До депутатов и политической партии они не смогли добраться. Да и не существовало никакого извне проникнувшего во флот влияния.

Три года войны. Всю зиму только репа. Бездна между кубриком и кают-компанией. Постепенное распознавание честолюбивых и эгоистических мотивов сторонников войны. Вот в чем причины, вот против чего направлены стихийно вспыхивающие восстания команд.

На тюремном дворе—шутовской парад.

Один за другим они непрерывно движутся по кругу. Посреди этой арены стоит надзиратель и следит за точным выполнением предписанных правил получасовой прогулки. Разговаривать запрещено. Останавливаться запрещено. Выходить из ряда запрещено. Все время—по кругу на равном расстоянии один от другого, размеренным шагом.

Но надзиратели посерели и притупились от монотонной службы. Арестанты на-чеку и, чем могут, помогают отмеченным следователем «кандидатам в могилу». Ганс Беккерс передвигается с места на место, пока не становится позади Кебиса и не завязывает с ним осторожно отрывочного разговора.

Кебис накануне выступал свидетелем на процессе против третьей смены.

— Неужели это правда, Альвин? Не может этого быть!

— До десяти лет исправительного дома. Шпандерн приговорен к смерти. Во время выступления он сказал: «Завтра надо явиться и просить другого дивизионного офицера!» Кроме того, он был на двух собраниях, больше ничего!

И за это — смерть! Высокие стены! Кусок синего неба! Нет двери, ведущей на улицу и обратно на корабли! И без конца по кругу!

— Альвин... вчера он снова старался выпытать... ты знаешь, относительно переворота... я ничего не сказал. Тогда он меня отпустил. Десять минут спустя снова пришел надзиратель... еще не успела захлопнуться дверь. Добринг вскакивает и орет: «Вы лгун, бессовестный наглец! Теперь у меня есть доказательства, хотя вы все нагло отрицали. Не надейтесь на помилование! С истинным удовольствием я буду присутствовать при вашей казни!» При этом он был совершенно бледен и ухмылялся всем гладко выбритым лицом.

— И ради них мы голодали! Ради них стояли у котлов!

— Мы не должны были сойти с «Принца-регента», не должны были сойти живыми! Офицеров за борт, пар во всех котлах и — в Северное море! Это послужило бы сигналом!

Кебис оборачивается:

— Это дело прошлое... Теперь мы сами должны послужить сигналом! Ты, Ганс... и я... и все остальные!

— Да, если бы нас казнили публично! Но нас расстреляют тайно. Альвин! Друг, послушай! Ты не должен брать всего на себя. Ты должен говорить... Сбросить с себя обвинения. Ты это можешь!

— Эта банда не стоит того, чтобы ей лгать.

— Нет, она недостойна узнать правду!

Кебис только взглянул на Беккерса:

— Ганс, нам нельзя теперь подымать шум, надо просто пройти свой путь до конца. Только тогда наша смерть будет иметь смысл!

Слушание дела назначено на субботу.

Два часа перед тем в коридоре: караульные с тесаками и револьверами, обвиняемые—Кебис и Беккерс с «Принца-регента Луитпольда», Вебер, Заксэ, Рейхпитч с «Фридриха Великого», двое с «Гельголанда» и один с легкого крейсера «Пиллау». Караульные принесли папиросы и раздают их.

— Ничего, обойдется... несколько лет крепости! И война тоже ведь когда-нибудь кончится! Тогда вы опять выйдете!

Молодой советник военного суда Брейль—с чисто вымытым лицом и связкой дел подмышкой—подходит к Беккерсу, для которого формулировал смертный приговор, и приветливо обращается к нему:

— Итак, Беккерс, признайтесь, что вы стремились к насильственному перевороту! Не портите мне дела!

Двери большого зала открываются.

Две скамьи для подсудимых. На столе перед судьями—распятие. Морские офицеры, советники военного суда, секретари и приглашенные из морского генерального штаба и главной квартиры. Спертый, удушливый воздух. Мимо высоких окон плывут облака августовского дня.

Однообразно тянется процесс!

Один за другим обвиняемые должны встать и отвечать по пунктам обвинения. Они отрицают, что могут, стараются смягчить вменяемое им преступление, или найти оправдание.

Бесконечно тянутся часы!

Судьи скучают, постукивают ручками, один из них разрисовал лежащий перед ним лист бумаги. Затянутые в корсет высшие офицеры из главной квартиры то и дело протирают монокли. Один прибывший из Бер-

лина адмирал незаметно зевает. Процесс без всяких сенсаций. Приговор, на основании государственных соображений, заготовлен заранее.

Внезапно офицеры оживают.

Лица присутствующих «из интереса к делу» флотских пасторов теряют свое неземное выражение. Свидетели, провокаторы и агенты, в одежде кочегаров стоявшие у топок, перестают сдирать с рук натертые мозоли.

Альвин Кебис вскочил.

Кочегар Кебис, упорно молчавший во время допросов и на суде,—заговорил. Он не мог больше спокойно слушать, как обвиняемый Вебер отрекался от самого себя, от их общего дела и стремлений, как он слишком явно вымаливал помилование суда.

— Это бессмыслица!—проворчал Кебис.

И вот уже он стоит и говорит о войне, о жизни на кораблях, о пангерманской пропаганде, проводимой офицерами среди команды.

— За войну до победного конца, за захват земель, за угнетение других народов,—за это мы не боролись! Против этого мы протестовали!

Судьи ловят каждое слово. Даже перо старого, седобородого адмирала прилежно скрипит по бумаге. Ганс Беккерс дрожит за судьбу друга. Он хватает его за ногу и хочет заставить опомниться. Но Кебис не обращает на него внимания. Он упорствует и держится вызывающе. Он побледнел до корней волос. Взгляд скользит поверх судейского стола и офицеров.

— Мы не хотим аннексий! Мы хотим мира на почве обоюдного соглашения! И мы его добьемся, любыми средствами! — И, обращаясь к шпику, он продолжает:—

Я не позволю, чтоб подобный подлый трус приписывал мне бесчестные поступки, и открыто заявляю, что всеми силами стремился путем индивидуального террора обессилить флот и вынудить мир!

Кебис подыскивает самое сильное из имеющихся в его распоряжении выражений и заключает:

— Мы социал-революционеры, социалисты!

С тяжелым вздохом он опускается на место.

Дело близится к полуночи. Чувства обвиняемых притупились от волнений. Судьи поглядывают на часы. Гости из главной квартиры опираются на шпаги. Все только формы ради остаются на местах.

— Господа! Думаете ли вы, что вы бы сидели здесь, если бы эти люди осуществили свои позорные намерения...

Представитель обвинения, советник военного суда доктор Добринг, предъявил обвинение в военной измене. В конце своей речи он выражает сожаление, что нельзя было добраться до депутатов, по причине их неприкосновенности:

— И потому наша прямая обязанность подвергнуть должному наказанию их орудия—обвиняемых!

Добринг требует для Рейхпитча, Заксэ и Вебера с «Фридриха Великого» смертной казни. Доктор Брейль присоединяется к выводам предшествующей речи и также требует смертного приговора для Кебиса и Беккерса. Для остальных—десять, двенадцать и пятнадцать лет исправительного дома.

Приговор заключает в себе полностью все требования советников военного суда: лишение прав, исключение из списков флота и смерть!

Двери камеры снова захлопываются.

Приговоренные помещаются стена к стене и беспокойно бегают по камерам. Когда кочегар Заксэ на несколько минут кидается на нары, ему слышны беспокойные шаги Рейхпитча, помещающегося этажом ниже, как раз под ним.

Впоследствии Ганс Беккерс писал:

«Маленькая камера казалась слишком тесной. И мысль, что нас,—мы ведь хотели только мира, свободы и хлеба,—что нас собирались пристрелить, как паршивых собак, приводила меня в бешенство. Разве мы не были правы? Часто я думал, что нам хотят только пригрозить, припугнуть нас. Но нет, военные власти не собирались ограничиться угрожающим жестом. А я не хотел умирать, ни сейчас и ни при таких обстоятельствах. Надо было испробовать все средства.

Я потребовал свидания с Брейлем. Он был очень любезен. Я осведомился о формальностях подачи прошения и ушел, снабженный листом гербовой бумаги. Камера показалась мне много приветливее.

Я хотел смягчить настроение начальника флота, адмирала фон-Шеера, которому надлежало утвердить приговор. Но что же мне следовало писать? Хорошего в военном отношении о себе сказать было нечего. Об открытом признании говорить не приходилось, и перед судом я тоже несколько раз привлекал на себя «внимание», когда вступался за Кебиса. Но в прошение обязательно надо было втиснуть красивую фразу о том, что во всех нас таилось желание участвовать в новом скагерракском бое. Это польстит гордости начальника флота, мнящего себя победителем в этом бою. Утопающий хватается за всякую соломинку. И эта соломинка—Скагеррак—была как раз кстати. Я счел необходимым

заявить начальнику флота, что мое участие в этом нечестивом движении не было вызвано стремлением к достижению материальных благ: я вовсе не был так преступно человечен. Кроме того, нашего скудного жалованья хватало с избытком. Нет, только ослепление сверкающей идеей мира (это выражение я вычитал в газете «Weserzeitung») вовлекло меня в круг достойных порицания поступков. Еще несколько слов—и в заключение я просил заменить смертный приговор пожизненным заключением. О, я был скромен, я едва сам себя узнавал. Растроганный я закончил писание и отдал его для передачи Брейлю. Надзирателя я спросил о Кебисе. «А чего ему делать? Сидит в камере, думает». Болезненное чувство охватило меня. Мне стало жаль бедного парня.

Я только что отправил прошение, но в мыслях видел себя уже помилованным, в то время как моему верному другу предстояла смерть. Хорошее настроение мое разом испортилось. И я больше не верил в действие прошения. Мозг мой работал над новыми планами. Впрочем, мое прошение было слишком наивно, мало рассчитано на эффект. Сейчас мне многое приходило на ум, что можно было бы еще прибавить. Жаль, что прошение уже отправлено. Я бы теперь, без сомнения, вложил в него больше жара. Настоящее прошение о помиловании,—говорил я себе,—должно окутать, оглушить получателя. Раскаяние просителя должно прямо-таки светиться из каждой строчки. А я в своем писании вообще ничего не говорил о раскаянии.

После обеда того же дня я встретился со своим другом на скамье перед комнатой следователя. Мы сердечно поздоровались и почти четверть часа провели вме-

сте. Кебис был спокоен. Я сообщил ему о своем прошении начальнику флота. Он молча выслушал меня, но когда я предложил ему сделать то же, он безразлично пожал плечами и сказал: «Не имеет никакого смысла». Напрасна была моя попытка переубедить его. Он казался совсем безучастным.

Я неожиданно спросил его, как он рисует себе наш конец. «Ах,—сказал он,—смерти я не боюсь, но мне трудно думать о щелкании затворов, я не могу вынести этой мысли!» С этими словами он отвернулся и задумчиво уставился в пол.

Тогда я схватил его за руку и сказал: «Альвин, мы устроим это совсем иначе!» И тут я рассказал ему об осколке стекла, который носил при себе. Второпях мы обсудили план. Последнюю ночь мы проведем вместе. В этом желании нам, наверно, не откажут. Лежа на нарах, куря папироску, мы в последний раз припомним свою жизнь. На рассвете—порез вены, и пусть за нами приходит палач. Кебис весело рассмеялся. Это был последний услышанный мной смех моего друга. В эту минуту нас прервали. Мы в последний раз взглянули друг на друга, затем нам пришлось расстаться. После этого часа я его больше не видел».

Несколько раз еще осужденных водили к следователю. Остальное время они сидели по камерам, все еще строго изолированные друг от друга.

Взад—вперед, взад—вперед!

Камеры имеют четыре шага в длину и два в ширину. Хождение прерывается лишь для того, чтобы присесть у стола, опереть голову на руки и думать, думать до боли в голове.

Звяканье ключей, дверь отворяется.

Входит молодой человек аскетического вида—пастор четвертой эскадры. У него едва хватает мужества заговорить с сидящим у стола Беккерсом. Беккерс подымает голову:

— Господин пастор, может быть, вы можете сказать, кто прав: мы, солдаты, борющиеся с несправедливостью, или военные власти, подавляющие все, что стоит на пути осуществления их планов насилия?

Пастор еще больше теряется.

Риторика не приходит ему тут на помощь.

Беккерс говорит, что у пастора тонкое, симпатичное лицо.

— И церковь, церковь в войне...

Молодой пастор краснеет, потом берет себя в руки и бормочет:

— Да, но... все эти более или менее справедливые замечания не меняют того факта, что вы сейчас нуждаетесь в помощи. Поговорите, облегчите себе душу.

— Я не нуждаюсь в утешении, не желаю его!

Беккерс снова один. Отпирают соседнюю дверь, пастор зашел к Кебису. Беккерс прильнул к двери и слушает.

Кебис бегает взад и вперед. Он ни на секунду не прерывает своего хождения. Немного погодя дверь рядом снова запирают. И потом что-то с грохотом валится на пол, стол или какой-то другой тяжелый предмет.

И снова начинается хождение; рядом Альвин Кебис, за ним Заксэ, самый молодой из осужденных, а под ним—матрос Макс Рейхпитч.

Темнеет. Часы бьют двенадцать.

Час!

Два!

Снова можно различить переплет оконной решетки. Часы на тюремном дворе бьют четыре.

Беккерс словно оглушенный лежит на нарах. Будто издалека доносится до него шум. Заксэ вскочил. Он сразу очнулся. Он стоит посреди камеры, и у него такое чувство, будто он сейчас должен провалиться. Стены и потолок камеры обхватывают его, как большой крепкий кулак.

Подбитые гвоздями сапоги... Гул голосов... какой-то приказ внизу в коридоре. Макса Рейхпитча вызывают из камеры. Шаги подымаются по лестнице, приближаются по коридору. Шум многих торопливых шагов.

Заксэ чувствует толчки крови.

Две одновременные мысли: ботинки не зашнурованы! Гордо и прямо,—он обещал это Кебису! Перед камерами отряд останавливается. Звякает связка ключей. Но это отпирают соседнюю дверь, в камеру Кебиса.

В коридоре стало тихо.

Голос офицера:

— Руки по швам!

И ответ Кебиса:

— Я исключен из списков флота и не считаю себя больше солдатом!

Кочегар Заксэ в соседней камере затаил дыхание.

Он слышит шорох и шелест бумаги. Потом наступает тишина, и Кебис говорит:

— Я готов... вы вольны распоряжаться моим телом!

Звон цепей. Щелканье замков. Многочисленные сапоги твердо ударяют о каменные плиты. Отряд удаляется вниз по лестнице.

Три дня спустя: советник военно-морского суда доктор Брейль подвигает секретарю через стол протокол:

— К актам дела четвертой эскадры.

«Стрельбище ВАН. 5 сентября 1917 года.

Присутствовали: Советник военно-морского суда Брейль в качестве судьи.

Смертный приговор, вынесенный 25 августа 1917 года подсудимым Рейхпитчу с военного корабля «Фридрих Великий» и Кебису с военного корабля «Принц-регент Луитпольд», сегодня утром приведен в исполнение. В шесть часов утра оба осужденных были на автомобиле доставлены из крепостной тюрьмы Кельн в Ван. Во время переезда, так же как во всю последнюю ночь, при каждом из осужденных находилось духовное лицо его вероисповедания.

Для приведения в исполнение приговора был назначен отряд в составе одной роты, под командой майора фон-Мерс.

На месте казни осужденным, в то время как отряд держал ружья на караул, нижеподписавшимся был зачитан текст приговора и его утверждение. После того, как представителям духовенства разрешено было еще раз обратиться к осужденным, последним были завязаны глаза. Вслед за этим разбитые на два отряда, по десять человек, солдаты, выстроенные на расстоянии пяти шагов от осужденных, по команде привели приговор в исполнение, а именно в семь часов три минуты утра. Командированный присутствовать при приведении в исполнение приговора состоящий в ополчении врач Вернер констатировал в семь часов три минуты мгновенную смерть обоих осужденных».

Судовой врач на его величества вспомогательном пароходе «Вольф» надел парадный мундир и велел доложить о себе командиру.

Командир принимает его стоя.

Ют переполнен пленными. Сотни ободранных людей, одноцветная серая масса, состоящая из всех рас. Только во время еды толпа эта приходит в движение. В остальное время они сидят скорчившись друг против друга, как стая огромных нахохлившихся птиц, и неподвижно глядят вдаль, поверх вечно синего моря.

Врач докладывает:

— Состояние здоровья пленных внушает еще большие опасения, но и среди команды те же типичные симптомы: расширение сердца, атрофия мускулов, при нажимании нервная боль. У многих выпадают зубы. В лазарете все койки заняты. Еще сто человек нуждаются в помещении в лазарет. Из них тридцать больше не в силах держаться на ногах. Ежедневно сваливается несколько человек. У всех проявляются признаки скорбута. Если рейс не закончится в течение нескольких недель, всей команде грозит смерть!

Это было в Индийском океане.

С тех пор мы потопили еще суда, обогнули мыс Доброй Надежды, прошли весь Атлантический океан. Мы снова стоим перед Датским проливом, на этот раз с западной его стороны.

За нами путь длиной в три обхвата земли и триста тысяч тонн потопленных судов. Наши трюмы до самых люков набиты ценным грузом. Машина изношена. В корпусе корабля течь, полученная от трения борт о борт при выгрузке захваченных пароходов. Мы забираем восемьсот сорок центнеров воды в час. Водоотливные помпы справляются с прибывающей водой.

Ветер с севера кидает нам навстречу целые поля льдин. Впереди нас, по сторонам, под носом корабля,

всюду лед. Необъятные стада серых громад. Корпус корабля гудит от крепких ударов. Иногда перекатывающаяся через корабль волна выкидывает льдину на палубу. Льдина движется, как маневрирующий на качающихся рельсах железнодорожный вагон; повреждает палубные надстройки и шканцы. Один минный аппарат пошел к чертям. Лебедка II разбита вдребезги. Льдины ловят и, используя движения корабля, выкидывают за борт. Стальные тросы, ломы, гандшпуги! Сто пятьдесят пар рук и ног! А мы совершенно обессилены, истощены цынгой. Нам достаточно нагнуться, чтобы покрыться испариной от слабости. Один из пленных прыгнул за борт—Томинага, капитан потопленного японского парохода «Хитачи Мару».

Датский пролив...

Датский пролив забаррикадирован.

Лед оттирает нас на юг. В конце концов мы пытаемся пробраться между Исландией и Шотландскими островами в Северное море и, не повстречав ни одного английского сторожевого судна, достигаем норвежских берегов.

Мы плывем в пределах трехмильной зоны, ночью минуем огни рыбаков, стоящих у неводов...

Скагеррак!

Ютландия!

Малый Бельт!

В Кильской бухте мы бросаем якорь. После четырехсот сорока четырех дней плавания.

Отправленные на погибель! Извещения о смерти уже написаны и разосланы генеральным штабом нашим родным. Но мы вернулись и вошли в гавань Киля. Госпитальный пароход забирает больных. Другой—плен-

ных. Двадцать шесть человек сидят в Бомбее в тюрьме за убийство и морской разбой. Четыре жертвы собственной артиллерии лежат на дне Индийского океана.

А мы, остальные, стоим, выстроившись по-дивизионно.

Командир балтийской морской станции, седобородый адмирал шагает вдоль шеренги и обращается с «благосклонными» вопросами, всегда одними и теми же.

— Как вас зовут?

— Сколько вам лет?

— Ваша профессия?

— Гойлен, господин адмирал!

— Двадцать пять, господин адмирал!

— Моряк, господин адмирал!

Читают приветственную телеграмму кайзера. Командир получаеет орден «Pour le mérite», раздают железные кресты.

Два дня спустя.

У нас отняли железные кресты, у командира—«Pour le mérite». Адмирал снова взошел на борт, на этот раз в сопровождении полковника из «комитета пропаганды для поднятия военного духа в тылу». Киноаппарат! Снимают командира, офицерскую свору, команду.

Оператор вертит ручку. Адмирал вторично раздает отобранные железные кресты, ставит те же идиотские вопросы, зачитывает ту же телеграмму кайзера, снова нацепляет командиру «Pour le mérite». Гигантское кино! Высочайший орден страны превратился в театральный реквизит. Командира, брак которого не признается, потому что его жена актриса, самого превращают в актера. Остальные офицеры и адмирал—начальник балтийской морской станции, являются статистами. Команды стоящих в гавани военных судов и толпа, собравшаяся

по приказу на пристани, создают большой и бесплатный задний план. Мы кричим «ура» с полсотни раз, до полной хрипоты, и притом скалим зубы: пропаганда для поднятия военного духа Германии!

Пятьсот метров киноленты для тыла и лазаретов. Захваченный груз ценой в сорок миллионов марок—каучук, медь, человеческие волосы, рис, кофе, чай, мясные консервы, деликатесы, спиртные напитки—не предназначены ни для тыла, ни для лазаретов. Кильское офицерское собрание заинтересовалось этим грузом и явочным порядком посылает несколько паромов, чтобы приступить к разгрузке корабля. Но наш командир в качестве начальника самостоятельно плавающего судна не подчинен никакому начальству и имеет право единоличного распоряжения. По его приказу призовой груз выгружается, помимо контроля военно-морских учреждений, в свободном порту Любека.

Нас увешивают орденами. Саксонский, баварский, вюртембергский короли и свободные города Ганзейского союза ящиками посылают отличия к нам на борт. Офицеры повышаются в чинах. Командир получает четвертую золотую нашивку, что означает повышение оклада, восемьсот марок в месяц. Старший артиллерист получает вторую нашивку, четыреста марок в месяц.

А мы остаемся кули, пятьдесят пфеннигов жалованья в день. Причитающиеся нам призовые деньги застревают в дебрях бюрократических процедур. Любекские солдатки, принимающие нас в свои кровати, носят рубахи из крапивы, моются суррогатным мылом без жиров, получаемым по солдатскому пайку; им не хватает денег даже для покупки нормированных суррогатов. Мы крадем сколько можем из груза, делим с таможней, поли-

цией, продаем приезжим спекулянтам и перекупщикам. Один из живущих в городе вышедших в отставку высших морских офицеров пишет в морской генеральный штаб: «...чествуемый экипаж военного корабля «Вольф» не герои, а грабители и воры! Раскрадывают государственное имущество! Всех до последнего матроса следовало бы предать военному суду!»

Но нас погружают на поезд и везут в Берлин. Мы проходим сквозь Бранденбургские ворота, сопровождаемые с двух флангов почетными отрядами. Комендант города держит речь. Жена кайзера машет нам рукой в то время, как мы удостаиваемся чести продефилировать перед ней парадным маршем. Женщины из «патриотических» союзов раздают цветы. Город угощает нас обедом, известный ресторан Кемпинского—ужином. В цирке Буша, в фойэ театров, в зоологическом саду нас почти с ног сбивает необозримое количество теснящихся вокруг нас патриотических дам. Режиссеры этого спектакля сидят в военном министерстве. Парад экипажа вспомогательного крейсера только один из номеров обширной программы, выработанной генералами для борьбы с растущей военной усталостью.

Конференцзала на Лейпцигерштрассе. Прусские математические лица. Представители военного кабинета, военного бюро печати, имперской канцелярии, министерств.

«Положение исключительно серьезно... Нам необходима твердая внутренняя политика... нужно выдвинуть значительных людей.... Единодушно провести газетную кампанию... Духовенству и школе следует преподать самые строгие инструкции... Привлечь к сотрудничеству женщин... Дальнейшая раздача орденов, раздача медалей председателями всяких союзов... Более частые поездки

его величества в Берлин. Кайзер должен выказать участие к широким рабочим кругам. Посещение крупных заводов, учреждение или временное устройство в принадлежащих кайзеру зданиях домов отдыха для рабочих, работающих на оборону... Пресса должна давать сообщения о тяжкой работе и строгом исполнении долга монарха и всех членов его дома, об их простом образе жизни, об их достижениях перед лицом врага, понесенных ими потерях и т. п. Слухам о кронпринце должен быть положен конец... Правительственные меры по социальному обеспечению следует в печати отнести по возможности за счет инициативы его величества кайзера...»

Берлин, Брафусштрассе, флигель, четвертый этаж. Я распаковываю свой мешок: сгущенное молоко, консервы, австралийские овечьи языки—на полцентнера государственного имущества! Мать стала меньше, и волосы у нее на голове поредели.

— Если б мы получили это несколько недель раньше, отец еще был бы с нами! Он больше не мог, поедал все, что у нас было. Его никак нельзя было накормить досыта...

У меня в руках его фотография. Узловатые пальцы, костюм болтается на исхудавшем теле, воротник слишком свободен. Лицо изменилось. Этих мешков под глазами у него раньше не было. Я узнаю только бороду.

— Вот тут он стоял у печки. В тот день, когда пришло письмо из морского генерального штаба. Второе, где писалось о «Вольфе», что он погиб и что матросы значатся в списках пропавших без вести. Еще и это, когда и так уж Пауль, раненный в спинной хребет, ходил на костылях, а нервы Фрица совсем никуда. Вот тут он стоял и грел спину. «Этого мальчишку я уж тоже

никогда не увижу!»—и немного погодя он начал ворчать, что прессованный уголь опять весь вышел. «Что это со мной? Ноги так мерзнут... и холод все выше подымается!» Потом он пошел к врачу...

Приемная врача! Женщины, дети, несколько мужчин. Пахнет нестиранным бельем. Старик падает со стула, и его, без признаков жизни, вносят к врачу. Пациенты подвигаются ближе друг к другу и скоро снова погружаются в томительное ожидание.

Карета скорой помощи, больница, морг!

Я был на кладбище, длинный ряд могил. Ряды расположены по буквам. Сто могильных холмов в каждом ряду. Германии хорошо организована: братские могилы для стариков и новорожденных детей.

Подписывайтесь на военный заем! Медные приборы надлежит сдавать в сборные пункты. На сорок третий талон продуктовой карточки выдаются сто двадцать пять грамм пюре военного времени.

— Мы верим, что эта война угодна богу.

— Продержаться! Выдержать! Держать язык за зубами!

— Подлец, кто бастует!

Последний медный котел мобилизован и приносит барыш целой цепи крупных спекулянтов, пока в качестве гранатового кольца не разорвется где-нибудь в воздухе. Фронт стоит, как железный, маневренная война кончилась, тыловые офицеры больше не могут в занятых ими частных квартирах употреблять портфели вместо ночных горшков. Зато они опустошают французские винные погреба, обогащаются мебелью, коврами, предметами искусства.

Колесо накаляется.

В центре—перемещения; кабинеты падают. Парламент и гражданские власти являются лишь исполнительными органами правящих генералов. На периферии разруха.

Забастовки рабочих на военных заводах в Мюнхене, Киле, Гамбурге, Бремене, Брауншвейге, по всей стране, В Дрездене перед пороховым заводом: штрейкбрехеры падают на мостовую под ударами деревянных туфель работниц завода. Женщины и дети разбивают окна и громят продуктовые магазины. Берлинские металлисты выходят на улицу. Листовки: наши братья в окопах ждут от нас вместо боевых припасов революционных действий!.Лозунги: Отмена осадного положения! Свобода собраний и стачек! Освобождение политических арестованных!

Движение ликвидировано: исправительный дом. Тюрьма. Для большинства—окопы.

Военнопленные русские, бельгийцы, французы, румыны! Их путь предопределен и протекает прямолинейно, без отклонений: доменная печь! Жилой барак! Заразный лазарет! Братская могила! Случайности устраняются умелой рукой. Если кто-нибудь свалится во время работы, его кладут в сторонку с мокрой тряпкой на лбу. Если кто-нибудь наглотался газа во время загрузки печи, ему дают рвотное. Если это не помогает,—выкачивают желудочный сок. Против всех других случаев помогает тюремный режим и удары прикладов ополченцев. Так было у Тиссена, в Мальгейме (Рурская область). Свыше ста русских согнали в угольную яму и выстроили.

— Руки вверх! Кто хочет продолжать работать, выходи вперед!

Все остаются на месте, подняв руки кверху. Кто устает и опускает руки, получает удар прикладом в спину и ле-

тит в угольный шлак. После трехчасовой обработки группа пленных согласна продолжать работать, даже без выполнения ее требований—увеличение порции и немного табаку.

Эпидемический лазарет в Касселе. Вновь прибывающих несут на носилках или они сами доходят до расположенных за городом бараков. Выбывающих увозят ночью. Между прибытием и отбытием дни понижающейся жизненной кривой. Легкие больные бродят вдоль заборов, когда темнеет, перелезают через них и встречаются с женщинами с пороховых заводов, также живущих в бараках за городом. Лазарет окружен проволочными заграждениями. У женщин накожные болезни, легкие изъедены порохом. Они подходят к самому забору. Над лежащими на земле парами простирается колючая проволока...

Нам дали двухмесячный отпуск для поправки. Двадцать процентов остаются в больницах, на триперных пунктах или в арестных домах. Остальная часть экипажа военного корабля «Вольф» возвращается в Вильгельмсгафен. Бюро личного состава. С вещевыми мешками стройсь! Направо кругом! Марш!

На сторожевые суда!

На тральщиков—миноискателей!

Бурггraф и граф Донау-Шлодин, командир «Чайки», после пиратского рейса по северной части Атлантического океана и потопления восемнадцати торговых судов, был назначен флигель-адъютантом его величества кайзера. Не принадлежащий к аристократии командир вспомогательного крейсера «Вольф», после беспримерного плавания по пяти морям, после установки минных заграждений в важнейших гаванях четырех континентов и потопления трехсот тысяч тонн неприятельских су-

дов, произведен в главного тральщика Северного моря.

Траллер типа «С 212».

Траллер совсем картонная коробка, такой же плоский. Когда мы выходим в море, вместе с другими траллерами, на больших кораблях, знают, что что-то затевается:

— Вшивая эскадра выплыла!

Перед каждым выступлением флота вшивая эскадра расчищает проход в минных заграждениях Северного моря. Каждые два траллера тащат за собой приспособления для траленья, стальной трос с щипцами на конце. Трос зацепляет мины и отрывает их от якоря. Всплывающую мину расстреливают. Глупо то, что трос мы тащим за собой, в то время как сами должны проезжать по минным полям. Нас на борту полторы дюжины человек.

Когда приспособления для траленья в работе, мы торчим на корме, свободная смена кочегаров, палубная команда, а также командир, помощник палубного офицера, которого мы прозвали «Сапог». Мы сидим на фальшборте, готовые прыгнуть за борт. Так мы рискуем только ползадницей. Кочегары у топки и рулевой рискуют всей.

В последний рейс траллер «110» взлетел на воздух. Мы выловили одиннадцать человек. В Куксгафене они получили новые вещевые мешки, а потом и новый траллер. В казармах стоят заготовленные, упакованные вещевые мешки. Команда пополняется несколькими матросами из флота и одним освобожденным из тюрьмы.

Лето прошло.

Один раз был в отпуску, три раза—под арестом. Мы на новом траллере. «С 212» взорвался вместе с вахтой кочегаров, рулевым и коком; с тех пор мы можем называть нашего помощника, палубного офицера, «Сапогом», даже в его присутствии.

Вся система разваливается.

В Эссене кайзер произнес речь перед тысячью пятьюстами изголодавшихся чернорабочих: «Мои дорогие друзья с крупповских заводов...» Подкрепления, отправленные на фронт, написали на вагонах: «Скот, посылаемый на убой фирмой Вильгельм и С-ья». Военный корабль «Нюрнберг» на передовых позициях в Северном море. В кают-компании все перепились. Старший офицер велел намазать себе горчицей голый зад и выставил его в окно. Лейтенанты поясняли: «Это наш новейший прожектор!» В офицерских флотских собраниях все еще пируют. Каждый день за столом играет музыка. А на долю команд — десять смертных приговоров, сто восемьдесят лет тюрьмы. И аппарат военного суда не прекращает работы.

28 октября 1918 года.

Генерал-квартирмейстер Людендорф подал в отставку. Вновь учрежденное германское правительство предложило Антанте перемирие. В Вильгельмсгафене и на рейде сконцентрирован весь германский флот открытого моря.

Флотилии траллеров получили предписание тралить мины, командующие эскадрами получили запечатанные приказы: «Ввести в дело против английского флота военные силы открытого моря».

I, II, III, IV эскадры! Пар во всех котлах! Корабли разводят пары, черные облачные клубы подымаются в беззвездное небо.

В десять часов вечера должны сняться с якоря.

Военный корабль «Тюрингия» без огней. Ни одного луча света не пробивается наружу. Не видно корабля, стоящего рядом на якоре. В сыром воздухе раздается крик: «Тюрингия», ahoi!» Из тумана вынырнул паровой

катер, за ним—второй, третий, четвертый. Первый останавливается у фалрепа. Остальные идут дальше, к другим кораблям. Офицеры возвращаются с берега из собрания.

На «Тюрингии» у фалрепа—толпа матросов, кочегаров свободной смены. На лицах у всех осуждение: «Опять все нализались!»

Команды сидят в казематах под развешанными гамаками. Электрический свет, стальные стены, стальные потолки. Никто не ложится. Четыре с половиной года войны! Военное поражение! Все равно: оно означает мир!

Но в глубинах корабля, в бункерах и котельных помещениях кипит работа. Подвозят уголь, шуруют огонь, котлы, паровые шланги, турбины наполняются дрожащим воздухом.

Почему траллеры вышли в море?

Почему флот стоит на Шиллиг-рейде?

Почему разводят пары?

В воздухе что-то чувствуется.

Матросы и кочегары слоняются из одного каземата в другой, бегают по палубам, караулят у мостика, под покровом темноты пробираются на корму до самых шканцев.

В кают-компании веселье в полном разгаре. «Господам» внизу стало так жарко, что они велели открыть верхний иллюминатор. Играет граммофон, пение. Хлопанье пробок. Звон стаканов. Гул голосов.

Внезапно граммофон перестает играть. Он свален на пол пинком ноги. Офицеры, которые еще держатся на ногах вскочили. Стюарды снова наполняют стаканы.

Матросы смотрят в кают-компанию сквозь верхний иллюминатор. Они позабыли всякую осторожность. Ли-

ца напряженно замерли. Матросы впитывают каждое слово, сказанное внизу.

Вот капитан-лейтенант Рудлов со стаканом в руке:

— Мы расстреляем наши последние две тысячи снарядов по англичанам, а затем погибнем с честью. Лучше славный конец, чем опозоренная жизнь!

— Лучше десять лет войны, чем такой мир!

— Адвокаты, газетные писаки хотят управлять нами!

— Наплевать нам на правительство! У флота, у командующего флотом полная свобода действий!

Бледные лица, голоса, охрипшие от возбуждения:

— «Тюрингия» должна погибнуть. Товарищи, господа! Вопрос идет о нашей чести. Этот стакан...

— За смертный рейс германского флота!

— За последнее плавание!

— За последние две тысячи снарядов!

Матросы отходят от верхнего иллюминатора. Они бегут по казематам, по помещениям матросов и кочегаров, кричат о том, что слышали. Повсюду собираются группы. Кто уже спал, выскакивает из гамака.

То же происходит на «Гельголанде», «Остфрисландии», «Ольденбурге».

На других кораблях наблюдали те же признаки: вышедшие в море траллеры, пар во всех котлах, орущие кают-компании. Военная шарманка заведена на мотив: победить или умереть! Одно чувство овладело тысячеголовой командой: сбежать! Стряхнуть с себя весь этот ужас! Или же команды лежат, как убитые, в полутемных казематах и ждут.

Новый флагманский корабль флота «Баден», самый большой из всех боевых кораблей, новейшей конструкции, трехногие мачты, тридцативосьмисантиметровые

орудия. «Баден» стоит во внутренней гавани у пристани. Команда спит. Вдруг раздается крик:

— Спасайся, кто может! Офицеры взрывают пороховые камеры!

Крик несется по казематам, истерический, сеющий тревогу: «...офицеры... снаряды... спасайся!» Тысяча пятьсот человек, как поток, валят из броневых люков, теснятся на палубе, лезут на берег.

На всех кораблях паническое настроение.

Военный корабль «Тюрингия», десять часов вечера. Свистки боцманов. Раздаются приказы.

— Команда II катера выбирай якоря!

— Поставить караул!

Команда II катера подымается на бак, идет к якорному шпилю. Повертывает рукоятку. Шпиль пыхтит под напором ворвавшегося пара. Тяжелую цепь звено за звеном втягивают сквозь клюз в корабль. В темноте не видно мостика, занятого офицерами; видны только густые клубы дыма, валящего из труб.

Куча матросов кидается на бак. Второпях они даже не оделись как следует, некоторые босиком.

— Братцы, ребята!

— Ведь это же безумие!

— Руки прочь от якорного шпиля!

— Мы не поедем!

— Пускай едут одни, пускай и тонут одни!

Корабельный гардемарин, лейтенант, офицеры; угрожающе поднятые дула револьверов. Катерная команда подчиняется насилию и многолетней муштре: цепь, гудя и визжа, укорачивается. Якорь свободен и тяжело ударяется о броневой борт корабля.

Из труб вылетают искры.

Корабль проходит мимо, как привидение.

Еще один! Флот пришел в движение.

Крик пронизывает ночь. Кричит один человек. Из сотен глоток вырывается, как эхо, крик ярости и отчаяния. На верхней палубе «Тюрингии» черным-черно от матросов. В это мгновенье падает другой якорь. Его опустили несколько человек. Цепь грохочет сквозь клюз, и снова корабль прикован. Теперь здесь уже и кочегары. Они гасят огонь. Полоски дыма обрываются, из труб валит белый водяной пар.

Массы матросов приходят в движение.

Они бросаются через казематы к носовым батареям, укрепляют якорную цепь, запирают помещение для унтер-офицеров, расположенное под палубой команды, задраивают люки. Обрубают канаты и швартовы катера, теперь нельзя спустить ни одной шлюпки. В офицеров, сходящих с мостика, швыряют все, что попадет под руку: шайки, сапоги, куски накипи. Угрожающе поднятые руки, кулаки! Портрет «Победителя при Скагерраке» разорван на куски. Разбивают лампы, раздают всем винтовки и патроны, добывают боевые припасы для средней артиллерии.

Казематы гудят:

— Мы требуем мира!

— Мы требуем свободы!

— Долой аристократов, вешателей! Долой военный флот, долой!

Прожектор. Код Морзе.

Военный корабль «Гельголанд» отвечает:

— Товарищи, держитесь крепко! У нас происходит то же самое.

«Тюрингия» осталась на Шиллиг-рейде.

«Гельголанд» остался на Шиллиг-рейде.

Флот бригады броневых крейсеров и линейных кораблей уходит. При белом свете прожектора командованию удалось разогнать сборища на палубах и обеспечить спокойную выборку якорей. В последний раз офицеры взывают к чувству долга, рассчитывают на легковерие команды:

— Мы идем в море не против Англии. Мы выходим тралить мины! В море остались еще девяносто подводных лодок. Они не знают прохода. Мы должны привести их в гавань!

Флот идет длинной кильватерной колонной. Идет медленно. Кочегары поддерживают в котлах низкое давление.

Для траления и проводки подводных лодок достаточно скорости в двенадцать-четырнадцать морских миль.

При выходе из бухты подымается ветер. Облачная завеса разрывается, звезды влажно мерцают. Корабли движутся в такт тяжелому ритму моря. Перемена курса. Волны ударяют о другой борт. Это чувствуется даже в казематах.

Курс на норд-вест!

Против Англии!

Приказы, исходящие не с мостика:

— Вставай с гамаков! К носовым орудиям! Все на бак.

Там уже кто-то стоит на канатном ящике:

— Курс на норд-вест! Наступление! На столе у штурманского офицера лежат карты восточного побережья Англии. На мостике приготовлена краска для покраски труб. Нас, как всегда, надули! Четыре с половиной года войны! Теперь конец. Вся их карьера, блестящее беззаботное существование летят к чорту! Офицеры боятся за будущее и хотят покончить с собой! Это наступ-

ление—самоубийство. И мы должны тоже участвовать в нем, подставлять свои шеи!

Корабль качается на волнах.

Около пятисот человек обступили канатный ящик на баке. За бунт полагается смерть! Группа матросов расположились вокруг одного из пятнадцатисантиметровых орудий; они пытаются заглушить свое беспокойство пением: «Nach der Heimat möht, ich wieder...». [1])

Оратор, другой, третий.

Подходит старший офицер:

— Я могу говорить только с одним, самое большее с двумя зараз.... Я из южных провинций... уже восемнадцать лет во флоте. Я очень люблю жизнь... вы швырнули в меня каким-то предметом. Это нехорошо... товарищи, товарищи!

— Обманщик!

— Самоубийца!

— Бей его! Бей его!

Разбивают лампы.

Носовые помещения погружаются во тьму. Топот! Толкотня!

— Проклятые трусы! Прекратите пение! Кочегары, где кочегары?

— В котельные помещения! К огнетушителям! Тащите огнетушители!

— Погасите прожекторы!

— Гасите свет!

— Гасите свет!

— Гасите огонь!

На одно мгновенье прожекторы освещают людей, потоком выливающихся из броневых деков и сплошной

[1]) На родину хочу я снова... (Прим. перев.)

массой несущихся по палубам. Затем лучи света бродят по небу и гаснут.

Радиограмма командующего флотом:

— Необходимо выполнить намерение!

Ответ:

— Выполнить намерение невозможно!

Рев сирены.

Средняя палуба, проходы, ведущие в котельные помещения. Кучи матросов, спасающиеся штабные инженеры. Летят куски угля. Унтер-офицеры защищают посты.

Штурвалы, рукоятки, противовесы!

Вытаскивают огнетушители.

Распахивают дверцы топок.

Авральный колокол, телефонные звонки!

Последняя попытка командования:

— Корабль к бою приготовить! Все по местам!

Команда не поддается больше на обман. Пар в котельных помещениях встает словно огромные дикие заросли. В свете огня видны сцепившиеся в клубок тела. Машинисты, старшие матросы задавлены массами.

Последний котел приведен в бездействие.

Корабль останавливается.

Один за другим! Один корабль за другим отклоняется от пути наступления и становится по траверсу волн. Неуправляемые корабли похожи на мертвые вздувшиеся тела животных.

Наступление германского флота сорвано.

Штаб флота перебирается с боевого корабля «Баден» во внутреннюю бухту, на штабной корабль без мачт и без машин «Кайзер Вильгельм II».

Рейд в тумане, северный канал Балтийского моря, Кильская бухта в тумане. Глади моря кажутся жидким

молоком. В кильватере медленно идущих кораблей носятся чайки, они кричат и дерутся из-за выброшенных за борт остатков еды, затем быстро исчезают в свежем воздухе. Эскадры разделились; возвращаются на свои стоянки в Вильгельмсгафен, Куксгафен, Брунсбюттель, Киль.

Штабной корабль «Кайзер Вильгельм II».

Штабные офицеры висят на телефонных трубках. Пишущие машинки стучат. Вестовые бегают взад и вперед. Телеграммы, радиограммы: «Освободить насколько возможно тюрьмы крепости Шаар, Гекерштрассе, Геппенс!.. Пароход Северо-германского ллойда «Франкфурт» приготовлен для размещения значительного количества людей. Вопрос идет не об отдельных арестах... Господам советникам военных судов, секретарям суда предписывается явиться с пишущими машинками на борт «Швабии». Посадка по особому распоряжению.... Произвести посадку на два портовых парохода хорошо вооруженной роты солдат морской пехоты для ареста мятежников... В случае если команда добровольно не подчинится приказу выйти на бак, миноносцу предписывается обстрелять гранатами носовую часть корабля. Подводной лодке держаться на случай надобности вблизи от «Тюрингии»!..»

Командир подводной лодки, капитан-лейтенант Шпис, отыскал наконец штаб флота; он докладывает начальнику штаба, адмиралу фон-Трота, что он с подводной лодкой «135» в его распоряжении.

Начальник штаба уже уложил чемоданы. Не для выступления, нет,—уже месяц назад получил он командировку в главную квартиру и считает данный момент, когда флот находится в состоянии полного развала, подходящим, чтобы выехать как можно скорее. До главной квартиры он так и не добрался!

— Вы уверены в вашей команде?

— Так точно, господин адмирал!

Адмирал фон-Трота знакомит командира подводной лодки с заданием: выйти в море и обеспечить арест мятежников с «Тюрингии» и «Гельголанда»! «Выйти в море», «обеспечить»—капитан-лейтенанту не нравится эта терминология. Ведь дело идет о том, чтоб выпустить мину в собственные линейные корабли и взорвать их. Он просит письменного распоряжения.

Адмирал отвечает:

— Такового нет!

Командир подводной лодки понимает: действовать на собственный риск, как уже неоднократно перед тем! Высшее командование не хочет нести ответственности. И командующий флотом тоже не дает определенного приказа; короткое приветствие, поклон, капитан-лейтенант Шпис снова на улице. Через полчаса подводная лодка «135», идущая в кильватере нагруженного морской пехотой парохода, исчезает в тумане.

На «Тюрингии» арестовано триста человек.

Столько же на «Гельголанде».

Флот возвращается. Броненосные крейсеры, линейные корабли, истребители—не в полном порядке, а стаями, как бегущие звери.

Боевой корабль, башни, боевые мачты.

На флагштоке развевается военный флаг.

Команда в парусиновых блузах, рабочих брюках, сапогах; неумытые, обросшие бородой лица, худые и костлявые, на которых написано: четыре с половиной года войны и блокады; какой-то серый поток, растекающийся по палубам.

Офицер запаса, не понимающий, в чем дело.

— Ребята, неужели так должно быть?... В тысяча девятьсот четырнадцатом году я в качестве кочегара пробрался из Нью-Йорка...

Шесты, гандшпуги, тесаки!

Тюремные камеры разбиты.

Заключенные вырываются на волю.

Офицера запаса опрокидывают. Команда лавиной катится на корму. Никто не оказывает сопротивления. Офицеры забаррикадировались в броневом деке. Тысяча четыреста матросов и кочегаров. Над их головами развевается военный флаг, черный орел на белом поле, с железным крестом в левом углу.

Узлы на флажном фалле не развязываются.

Протягиваются руки... канат оборван! Военный флаг опускается.

Несколько рук подымают кверху швабру, грязную тряпку, которой вытирают палубу: старую оборванную тряпку, пропитанную потом бесчисленных кули, осужденных на штрафную работу.

— Швабру... привязать швабру!

— Готово... все разом, подымай!

Веревочная швабра подымается в воздух, повисает наверху, на гафеле, на котором в течение четырех с половиной лет войны и с самого основания флота развевался символ германской империи.

То же и на других кораблях: флаги опускаются, а на их место подымаются швабры, угольные мешки, красные флаги.

Пять тысяч морских офицеров, присягавших знамени! Бесконечное число раз во время шумных пиров со стаканом шампанского в руке повторяли они, что готовы отдать жизнь за знамя и кайзера.

Пять тысяч адмиралов, капитанов, офицеров!

И только трое защищают знамя.

На военном корабле «Кениг» командир, старший офицер и адъютант, двадцатилетний лейтенант. С револьверами в руках стоят они трое на юте, покинутые всеми. От их выстрела падает матрос. Над ними смыкается серый вал. Удары прикладов, выстрелы! Тела, руки, ноги.

Командир и старший офицер ранены, адъютант убит. Флаг кайзера падает!.

Взвивается красное знамя!

Все другие корабли сдались без боя.

Флотские экипажи на берегу сдались без боя.

Морское министерство в Берлине—статс-секретарь, адмиралы, капитаны, капитан-лейтенанты, несколько сот офицеров, вооруженных кортиками, револьверами, ручными гранатами, пулеметами, подкрепленные оставшейся верной кайзеру ротой вооруженных егерей,—эта крепость сдалась унтер-офицеру с шестью матросами.

А верховный главнокомандующий Вильгельм II, император, rex?

Бежав на автомобиле через границу, он ответил на вопрос своего адъютанта, генерал-лейтенанта Нимана, почему он не искал смерти во главе своих войск:

— Времена героических жестов миновали!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Цена 2 руб.

